This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

Lectori benevolo.

Сочиненіе это отдано было въ печать при самыхъ неблагопріятныхъ, стѣснительныхъ для автора обстоятельствахъ. Чрезвычайная спѣшность, съ которою онъ принужденъ былъ отправить свою рукопись за границу, лишила его возможности подвергнуть трудъ свой тщательному пересмотру. Этимъ объясняется весьма замѣтная во многихъ случаяхъ шероховатость слога, а также и нѣкоторая разрозненность мыслей, происшедшая въ слѣдствіе исключенія кое-какихъ мѣстъ, и даже цѣлыхъ страницъ, которыя либо остались вовсе непополненными, либо же замѣнены на-скоро набросанными вставками. Авторъ утѣшаетъ себя впрочемъ мыслію, что благосклонный читатель обратитъ вниманіе не столько на складъ рѣчи, сколько на ея смыслъ, — не на форму изложенія, а на выраженную въ ней идею.

ДУМА

РУССКАГО ГРАЖДАНИНА.

ДУМА

РУССКАГО ГРАЖДАНИНА

Н. Н. НЕЗВАНОВА.

ЛЕЙПЦИГЪ,
У ФРАНЦА ВАГНЕРА.

LEIPZIG,
FRANZ WAGNER.

1858.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ОТДѢЛЕНІЕ I.

Стр.

Вступленіе 1

Глава I. недостатки органическіе 13

Глава II. недостатки духовные 33

прибавленіе ко II. главѣ 80

Глава III. недостатки нравственные 82

ОТДѢЛЕНІЕ II.

Предисловіе 125

Понятіе о народномъ образованіи и значеніе сей отрасли управленія въ общей системѣ государственной администраціи 129

Кругъ дѣятельности народнаго просвѣщенія 132

Состояніе народнаго просвѣщенія въ Россіи 138

Раздѣленіе органовъ народнаго просвѣщенія . . . . . ~~139~~ 148

I. Образованіе народное въ собственномъ смыслѣ:

1. училища первоначальныя 148

2. училища второстепенныя: а) реальныя училища 160

б) учительскія семинаріи 163

Общее заключеніе на счетъ народнаго образованія въ Россіи 165

Приготовленіе русскаго юношества для поступленія въ учебныя заведенія 169

II. Образованіе ученое или высшее, общія свойства сего образованія 174

1. Гимназіи. Значеніе сихъ учебныхъ заведеній 179

Стр.
Главнѣйшіе предметы гимназическаго курса 181
Общія замѣчанія на счетъ распредѣленія наукъ и способа ихъ преподаванія 199
Нѣсколько словъ на счетъ состоянія учебной части въ русскихъ гимназіяхъ 193
О способѣ преподаванія наукъ ученикамъ, принадлежащимъ къ дѣтскому и юношескому возрасту 199
Русскій учебный годъ 203
Учебныя заведенія, соединяющія въ себѣ курсы гимназическій и академическій 206
Общія условія нравственнаго воспитанія 214
Сравнительныя данныя о гимназіяхъ русскихъ и прусскихъ 227
2. Университеты. Значеніе университета и характеръ университетскаго образованія 228
Краткій очеркъ университетскаго образованія въ Россіи во второй четверти нынѣшняго столѣтія 236
Справедливы ли опасенія относительно распространенія познаній философскихъ и политическихъ путемъ науки? 238
Наука во мнѣніи обскурантовъ и дилетантовъ 248
Науки нравственно — политическія 252
Науки философскія 258
Теорія и практика 260
Ученыя степени магистра и доктора 269
Возрастъ, требуемый для поступленія въ университетъ . 271
Нѣсколько словъ объ отношеніи учебнаго поприща къ служебной дѣятельности 272
Общій сводъ замѣчаній на счетъ народнаго образованія въ Россіи 285
Заключеніе 291

ОТДѢЛЕНІЕ I.

„Жатва многа, дѣлателей же мало. Молитеся убо Господину жатвы, яко да изведетъ дѣлатели на жатву Свою.“
Матѳ. IX. 38.

Какъ жизнь человѣка заключена въ предѣлахъ смертности, такъ и духовная его дѣятельность ограничена извѣстнымъ кругомъ дѣйствій въ области познаванія и творчества, — кругомъ болѣе или менѣе обширнымъ, смотря по способностямъ отъ природы даннымъ, и усиліямъ употребленнымъ для ихъ усовершенствованія. Притязанія или стремленіе къ знанію и умѣнію всеобъемлющему, равно какъ и требованіе подобнаго рода отъ дѣятельности другихъ, столь же безразсудно, сколько и невозможно. Каждый изъ насъ надѣленъ отъ Создателя особенными способностями, которыя Апостолъ называетъ дарами Св. Духа. Это премудрое распредѣленіе даровъ указываетъ на необходимость единодушнаго и соразмѣрнаго соучастія каждаго члена общественной семьи въ дѣлѣ общей пользы взаимнымъ обмѣномъ посильныхъ услугъ. Значитъ каждый изъ насъ, въ качествѣ ли согражданина извѣстнаго государства, или же какъ сочленъ всенародной семьи, имѣетъ свой удѣлъ, свое призва-

ніе; и тотъ, кто, уразумѣвъ свое назначеніе, на какомъ бы то нибыло поприщѣ житейской опытности, успѣлъ къ переданнымъ ему отъ Бога десяти или пяти талантамъ пріобрѣсти другіе десять или пять талантъ, и принесъ ихъ на предназначенную Провидѣніемъ пользу, тотъ постигнулъ задачу жизни, исполнилъ свое призваніе, оставилъ достойное наслѣдіе. Возводя эти мысли отъ значенія единичной личности къ судьбѣ гражданскаго общества, можно заключить, что, по аналогіи жизни индивидуальной, цѣлому современному поколѣнію, въ его совокупномъ существованіи предопредѣлено проявить, при данныхъ условіяхъ мѣстности и обстоятельствъ времени, какую нибудь особенность жизни народной, оставить грядущему поколѣнію примѣръ, долженствующій служить ему урокомъ поучительнымъ въ подражаніе, либо въ предостереженіе, и подготовить матеріалы для будущаго развитія его дѣятельности. Грядущее поколѣніе, усвоивая себѣ плоды опытности предшественниковъ, стремится къ дальнѣйшей обработкѣ элементовъ своего существованія, и въ свою очередь представляетъ новое явленіе гражданской жизни.*) Въ этомъ постепенномъ развитіи гражданскаго быта извѣстнаго народа обрисовываются главныя черты его историческаго значенія, и, такъ какъ развитіе это находится въ тѣсной связи съ условіями народнаго характера, мѣстности и событій предшествующихъ, то въ современномъ существованіи

*) Эти соображенія относятся, конечно, къ тѣмъ только народамъ, которые постепени своего просвѣщенія принадлежатъ къ семьѣ народовъ историческихъ.

всѣхъ историческихъ государствъ, каждое являетъ отличительную, болѣе или менѣе своеобразную, сторону государственной дѣятельности. Изъ ряда же подобныхъ явленій, равно какъ и изъ совокупнаго содѣйствія нѣсколькихъ современныхъ народовъ, сковывается неразрывная цѣпь событій историческихъ, ведущихъ къ результатамъ всемірно-историческимъ. Но если развитіе индивидуальныхъ способностей человѣка обусловливается въ обыкновенномъ порядкѣ вещей воспитаніемъ, руководящимъ духовный процессъ саморазвитія, то тѣмъ въ большей мѣрѣ, и почти безъ исключенія, развитіе силъ народныхъ, и степень благосостоянія государства находятся въ прямой зависимости отъ предначертаній верховной правительственной власти, особенно при самодержавномъ образѣ правленія гдѣ воля МОНАРХА, не будучи стѣснена ни закономъ, ни посредничествомъ противуборствующихъ началъ представляетъ въ себѣ самой послѣднее выраженіе закона, выраженіе исходящее изъ совокупнаго сліянія во единомъ лицѣ всѣхъ трехъ властей государственнаго управленія: законодательной, судебной и исполнительной. А какъ условія народной жизни, служащія предметомъ правительственной дѣятельности видоизмѣняются сообразно обстоятельствамъ времени, то и программа государственнаго управленія каждаго МОНАРХА подлежитъ тѣмъ же перемѣнамъ; и, слѣдовательно, каждому Вѣнценосцу предлежитъ исполнить свою задачу, свое Всевышнимъ провидѣніемъ предназначенное призваніе...

Такъ нынѣ царствующій ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ успѣлъ уже ознаменовать начало Своего

державнаго поприща многими замѣчательными подвигами, служащими подтвержденіемъ выраженной здѣсь мысли. Окончивъ тяжкую борьбу съ врагами отечества, Вѣнценосный Труженикъ обратился къ мирнымъ занятіямъ внутренняго, гражданскаго устройства, оправдывая знаменательное изрѣченіе Римскаго Законодателя: „Imperatoriam majestatem non solum armis decoratam, sed etiam legibus oportet esse armatam.“ т. е. Величество ИМПЕРАТОРА должно быть не только оружіемъ украшено, но и вооружено законами.*) Кто не сознается въ томъ, что въ теченіи трехъ послѣднихъ лѣтъ введено много замѣчательныхъ улучшеній, и положено начало такимъ мѣрамъ, которыя обѣщаютъ весьма полезныя и обильныя послѣдствія; но кому неизвѣстны и недостатки издавна гнѣздящіяся въ государственномъ управленіи и гражданскомъ быту, недостатки, пустившіе глубокіе корни, и могущіе быть устранены неиначе какъ постоянными и продолжительными усиліями.

Великій примѣръ МОНАРХА, ревностно и дѣятельно стремящагося къ обезпеченію благосостоянія народа Всемудрымъ Промысломъ ввѣреннаго его попеченію, пробудилъ почти всеобщую готовность и пламенное желаніе вѣрныхъ Его подданныхъ содѣйствовать, по мѣрѣ силъ и возможности каждаго, успѣху общаго дѣла. Вниманіе

*) Глубокій смыслъ этихъ словъ означаетъ, что подвиги воинскіе служатъ лишь украшеніемъ, тогда какъ устройство внутренняго порядка, основаннаго на правомѣрныхъ законахъ, составляетъ настоящій оплотъ, истинный палладіумъ государственнаго существованія. Proœm. Inst. Just.

всѣхъ благомыслящихъ людей устремлено не къ одной личной своей пользѣ, но и къ интересамъ общественнымъ. Явленіе замѣчательное въ лѣтописяхъ Россіи, гдѣ подобное единодушіе обнаруживалось до сихъ поръ, за исключеніемъ, быть можетъ, весьма не многихъ случаевъ, въ минуты явной опасности. Поднимаются самые жизненные вопросы; каждый спѣшитъ ихъ себѣ усвоить, обсудить, подать свой голосъ въ этомъ общемъ толкѣ. Но какъ-то особенно живо занимаетъ всѣхъ изслѣдованіе причинъ многихъ нашихъ непорядковъ и изысканіе способовъ къ ихъ искорененію. Въ этомъ говорѣ сталкиваются самыя противуположныя, самыя разнорѣчивыя мнѣнія; однако сквозь эту пестроту сужденій, рѣдко самостоятельныхъ, справедливыхъ болѣе въ отдѣльныхъ подробностяхъ и весьма часто ошибочныхъ по отношенію къ общимъ заключительнымъ выводамъ, проглядываетъ много истины и безспорное желаніе обнаружить причины общественныхъ неурядицъ. А это есть по моему убѣжденію доказательство, что мы уже двинулись впередъ. Сознаніе собственныхъ недостатковъ, сопряженное съ желаніемъ исправиться, есть первый и важнѣйшій шагъ къ самоусовершенствованію. Подобнаго рода самосознаніе обусловливаетъ стремленіе къ успѣху, и есть единственно надежный его двигатель. На оборотъ, убѣжденіе въ своемъ совершенствѣ и неразлучная съ нимъ самонадѣянность, служатъ преградою всякому преуспѣянію. Эту нравственную аксіому можно примѣнить и къ правительственному дѣлу, сказавъ, что сознаніе недостатковъ существующаго порядка вещей, служитъ точкою

исхода и съ тѣмъ вмѣстѣ существенною основою улучшенія государственнаго быта. По этому, чѣмъ вѣрнѣе оцѣнка подобныхъ недостатковъ, чѣмъ глубже и ближе къ корню зла проникаютъ изслѣдованія сего рода, тѣмъ легче становится изысканіе мѣръ, могущихъ возстановить и упрочить нормальное состояніе.

Слѣдуя общему движенію я тоже думалъ много, и соображалъ причины тѣхъ и другихъ безпрядковъ; но думалъ болѣе про себя, отчасти по свойственной мнѣ молчаливости, отчасти же по искреннему опасенію вымолвить пустое слово, которое такъ легко срывается въ разговорѣ, и которое несовмѣстно съ предметомъ требующимъ зрѣлой оцѣнки и обдуманности. Вотъ почему я рѣшился изложить мою думу письменно. Потребность высказать убѣжденія задушевныя удовлетворена, а между тѣмъ убѣжденія эти очищены повозможности отъ примѣси тѣхъ случайныхъ впечатлѣній, которыя ослѣпляютъ наши мысли призрачнымъ обманомъ, пока мы не всмотримся ближе въ испытуемый нами предметъ.

Начало сего труда предпринято въ Іюнѣ мѣсяцѣ 1856 г. подъ впечатлѣніемъ того событія, которое пробудило въ насъ полное сознаніе нашихъ немощей. Мрачное чувство, стѣснявшее мое сердце при еще свѣжемъ воспоминаніи о мирѣ искупленномъ дорогою цѣною, отразилось въ составленіи самого плана моей думы, предназначенной изслѣдованію недостатковъ нашего государственнаго быта. По этому-то весьма многія соображенія, вошедшія въ составъ сего труда, утратили съ того времени настоящее свое значеніе въ виду тѣхъ полезныхъ уже введен-

ныхъ переобразованій, и другихъ важныхъ улучшеній, нынѣ обсуживаемыхъ, которыми мы обязаны отеческой заботливости возлюбленнаго нашего МОНАРХА. Не смотря на это, я рѣшился сохранить первоначально предпринятый мною порядокъ изложенія вопервыхъ потому, что при ограниченности досуга и безпрерывныхъ препятствіяхъ, отрывавшихъ меня отъ сего занятія на цѣлые мѣсяцы, мнѣ было бы невозможно услѣдить за ходомъ событій, опережающихъ, такъ сказать, самую мысль, и измѣнять составленіе моихъ записокъ сообразно сему послѣдовательному движенію обстоятельствъ. Съ другой же стороны, еслибъ я и имѣлъ возможность не отставать отъ уровня современности, то, подвергая трудъ мой частымъ перемѣнамъ, я упустилъ бы изъ виду цѣль, съ которою онъ былъ начатъ и которая состояла въ изслѣдованіи причинъ неудовлетворительнаго положенія дѣлъ въ Россіи въ данное время. Вотъ почему я и рѣшился сохранить прежній порядокъ изложенія, къ коему относится преимущественно вся первая часть, (недостатки органическіе, духовные и нравственные) оставленная безъ малѣйшаго измѣненія въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ она была написана въ теченіи лѣта и осени 1856 года.

Мнѣ остается предпослать нѣсколько словъ на счетъ самого плана руководившаго составленіе моей думы. Когда человѣкъ старается вникнуть въ предметъ столь многосторонній, столь разнообразный, каковъ гражданскій и народный бытъ извѣстнаго государства, и вникая въ подобный предметъ, домогается уяснить себѣ причины нѣкоторыхъ неу-

стройствъ, то первое, довольно естественное, впечатлѣніе состоитъ въ какомъ-то безпорядочномъ, хаотическомъ смѣшеніи понятій: мысли роятся, сбиваются, спутываются. Приняться за перо подъ вліяніемъ такого броженія мыслей значитъ подвергнуть себя случайности остановить сужденіе свое на однихъ наружныхъ явленіяхъ, не уразумѣвъ предварительно того, что составляетъ настоящій, сокровенный ихъ смыслъ. Опасаясь впасть въ такую погрѣшность, я старался вникнуть въ главныя причины неустройствъ нашего государственнаго быта, и подвести ихъ по возможности подъ господствующія категоріи, не только для облегченія общаго обзора, но еще болѣе для того, чтобы доискаться первоначальныхъ источниковъ, откуда исходятъ многоразличные и безконечно дробные безпорядки. Мнѣ хотѣлось спрямить, такъ сказать, разнообразные пути, ведущіе къ отысканію самого корня зла, и къ открытію противодѣйствующихъ ему средствъ. Такой обзоръ важнѣйшихъ недостатковъ всего государственнага быта, составляетъ, по моему мнѣнію, необходимое условіе, долженствующее предшествовать изысканію мѣръ для улучшенія существующаго порядка вещей. Въ подобныхъ случаяхъ надо прежде всего стараться возвести всѣчастные безпорядки и неустройства къ тѣмъ общимъ началамъ, отъ коихъ они происходятъ, какъ послѣдствія отъ причинъ. Иначе, сужденіе, останавливаясь на однихъ отдѣльныхъ случаяхъ, не въ состояніи ни понять взаимныхъ отношеній, существующихъ между таковыми частными вопросами, ни опредѣлить ихъ значенія въ общей системѣ

вопросовъ однородныхъ: вниманіе теряется въ мелочахъ и упускаетъ изъ виду главные предметы. Подобный существенно-ошибочный образъ дѣйствія, безполезно усложняющій государственныя занятія свойственъ въ большинствѣ случаевъ нашему Правительству, которое имѣетъ обыкновеніе разсматриватъ отдѣльно разные вопросы, какъ бы случайно возбужденные, и придумывать отдѣльныя же средства для устраненія обнаруживаемыхъ неудобствъ; вотъ почему большая часть такихъ распоряженій носитъ на себѣ отпечатокъ не зрѣлообдуманныхъ и, слѣдовательно весьма непрочныхъ мѣръ; вотъ почему усилія наши въ улучшеніи существующаго порядка вещей такъ часто оказываются тщетными. Первоначальная задача Правительства, которое стремится къ радикальнымъ улучшеніямъ, должна состоять именно въ томъ, чтобы обнять сначала общимъ взглядомъ важнѣйшія стороны современной государственной и народной жизни, доискаться основныхъ причинъ различныхъ неустройствъ и стараться объ изысканіи обширныхъ мѣръ, могущихъ полнотою своего воздѣйствія на обстоятельства однородныя, служить надежнымъ ручательствомъ въ устраненіи коренныхъ недостатковъ. Возведеніе явленій дробныхъ къ началамъ основнымъ или общимъ облегчаетъ всякое дѣло, и преимущественно дѣло столь многосложное, каково государственное управленіе. Правительство, уяснивъ себѣ однажды, и опредѣливъ положительно первоначальныя причины неудовлетворительнаго состоянія различныхъ частей управленія и общественнаго быта, упрощаетъ громадность своей задачи

тѣмъ, что вмѣсто мелочныхъ изслѣдованій относительно отдѣльныхъ мѣръ улучшенія, оно установляетъ мѣры широко обдуманныя, могущія прямо противодѣйствовать тѣмъ общимъ началамъ, отъ коихъ происходятъ частныя неустройства. Способъ этотъ, полагая прочную основу началу труда, сосредоточивая вниманіе на предметы преимущественной важности, облегчаетъ съ тѣмъ вмѣстѣ и дальнѣйшую дѣятельность, состоящую въ примѣненіи и нѣкоторомъ видоизмѣненіи общихъ мѣръ, смотря по относительнымъ условіямъ отдѣльныхъ случаевъ и мѣстныхъ требованій.

Слабый опытъ такого критическаго обзора заключаетъ въ себѣ предлежащія изслѣдованія. Но какъ опытъ, и опытъ частнаго лица, неимѣющаго ни достаточнаго досуга, ни всѣхъ свѣдѣній необходимыхъ для сего рода изысканій, разумѣется, что трудъ этотъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть совершенно удовлетворителенъ. Я могъ ошибиться во многомъ, особенно же въ изслѣдованіи нѣкоторыхъ частныхъ предметовъ; но думаю, что заключительныя мои выводы не лишены справедливой оцѣнки. Намѣреніе мое состояло не столько въ обнаруженіи такихъ или другихъ непорядковъ, либо злоупотребленій, либо несовершенствъ, или же въ подробномъ изысканіи средствъ для уврачеванія всѣхъ таковыхъ безчисленныхъ недуговъ, коими страждетъ Россія, сколько въ указаніи систематическаго способа къ отысканію первыхъ и установленію послѣднихъ.

И такъ главная мысль, руководившая составленіе моей думы, заключалась въ томъ, чтобы изобразить въ краткомъ очеркѣ коренныя причины

тѣхъ многихъ недостатковъ нашего государственнаго быта, коихъ вредныя послѣдствія ощущаются съ давнихъ поръ, и которые въ настоящее время переобразованій и улучшеній, приходятъ постепенно къ сознанію нашего попечительнаго Правительства. Обозначивъ такимъ образомъ въ бѣгломъ обзорѣ важнѣйшіе наши недостатки, я имѣлъ притомъ въ виду указать въ общихъ же чертахъ на главныя средства, могущія по моимъ понятіямъ служить къ исправленію такихъ неурядицъ. Всѣ замѣчанія сюда относящіяся, составляютъ содержаніе первой части и обнимаютъ три существенно-главные предмета: недостатки органическіе, духовные и нравственные. Къ первымъ отнесено неустойство органовъ правительственной власти; ко вторымъ — отсутствіе духа единства въ дѣлѣ управленія; къ третьимъ — недостатокъ достойныхъ и способныхъ людей.

Слѣдуя поговоркѣ non omnia possumus omnes, я предоставляю другимъ труженникамъ обстоятельное разсмотрѣніе, въ частности, тѣхъ многоразличныхъ предметовъ государственнаго управленія, которыхъ я коснулся на первый случай только вскользь, въ видѣ пояснительныхъ или подтвердительныхъ примѣровъ. На сей же разъ, я, за исключеніемъ общаго обзора, вошедшаго въ составъ первой части, ограничился болѣе обстоятельнымъ разсмотрѣніемъ одной только отрасли государственной администраціи, — народнаго образованія. Разсмотрѣніе сего важнаго вопроса, составляющаго исходную цѣль моей думы, заключаетъ рядъ всѣхъ предыдущихъ замѣчаній. Будучи убѣжденъ, что благіе виды и

усилія правительства останутся тщетны доколѣ не будетъ у насъ надежныхъ дѣятелей, могущихъ вспомоществовать полезнымъ его намѣреніямъ, я изложилъ статью о народномъ образованіи нѣсколько подробнѣе и помѣстилъ её въ концѣ сего труда, желая тѣмъ выразить, что соображенія, касающіяся недостатковъ органическихъ, духовныхъ и нравственныхъ должны служить какъ-бы обличительнымъ доказательствомъ настоятельной необходимости въ переобразованіи учебной нашей части, которую я считаю краеугольнымъ камнемъ въ дѣлѣ улучшенія государственнаго и народнаго быта Россіи:

„Жатва многа, дѣлателей же мало.“

Апрѣль 1858 года.

ГЛАВА I.

НЕДОСТАТКИ ОРГАНИЧЕСКІЕ.

„Der Staat ist Organismus, das heisst Entwicklung der Idee zu ihren Unterschieden."
Hegel, Grundl. d. Phil. des Rechts.

Основанный на началахъ самодержавія, преобладающій характеръ нашего государственнаго управленія заключается въ системѣ централизаціи. Раціональное значеніе сей системы состоитъ въ сосредоточеніи надзора за ходомъ дѣлъ однородныхъ въ подлежащихъ вѣдомствахъ и мѣстахъ имъ подчиненныхъ. Такое устройство, по началу совершенно основательное, породило у насъ множество неудобствъ, которыя отнюдь нельзя отнести къ апріорической идеѣ централизаціи, но къ неправильному истолкованію сей теоріи и столь же ошибочному ея примѣненію на практикѣ. Считая принадлежностію хорошаго управленія наибольшее распространеніе круга административной дѣятельности, и желая услѣдить за всѣми движеніями народной жизни

бдительнымъ взоромъ стоглазаго аргуса, Правительство наше старалось съ тѣмъ вмѣстѣ стянуть въ верховныхъ своихъ органахъ всѣ пружины, и безъ того уже, весьма сложнаго бюрократическаго устройства. Ошибка эта, состоящая въ излишествѣ централизаціи, сопряжена еще съ другою крайностію, — совершеннымъ недостаткомъ довѣрія къ подчиненнымъ мѣстамъ и лицамъ. Симъ послѣднимъ обстоятельствомъ объясняется неимовѣрная многосложность обрядной части нашего дѣлопроизводства, въ установленіи коей выражается требованіе внѣшней, формальной повѣрки надъ дѣйствіями правительственныхъ органовъ. Доведенная до крайней дробности въ предѣлахъ дѣятельности каждаго отдѣльнаго присутственнаго мѣста, и восходя въ постепенно увеличивающейся прогрессіи къ главноначальствующимъ учрежденіямъ, эта система формальнаго контроля еще распространена у насъ на взаимныя сношенія всѣхъ самостоятельныхъ вѣдомствъ, которыя, будучи опутаны безконечною сѣтью интересовъ другихъ вѣдомствъ, находятся, въ свою очередь, въ большей или меньшей отъ нихъ зависимости *).

*) Такое устройство, и самый кругъ дѣйствій, нашихъ правительственныхъ органовъ усложнялись постепенно по мѣрѣ учрежденія новыхъ присутственныхъ мѣстъ, и возбуждаемыхъ ихъ начальствами требованій чтобы прочія мѣста относились къ нимъ во всѣхъ случаяхъ, которые сколько нибудь касаются предметовъ, принадлежащихъ къ дѣятельности сихъ вновь учреждаемыхъ вѣдомствъ. Во всѣхъ такихъ учрежденіяхъ видна не столько цѣль общей пользы, и даже не столько выгоды отдѣльныхъ частей управленія, сколько властолюбія сановниковъ, или же покровительство, оказываемое ими

Такимъ образомъ родовое понятіе того, что я называю органическими недостатками нашего управленія, можетъ быть обозначено подъ общимъ выраженіемъ избытка правительственной дѣятельности. Но примѣнительно къ двумъ исходнымъ началамъ этой дѣятельности: неумѣренному стремленію къ централизаціи и столь же неумѣренному старанію подчинить ходъ дѣлопроизводства строгой повѣркѣ путемъ канцелярской формы, — ближайшее опредѣленіе органическихъ нашихъ недостатковъ будетъ состоять въ излишествѣ административныхъ степеней и въ многосложности формальной ихъ дѣятельности*).

Одно изъ прямыхъ и неизбѣжныхъ послѣдствій сего неудовлетворительнаго устройства составляетъ медленное производство дѣлъ. Безпрерывныя справки, запросы, требованія, дослѣдованія, переслѣдованія, самая передача дѣлъ изъ одного присутственнаго мѣста въ другое, и наконецъ, совершенная неопредѣлительность и запутанность таковыхъ сношеній отдаляютъ срокъ окончательнаго рѣшенія

нѣкоторымъ лицамъ, ради которыхъ создаваемы были нерѣдко особенныя должности, въ сущности совершенно безполезныя. Это была скорѣе лѣпная работа, чѣмъ созданіе стройное, вызванное на свѣтъ, разработанное и осуществленное подъ вліяніемъ единой, господствующей и опредѣлительной мысли.

*) Слово степень употреблено мною съ намѣреніемъ для обозначенія зависимости, существующей между нашими присутственными мѣстами, и ставящей ихъ во взаимныя отношенія какихъ-то болѣе или менѣе произвольныхъ инстанцій. Названіе же административныхъ степеней, взято здѣсь въ обширномъ значеніи, объемлющемъ равнымъ образомъ и учрежденія судебнаго вѣдомства.

на цѣлые годы и на десятки лѣтъ; и сколько производится у насъ дѣлъ, о коихъ никто съ достовѣрностію сказать не можетъ какимъ путемъ они будутъ поведены, какія не предвидѣнныя препятствія остановятъ ихъ теченіе, черезъ сколько степеней административной іерархіи они пройдутъ, и какъ долго будетъ продолжаться ихъ производство?

Сюда же слѣдуетъ отнести обширность переписки. Я отличаю обширность переписки между административными органами различныхъ вѣдомствъ, или между присутственными мѣстами, къ одному вѣдомству принадлежащими, отъ избытка канцелярскихъ обрядовъ. Первый недостатокъ есть прямое послѣдствіе излишней зависимости одного мѣста отъ другаго, — второй происходитъ отъ преобладавшаго до сихъ поръ пристрастія къ бюрократической формалистикѣ. Общій же корень обоихъ сихъ недостатковъ заключается въ чрезмѣрномъ стараніи подчинить дѣлопроизводство разнымъ мелочнымъ треобованіямъ внѣшняго контроля, съ цѣлію обезпеченія самой участи дѣлъ и возможно-правильнаго ихъ хода. Изъ этихъ двухъ недостатковъ первый т. е. обширность переписки между присутственными мѣстами, составляетъ, какъ я разумѣю, главную причину многосложности нашего дѣлопроизводства; ибо кромѣ безпрерывныхъ сношеній, возбуждаемыхъ въ слѣдствіе стѣснительной зависимости одного административнаго органа отъ другаго, къ этой же категоріи слѣдуетъ отнести и всѣ неизчислимые рапорты, донесенія, вѣдомости, реэстры и прочія срочныя и чрезвычайныя представленія или отчеты, вносимыя подчиненными

мѣстами одного и того же вѣдомства на разсмотрѣніе ихъ начальствъ, — представленія, которыя, не предотвращая безканечныхъ злоупотребленій должностныхъ лицъ, затрудняютъ лишь успѣшный ходъ дѣлопроизводства. Эти два вида письмоводства, доведенные у насъ до послѣдней крайности, и происходящіе отъ излишняго стремленія къ централизаціи и къ бюрократической формальности, влекутъ за собою множество вредныхъ послѣдствій. Съ одной стороны громадонсть нашей офиціальной переписки поглощаетъ, кенечно половину, ежели не двѣ трети времени, и таную же пропорцію служебныхъ, болѣе или менѣе, механическихъ силъ. Съ другой стороны оно причиняетъ чрезмѣрное накопленіе, и слѣдовательно значительный застой дѣлъ въ высшихъ центральныхъ мѣстахъ управленія, которыя, будучи обременены необыкновеннымъ наплывомъ дѣлопроизводства, въ сущности безполезнаго, — лишены возможности обдумать и изучить основательно вопросы, имѣющіе высшее государственное значеніе. Вообще, письмоводство и форма составляли у насъ до сихъ поръ главныя условія дѣлопроизводства; по этому-то и дѣлалось въ Россіи по сіе время не сравненно болѣе дѣла на бумагѣ, чѣмъ на самомъ дѣлѣ.

Третье существенно важное неудобство системы нашей администраціи, происходящее отъ тѣхъ же до крайности доведенныхъ началъ сосредоточенія и недовѣрія есть отсутствіе самостоятельности и единства власти подлежащихъ вѣдомствъ. — Существующій порядокъ очевидно стѣсняетъ дѣятельность отдѣльныхъ частей admini-

страціи въ сферѣ занятій имъ присвоенныхъ, и даже влечетъ за собою довольно часто ущербъ государственныхъ и частныхъ интересовъ. Самымъ замѣчательнымъ примѣромъ таковой зависимости можетъ служить должность Губернатора. Казалось бы, что по званію и наименованію Начальника Губерніи, иногда весьма отдаленной, онъ могъ бы дѣйствовать съ тою самостоятельностію, которая необходима какъ для обезпеченія его власти, такъ и для безостановочнаго теченія дѣлъ. Въ сущности же оказывается, что Губернаторъ, находясь какъ бы въ отношеніяхъ подчиненности передъ всѣми вѣдомствами, ограниченъ еще до крайней степени въ кругѣ обязанностей съ его должностію сопряженныхъ; и это самое поставляетъ его въ необходимость входить предварительно въ сношенія и испрашивать разрѣшеніе въ тѣхъ многихъ случаяхъ, гдѣ слѣдовало бы дѣйствовать рѣшительно и безъ замедленія. Понятно, что отъ такого чрезмѣрнаго стѣсненія власти главныхъ органовъ мѣстнаго управленія и отъ замедленій въ разрѣшеніи подобныхъ представленій, — замедленій свойственныхъ общему ходу нашего дѣлопроизводства, происходятъ безчисленныя затрудненія, сопряженныя съ весьма невыгодными послѣдствіями. Замѣчательно, что таковыя стѣснительныя мѣры почти во-все не достигаютъ предположенной при ихъ установленіи цѣли, которая состоитъ въ предупрежденіи превышенія власти. Здѣсь все зависитъ отъ личнаго характера человѣка. Скромные и боязливые люди подчиняются всѣмъ требованіямъ; тогда какъ человѣкъ смѣлый и самостоятельный говоритъ: „я самъ

законъ.“ Подобные примѣры встрѣчаются на всѣхъ ступеняхъ административной іерархіи.

Разсмотрѣнныя до сихъ поръ неудобства, происходящія отъ устройства нашихъ правительственныхъ органовъ, суть, такъ сказать, прямыя послѣдствія существующаго порядка. Я называю ихъ прямыми потому, что они проявляются и должны неминуемо проявляться въ большинствѣ случаевъ, даже и тогда, если мы предположимъ на сторонѣ должностныхъ лицъ всѣ условія честности и добросовѣстности. Но надо сознаться, что между нашими чиновниками не много находится людей честныхъ и добросовѣстныхъ. А тамъ, гдѣ въ сословіи служащихъ гражданская добродѣтель составляетъ почти исключеніе, гдѣ подкупность и лихоимство въ порядкѣ вещей, — тамъ всякій лишній поводъ къ злоупотребленіямъ есть важная ошибка. Вотъ другая точка зрѣнія, съ которой надлежитъ оцѣнить вредныя послѣдствія, проистекающія отъ той же многосложности формъ и запутанности сношеній нашихъ присутственныхъ мѣстъ, — послѣдствія, которыя, по отношенію къ первымъ, могутъ быть названы косвенными. Сюда относятся умышленныя проволочки и ябедническія придирки, прикрываемыя или извиняемыя личиною законности.

Кому неизвѣстно, что болѣе или менѣе быстрый ходъ дѣла зависитъ у насъ совершенно отъ произвола того мѣста или лица, которое имъ завѣдываетъ. Если проситель не пользуется особенными преимуществами по личному своему значенію, лишенъ покровительства, и не въ состояніи, какъ говорится,

подмазать колёса административной машины, въ которой производится его дѣло, то непремѣнно найдется предлогъ, и самый законный, къ замедленію дѣлопроизводства. Если истецъ не имѣетъ достаточныхъ наличныхъ средствъ, то ему предлагаютъ дѣлежъ барыша, который его ожидаетъ при счастливомъ окончаніи дѣла. А пока еще онъ не изъявилъ согласія на такое пожертвованіе, простирающееся не рѣдко до половины искомаго интереса, ему объясняютъ, что надо прежде навести обстоятельную справку, или потребовать дополнительныя свѣдѣнія, или просто снестись съ другимъ, съ пятымъ, съ десятымъ мѣстомъ. Наконецъ, если всѣ средства истощены, и дѣло, не взирая на противоборствующія усилія, перешло въ высшую степень, то и тутъ найдутся подобныя же избѣгательныя, впрочемъ все законныя, отговорки, хотя бы и та, что Начальникъ обремененъ множествомъ другихъ болѣе важныхъ занятій, и не имѣлъ еще времени прочесть докладъ, или просто подписать бумагу, представленную ему для подписи въ слѣдствіе доклада; не говоря уже о томъ, что самый смыслъ дѣла можетъ быть искаженъ и представленъ такъ или иначе. А между тѣмъ, бѣдный проситель мечется изъ одного мѣста въ другое по мѣрѣ того какъ пересылается его дѣло, или требуются по немъ дополнительныя справки; и вездѣ тотъ же привѣтъ: плати, или съ смиреніемъ ожидай развязки, въ продолженіи не только мѣсяцевъ, но многихъ и многихъ лѣтъ.

Тѣ же ошибочныя начала, которыя причиняютъ изложенныя до сихъ поръ неудобства, доставляютъ

еще возможность должностнымъ лицамъ, виновнымъ въ злоупотребленіяхъ или въ безпечености либо вовсе отклонять отъ себя всякую отвѣтственность, либо же сваливать вину на другихъ. Такъ, напримѣръ, если должностное лице хочетъ уменьшить цифру числящихся за нимъ нерѣшенныхъ дѣлъ, то нѣкоторыя изъ нихъ передаются заранѣе въ другое присутственное мѣсто, и тогда онѣ, конечно, вовсе не показываются въ отчетѣ. Если же самая передача дѣлъ невозможна, то требуются по нимъ какія нибудь свѣдѣнія или справки, и въ такомъ случаѣ дѣла эти вносятся въ категорію тѣхъ, которыя останавливаются за другими вѣдомствами.

Говоря о многосложности нашихъ административныхъ степеней, запутанности ихъ взаимныхъ сношеній и недостаткѣ самостоятельности, въ кругѣ дѣятельности имъ присвоенной, слѣдуетъ замѣтить, что, въ этомъ отношеніи, учрежденія нашей судебной администраціи заслуживаютъ, по видимому, предпочтительнаго оправданія, будучи основаны на правомѣрномъ началѣ защиты, оказываемой высшею степенью суда въ случаѣ несправедливаго рѣшенія низшей инстанціи. Но и тутъ существуетъ лишняя дробность въ повѣркѣ сужденій. По коренному смыслу закона у насъ только три степени суда: Уѣздный Судъ, Гражданская или Уголовная Палата и Сенатъ. На самомъ же дѣлѣ число сихъ инстанцій, или говоря вообще судебныхъ мѣстъ, удвоивается въ случаѣ переноса тяжбы изъ подлежащаго Департамента Сената въ Общее его Собраніе, оттуда на Консультацію, и наконецъ въ Государственный Совѣтъ, что случается весьма часто. А

его отправленіяхъ. Я постараюсь объяснить въ слѣдующей главѣ какія требуются условія для соблюденія сего единства.

Другое обстоятельство въ которомъ выражалось излишество правительственной дѣятельности есть строгое соблюденіе внѣшнихъ условій бюрократическихъ формальностей и усиліе подчинить дѣйствія отдѣльныхъ органовъ управленія взаимному контролю. Что намѣреніе, руководившее установленіе такихъ повѣрокъ, и состоящее въ обезпеченіи участи дѣлъ, не можетъ служить достаточнымъ въ семъ отношеніи ручательствомъ, особенно же когда сословіе должностныхъ лицъ состоитъ изъ людей либо безнравственныхъ, либо необразованныхъ, въ томъ кажется сомнѣнія нѣтъ.

Наконецъ третій видъ излишества правительственной дѣятельности заключается въ неумѣстномъ желаніи вмѣшиваться во всѣ, и даже въ самыя мелочныя дѣла, касающіяся мѣстныхъ интересовъ, и принимать непосредственно участіе въ разнаго рода предпріятіяхъ, которыя должны подлежать завѣдыванію государственныхъ сословій, или же частныхъ обществъ. Во всѣхъ случаяхъ, сюда относящихся, Русское правительство обнаруживало существенно-важную ошибку. Оно думало, что тѣ только дѣла и могутъ идти хорошо, которыя подчинены казенному управленію и испытываютъ очистительное дѣйствіе бюрократическихъ формальностей. Въ сущности же казенное управленіе, поглащая огромныя суммы на содержаніе цѣлаго штата чиновниковъ и на разные другіе расходы, стѣсняло только, а не поощряло развитіе народ-

ныхъ силъ, и кромѣ того подавало еще поводъ къ лихоимству, взяточничеству и всякаго рода злоупотребленіямъ.

Общій, валовый результатъ излишества правительственной дѣятельности, въ смыслѣ недостатковъ органическихъ, заключается въ многосложности степеней административной власти; въ еще большей сложности взаимныхъ ихъ отношеній; и въ избыткѣ служебныхъ занятій. Эти существенныя неудобства причиняютъ: запутанность и медленность въ дѣлопроизводствѣ; поглощаютъ значительное время и множества служебныхъ силъ на исполненіе условій обширнаго и безполезнаго письмоводства, стѣсняютъ дѣятельность мѣстныхъ органовъ управленія, лишая ихъ въ нужныхъ случаяхъ надлежащей самостоятельности; даютъ поводъ къ безконечнымъ злоупотребленіямъ, и наконецъ, наносятъ во многихъ случаяхъ явный ущербъ сословнымъ и общественнымъ интересамъ, а слѣдовательно и выгодамъ всего государства. Словомъ, относительно количественной дѣятельности административныхъ органовъ, можно было бы напомнить нашему правительству извѣстный совѣтъ Талейрана: pas trop de zèle. Но какъ примѣнить это къ дѣлу? какъ измѣнить порядокъ установленный закономъ, вошедшій въ обычай? Разрѣшеніе сихъ вопросовъ, по моему мнѣнію, не столь затруднительно, сколько оно можетъ показаться съ перваго взгляда, и можетъ даже быть приведено въ исполненіе безъ нарушенія духа нашихъ коренныхъ учрежденій. Главная цѣль, которую надлежитъ при этомъ имѣть въ виду состоитъ въ упрощеніи дѣя-

тельности административныхъ и судебныхъ органовъ. Средства для достиженія сей цѣли должны заключаться въ слѣдующихъ общихъ положеніяхъ:

1. Составить совѣщательное собраніе, преимущественно изъ лицъ главноначальствующихъ, и подвергнуть тщательному пересмотру служебныя занятія всѣхъ присутственныхъ мѣстъ по отдѣльнымъ частямъ управленія. Для облегченія сего труда слѣдуетъ сдѣлать предварительно обстоятельный Сводъ всѣхъ существующихъ по сему предмету узаконеній, или же особыхъ распоряженій, начальствующихъ лицъ, и раздѣлить этотъ Сводъ на два отдѣла, изъ коихъ первый долженъ заключать въ себѣ занятія существенныя т. е. предметы завѣдыванія каждаго присутственнаго мѣста, вторый — занятія обрядныя, формальную часть дѣлопроизводства.

2. При такомъ пересмотрѣ начать реформу упрощенія съ занятій существенныхъ и имѣть прежде всего въ виду ограниченіе обязанностей въ сколь возможно тѣсныхъ границахъ непосредственнаго завѣдыванія, присвоеннаго каждому присутственному мѣсту или начальствующему лицу, для уменьшенія частыхъ сношеній и взаимныхъ повѣрокъ, о которыхъ, говорено выше. Мысль эта совмѣщаетъ въ себѣ весьма естественно два другія условія: а. расширеніе предѣловъ власти каждаго отдѣльнаго органа управленія, и б. дарованіе большей самостоятельности и независимости какъ мѣстнымъ сословіямъ, такъ и обществамъ, учреждаемымъ съ цѣлію установленія и развитія разныхъ

полезныхъ отраслей народной дѣятельности. Система бюрократической замкнутости, которой слѣдовало до сихъ поръ наше правительство, могло мнѣ кажется достаточно удостовѣрить его въ томъ, что его собственныя усилія, безъ участія сословной дѣятельности, не только не достаточны, но и сопряжены съ весьма многими неудобствами, а часто даже съ положительнымъ вредомъ. Въ общемъ составѣ административныхъ органовъ, сословія могутъ быть признаваемы за усердныхъ сотрудниковъ правительства. Преслѣдуя цѣль своихъ особенныхъ интересовъ, каждое изъ нихъ спосспѣшествуетъ общимъ правительственнымъ видамъ соразмѣрнымъ развитіемъ народныхъ силъ и столь же соразмѣрнымъ участіемъ въ дѣлѣ общаго управленія. Правомѣрность отношеній между правительствомъ и сословіями состоитъ въ томъ, что правительство, обезпечивая законную самостоятельность сословій, содѣйствуетъ къ благосостоянію ихъ частнаго быта; сословія же, встрѣчая въ правительствѣ верховную защиту въ безпрепятственномъ пользованіи своими правами и въ достиженіи своихъ частныхъ выгодъ, сливаютъ свое особенное значеніе съ родовымъ значеніемъ общаго государственнаго цѣлаго, и содѣйствуютъ, совокупнымъ своимъ участіемъ, къ обезпеченію и преуспѣянію интересовъ всего государства. Въ этомъ взаимномъ обмѣнѣ обоюднаго содѣйствія выражается одна изъ разумныхъ основъ государственнаго благосостоянія и общественной пользы. Коренное условіе, при соблюденіи котораго сословная самостоятельность не только не вредна, но и дѣйствительно полезна

правительству усерднымъ своимъ содѣйствіемъ въ дѣлѣ управленія, заключается въ томъ, что бы каждое сословіе въ кругѣ своихъ дѣйствій, не переступало черту отдѣльныхъ интересовъ своего мѣстнаго и общиннаго положенія.*) Продолжаю изложеніе основныхъ тезисовъ улучшенія нашихъ административныхъ органовъ.

3. По разграниченіи между присутственными мѣстами занятій существенныхъ, слѣдуетъ приступить къ разсмотрѣнію обрядной части, и очистить дѣлопроизводство отъ примѣси безполезной переписки и прочихъ формальностей, требующихъ много дорогаго времени и служебныхъ силъ. Въ виду этихъ переобразованій главное условіе, отъ котораго можетъ зависѣть у насъ успѣхъ сего дѣла заключается, если не ошибаюсь, въ рѣшимости отказаться отъ множества обрядовъ, съ которыми свыклась наша служебная дѣятельность. Во всякомъ же случаѣ, предположивъ въ начальствующихъ лицахъ искреннее сочувствіе къ этому полезному предпріятію, трудно допустить что бы они знали обстоятельно всѣ тонкости относительно служебныхъ занятій подвѣдомственныхъ имъ мѣстъ и лицъ. Почемъ знаетъ напримѣръ Министръ, что̀ и ка̀къ дѣлается въ такомъ-то Департаментѣ, или

---

*) Замѣтимъ при этомъ, что обезпеченіе сословной самостоятельности должно быть начато съ сословія дворянскаго, какъ такого, которое, находясь во главѣ всѣхъ прочихъ, должно составлять, и составляетъ дѣйствительно, главную опору Престола и настоящую охрану государственнаго существованія.

въ такой-то Палатѣ. Но между тѣмъ подобныя свѣдѣнія могутъ быть необходимы при разсмотрѣніи вопросовъ, о коихъ идетъ здѣсь рѣчь. По этому, для избѣжанія продолжительныхъ и голословныхъ преній, полезно было бы:

4. Призывать въ совѣщательныя собранія по три, по два или хотя по одному депутату изъ каждаго присутственнаго мѣста (но разумѣется не каждой губерніи), смотря по болѣе или менѣе обширной его дѣятельности, для подачи въ нужныхъ случаяхъ требуемыхъ объясненій. Такъ какъ означенный пересмотръ долженъ происходить по вѣдомствамъ, то это самое дастъ возможность вызывать депутатовъ присутственныхъ мѣстъ внѣ столицы находящихся къ извѣстному сроку, и на нѣкоторое лишь время; призывъ же депутатовъ столичныхъ присутственныхъ мѣстъ, не представитъ, конечно, ни малѣйшаго затрудненія. При выборѣ депутатовъ надо имѣть въ виду людей, если не вполнѣ образованныхъ, то покрайней мѣрѣ хорошо знающихъ свое дѣло практически; однако и не явныхъ приверженцевъ рутины, ибо рутинисты бываютъ почти безъ исключенія обскуранты, и слѣдовательно, враги всякаго улучшенія.

5. Всѣ здѣсь изложенныя соображенія должны быть приняты во вниманіе при новомъ устройствѣ тѣхъ частей управленія, которыя, какъ напримѣръ земская полиція, при совершенномъ неудобствѣ нынѣшняго ихъ положенія, требуютъ кореннаго переобразованія.

Къ этимъ общимъ замѣчаніямъ, не излишнимъ считаю присовокупить нѣсколько словъ относи-

тельно высшихъ органовъ нашей правительственной власти. Въ настоящее время верховныя государственныя учрежденія Государственный Совѣтъ и Комитетъ Министровъ стѣснены въ высшей степени чрезмѣрнымъ наплывомъ всякаго рода занятій, непринадлежащихъ къ разряду дѣлъ собственно государственныхъ, съ другой же стороны, Сенатъ, носящій по преданію наименованіе Правительствующаго низведенъ на степень Губернскаго Правленія по части распорядительной, и судебной Палаты третьей инстанціи, по части судебной. Со введеніемъ предполагаемыхъ улучшеній, долженъ измѣниться и этотъ порядокъ. Сенату должны быть возвращены права, принадлежащія ему, по самому духу сего учрежденія, права окончательнаго рѣшенія судебныхъ дѣлъ*), и многихъ административныхъ случаевъ, которые требуютъ въ обыкновенномъ порядкѣ лишь разрѣшенія высшаго правительства. Но такъ какъ съ передачею всѣхъ таковыхъ административныхъ дѣлъ, одинъ Департаментъ (теперешній первый) врядъ ли достаточенъ для исполненія этихъ новыхъ обязанностей, то можно было бы учредить другой подобный же Департаментъ для разсмотрѣнія дѣлъ касающихся собственно внутренняго управленія. А какъ при общемъ упрощеніи дѣлопроизводства, и преимущественно при дарованіи бо̀льшей самостоятельности среднимъ и низ-

*) Замѣтимъ при этомъ мимоходомъ, что со введеніемъ гласности судопроизводства, о которой теперь поговариваютъ, должно уменьшиться число случаевъ апелляціонныхъ и частныхъ жалобъ, и слѣдовательно самое дѣлопроизводство.

шимъ судебнымъ мѣстамъ, должно неминуемо уменьшиться количество дѣлъ сего вѣдомства, восходящихъ на разрѣшеніе Сената, то вѣроятно представится возможность уменьшить и число судебныхъ Департаментовъ; такъ что учрежденіе одного правительственнаго Департамента, не должно, по моему мнѣнію, увеличить нынѣшній составъ Сената. Установленіе такого порядка, доставило бы возможность Государственному Совѣту и Комитету Министровъ посвятить свой труды занятіямъ сопряженнымъ собственно съ государственною важностію, и въ такомъ случаѣ эти верховныя учрежденія, въ свою очередь возвратились бы къ первоначальному ихъ назначенію, равнымъ образомъ утраченному разновременно устроенными Комитетами, значительно умножившими высшую правительственную дѣятельность. Тогда занятія Государственнаго Совѣта, какъ верховнаго Совѣта САМАГО ГОСУДАРЯ, будутъ состоять въ обсужденіи государственныхъ вопросовъ первостепенной важности; а Комитетъ Министровъ ограничится установленіемъ и соблюденіемъ строгаго единства и взаимнаго содѣйствія въ управленіи отдѣльными частями, о чемъ говорено будетъ въ слѣдующей главѣ. Это упрощеніе дѣятельности верховныхъ органовъ управленія, должно было бы весьма естественно повести къ упраздненію нѣкоторыхъ государственныхъ учрежденій, которыя въ такомъ случаѣ окажутся совершенно безполезными.

И такъ, упрощеніе административныхъ органовъ и канцелярскихъ обрядовъ расширеніе предѣловъ власти мѣстныхъ вѣдомствъ, и отдѣленіе отъ

казеннаго управленія сколь возможно болѣе предметовъ, сопряженныхъ съ сословными интересами и промышленными предпріятіями, — вотъ что должно, по моему мнѣнію, составлять цѣль Правительства по части улучшенія органическихъ несовершенствъ нашего государственнаго быта. Переобразованія сего рода должны имѣть послѣдствіемъ облегченіе правительственной дѣятельности, устраненіе многихъ поводовъ къ злоупотребленіямъ, быстроту въ ходѣ дѣлопроизводства и обезпеченіе участи такихъ дѣлъ, въ управленіи коихъ вмѣшательство правительства не въ состояніи замѣнить тщательной заботливости частнаго управленія.

ГЛАВА II.

НЕДОСТАТКИ ДУХОВНЫЕ.

„Успѣшное управленіе каждой части предполагаетъ твердый и постоянный планъ ея усовершенія.“

ст. 183. Общ. обр. Мин. изд. 1842 г.

„Etwas wirklich wollen, heisst es ganz und dauernd wollen; Consequenz und Ausdauer sind die Kennzeichen und unzertrennlichen Begleiter der Willensstärke.“

Ihering — Geist des römischen Rechts.

Въ предъидущей главѣ мы разсмотрѣли внѣшнія, органическія особенности нашей правительственной дѣятельности. Предстоящія же соображенія относятся до внутренней, духовной жизни управленія. Подъ этимъ разумѣется здѣсь то совокупное участіе мысли и опыта, которое направляетъ различныя мѣры и распоряженія къ извѣстнымъ правительственнымъ цѣлямъ.

Въ дѣлѣ государственнаго управленія надо опасаться двухъ крайностей. Первая состоитъ въ томъ, когда правительство руководствуется однимъ слѣпымъ случаемъ, выжидая, такъ сказать, толчекъ

извнѣ для пробужденія своей дѣятельности, въ семъ случаѣ чисто пассивной. Другая крайность заключается въ настойчивомъ преслѣдованіи напередъ задуманной теоріи, не взирая на то, возможно ли примѣненіе ея къ дѣлу, или нѣтъ? Разумѣется что каждая изъ сихъ крайностей никогда не существуетъ совершенно самостоятельно, а обѣ имѣютъ болѣе или менѣе совокупное участіе. Нѣтъ государства, которое бы не пользовалось указаніемъ случая для измѣненія существующихъ мѣръ, или постановленія новыхъ; такъ точно какъ ни одно государство не отрицаетъ необходимости нѣкоторыхъ коренныхъ правилъ для руководства своихъ дѣйствій. Здѣсь все зависитъ отъ того, въ какой мѣрѣ перемѣшаны эти два начала? которое изъ нихъ преобладаетъ? и если одному изъ нихъ оказывается явное предпочтеніе, то это самое обнаруживаетъ уже влеченіе къ односторонности. Значитъ благоразумное и равномѣрное ихъ согласованіе составляетъ одну изъ великихъ задачъ правительственной администраціи. Для достиженія сей цѣли необходимо познать настоящій бытъ государства, оцѣнить его недостатки, сообразить историческія и мѣстныя условія, и на сихъ-то положительныхъ данныхъ основать уже правила, долженствующія споспѣшествовать будущему развитію государственныхъ и народныхъ силъ. Можно сказать, что государство, для котораго минувшее утратило всякое значеніе, а настоящее непонятно, не имѣетъ и будущности. Но кому не извѣстны эти давно проповѣданныя истины? Гдѣ то государство, которое бы не уважало своихъ историческихъ

преданій, не принимало бы въ разсчетъ характеристическихъ условій народныхъ элементовъ, и не старалось бы извлечь изъ сихъ посылокъ руководительныхъ для себя правилъ? Отъ чего же на самомъ дѣлѣ такъ часто происходитъ разладъ между намѣреніями и дѣйствіями, разладъ, напоминающій отчасти басню лебедя, рака и щуки?.... Вопросъ этотъ, составляющій предметъ настоящаго изслѣдованія, можетъ быть разрѣшенъ не иначе, какъ по ближайшемъ ознакомленіи съ сущностію дѣла.

Главныя условія, дающія государственному управленію прочность и опредѣлительность, заключаются въ разумной послѣдовательности правительственной мысли и соотвѣтствующей сему стойкости въ дѣйствіяхъ. Сочетаніе сихъ двухъ условій являетъ то отличительное свойство хорошаго управленія, которое называется единствомъ правительственнаго духа; это единство предполагаетъ однажды опредѣленное коренное начало, которое, нося на себѣ отпечатокъ современныхъ и мѣстныхъ потребностей края, пронизываетъ весь рядъ правительственныхъ постановленій и развиваетъ ихъ въ стройномъ согласіи и послѣдовательности. Духовный процессъ, который порождаетъ это согласіе и послѣдовательность, я называю правительственнымъ мѐтодомъ; исходная же цѣль, къ которой стремится такая разумная дѣятельность, — есть идея государственная.

Въ чемъ должна состоять современная государственная идея, и какими мѣрами она должна быть развита и примѣнена къ дѣлу, до меня не касается. Разрѣшеніе такихъ громадныхъ вопро-

совъ, требующихъ просвѣщеннаго участія государственныхъ мужей, стоящихъ у кормила правленія, несовмѣстно съ ограниченнымъ кругозоромъ свѣдѣній, составляющихъ скромное достояніе частнаго труженика. Къ тому же, за исключеніемъ послѣдняго отдѣла сего труда, который я предполагаю изложить нѣсколько подробнѣе, какъ главный предметъ моихъ изслѣдованій, я имѣлъ въ виду лишь указать, и то въ бѣгломъ очеркѣ, на тѣ недостатки нашего образа правленія, которые по моимъ понятіямъ заключаютъ въ себѣ существенный корень зла, или, лучше сказать, источникъ тѣхъ отдѣльныхъ недостатковъ, которые по сіе время причиняли разстройство въ разныхъ отрасляхъ нашего управленія. Къ симъ то существеннымъ недостаткамъ я отношу отсутствіе единства и мѐтода въ дѣлѣ государственнаго управленія. Значитъ задача моя состоитъ въ оправденіи этой мысли и въ обозначеніи, развѣ, въ общихъ чертахъ нѣкоторыхъ способовъ для устраненія означеннаго несовершенства.

Мы смѣшивали до сихъ поръ понятіе однообразія съ понятіемъ единства, и принимали наружную, формальную оболочку перваго, за внутреннюю, жизненную силу послѣдняго. Отъ сего происходило стремленіе къ уничтоженію всякой особенности, и оказывался недостатокъ въ широкомъ правительственномъ планѣ. Постараюсь объяснить мою мысль нѣкоторыми примѣрами. Не проникая въ подробный смыслъ государственной идеи, принятой доселѣ въ основу нашихъ правительственныхъ распоряженій, обозначимъ ее подъ

общимъ родовымъ понятіемъ благосостоянія государства, понятіемъ которое, я полагаю, должно непремѣнно подойти подъ уровень благихъ видовъ нашего Правительства, какія бы ни были, въ частности, его намѣренія для достиженія сей цѣли. — Соображая это основное положеніе съ тѣмъ состояніемъ Россіи, съ тѣми жизненными потребностями народа, которыя, въ продолженіи долгаго времени, составляютъ существенныя его нужды, мы придемъ къ тому выводу, что ближайшее развитіе понятія о благосостояніи Русскаго Государства должно заключаться въ трехъ слѣдующихъ условіяхъ: 1. въ устраненіи преградъ, препятствующихъ развитію духовныхъ и матеріальныхъ силъ народа; 2 въ установленіи мѣръ, способствующихъ сему развитію; и 3. въ обезпеченіи частныхъ и общественныхъ правъ всѣхъ подданныхъ прочными и правомѣрными законами. Вотъ въ чемъ должны бы состоять коренные тезисы нашей административной дѣятельности. Выражая мое сужденіе условно, я однако ни мало не сомнѣваюсь, что именно въ этихъ трехъ положеніяхъ заключался на самомъ дѣлѣ зародышъ нашихъ правительственныхъ распоряженій. Значитъ, если дѣйствительность и не соотвѣтствовала во многихъ случаяхъ царской думѣ, основанной на благосостояніи Государства, то подобныя отступленія, слѣдуетъ приписать ничему другому, какъ отсутствію единства правительственнаго духа и метода. Иначе какъ объяснить существованіе такихъ установленій, которыя должны неминуемо и какъ бы на перекоръ основной мысли, служить къ разрушенію народнаго благосостоянія? Какъ истолковать недостатокъ

такихъ мѣръ, которыя слѣдовало давно предпринять въ видахъ споспѣшествованія развитію народныхъ силъ? Какъ согласовать, наконецъ, множество частныхъ распоряженій, представляющихся въ видѣ отдѣльныхъ явленій въ сферѣ правительственной дѣятельности, тогда какъ они должны быть согласованы съ другими коренными учрежденіями, къ коимъ они относятся какъ часть къ цѣлому? Возьмемъ для примѣра хоть бы винный откупъ, учрежденіе, основанное въ самой своей сущности на развращеніи народа, и влекущее за собою самыя гибельныя послѣдствія. Если, устранивъ отъ себя вліяніе навыка, съ которымъ, люди смотрятъ обыкновенно на вещи, имѣющія авторитетъ давно заведеннаго порядка, мы вникнемъ въ настоящее значеніе сего установленія; если вообразимъ, что Правительство разсчитываетъ свои выгоды на растлѣніи народныхъ нравовъ, и что это состояніе безнравственности, сроднившись съ обычаями, должно неминуемо даже по уничтоженіи сей мѣры, оставить вѣковые слѣды въ обществѣ столь сильно зараженномъ порокомъ пьянства, каково Русское; если принять во вниманіе всѣ тѣ продѣлки къ коимъ прибѣгаютъ откупщики и ихъ достойные агенты, чтобы какъ можно болѣе поживиться въ этомъ предпріятіи*);

---

*) Трудно вообразить себѣ до какой степени безнравственности доведено въ Россіи управленіе виннымъ откупомъ. Откупщики, разбавляя вино и примѣшивая въ него дурманъ и другія вредныя зелія, продаютъ отраву въ полномъ смыслѣ сего слова, и съ тѣмъ вмѣстѣ возвышаютъ произвольно цѣну на сіи напитки подъ тѣмъ предлогомъ, что испорченное такимъ образомъ вино, есть водка, которая и продается подъ различ-

словомъ, если, независимо отъ того прямаго вреда, который порождаетъ существованіе виннаго откупа, представить себѣ обстановку этого дѣла, всѣ косвенныя послѣдствія сего разрушительнаго зла, то нельзя не согласиться въ томъ, что это учрежденіе явно противорѣчитъ понятію о народномъ благосостояніи. Защитники винно откупной системы отстаиваютъ необходимость существованія этой финансовой операціи на слѣдующихъ аргументахъ. — Они говорятъ, что винный откупъ есть одинъ изъ главныхъ источниковъ государственнаго дохода.*) Далѣе, они утверждаютъ, что русскій народъ вина обойтиться не можетъ, и что по этому ошибочно и несправедливо было бы обвинять пра-

---

ными наименованіями. Эта мошенническая операція, прикрываемая личиною законности, составляетъ настоящій предметъ дохода, на который разсчитываютъ откупщики. Отнять у нихъ право водочной продажи попроизвольнымъ цѣнамъ значило бы подвергнуть ихъ совершенной несостоятельности; такъ что несостоятельпасть откупщика предъ казною есть почти несомнѣнный признакъ его честности какъ продавца. За то какихъ денегъ стоитъ откупщикамъ сохраненіе упомянутаго условія въ откупныхъ правилахъ; но эти и другаго рода пожертвованія, какъ напримѣръ опредѣленіе извѣстнаго годоваго жалованья Губернскимъ и другимъ властямъ, составляютъ ничтожный процентъ съ получаемой откупщиками прибыли, и ограждаютъ ихъ противъ всякихъ преслѣдованій. Скажу болѣе; мѣстныя начальства; зная, что винный откупъ доставляетъ казнѣ значительный доходъ, не смѣютъ преслѣдовать откупщиковъ за примѣсь въ вино ядовитыхъ веществъ, если бы даже, — что бываетъ нерѣдко, — употребленіе отравленныхъ напитковъ влекло за собою смертельные случаи.

*) Графъ Канкринъ говаривалъ даже въ этомъ смыслѣ, что у насъ, что̀ кабакъ, то баталіонъ.

вительство въ поддержаніи установленія, основаннаго на потребности народа. Наконецъ, многіе смотрятъ на эту мѣру, какъ на средство къ обузданію пьянства, такъ какъ винный откупъ, возвышая цѣну на горячіе напитки принуждаетъ народъ ограничивать себя въ употребленіи вина. Но взглянемъ на этотъ предметъ съ другой точки зрѣнія. Конечно Правительству не легко отказаться отъ такой мѣры, которая доставляетъ казнѣ десятки милліоновъ ежегоднаго дохода. — Но за то какими средствами пріобрѣтаются эти милліоны? И не превышаетъ ли на самомъ дѣлѣ объемъ неизчислимаго вреда, причиняемаго виннымъ откупомъ, тѣ непрочныя выгоды, которыя доставляетъ, и то лишь на время, эта денежная операція? Не забудемъ, что чѣмъ выше откупная цѣна, тѣмъ тягостнѣе становятся послѣдствія сей мѣры для потребителей; такъ, что независимо отъ нравственнаго зла, смотря на этотъ вопросъ съ чисто хозяйственной точки зрѣнія, можно сказать положительно, что выгоды, извлекаемыя казною изъ сего предпріятія, находятся въ обратномъ отношеніи къ благосостоянію народа. Не ужели нельзя было въ теченіи многихъ десятковъ лѣтъ придумать и подготовить другіе способы для возмѣщенія убыли въ доходахъ, имѣющей произойти отъ упраздненія виннаго откупа? Съ этимъ вопросомъ вяжется цѣлый рядъ обширныхъ экономическихъ соображеній, несовмѣстныхъ съ объемомъ сего труда, но которыя всѣ ведутъ къ тому заключенію что мы упустили много дорогаго времени, въ продолженіи коего возможно было разработать другіе родники для обогащенія государственной сокровищ-

ницы. Относительно же степени необходимости потребленія вина для русскаго народа, я замѣчу, что если этотъ напитокъ и составляетъ дѣйствительно жизненную потребность для тѣхъ, которые по несчастію привыкли къ пьянству, то нѣтъ основательной причины отказаться отъ мысли улучшенія нравовъ грядущаго поколѣнія. Къ тому же народъ нашъ привыкаетъ къ пьянству въ большинствѣ случаевъ, въ слѣдствіе какой то полускотской праздности, которой онъ предается въ свободное отъ работы время, и въ слѣдствіи совершенно невѣжественнаго состоянія, которое заставляетъ его находить наслажденіе въ пьяномъ самозабвеніи. Столь же неосновательно мнѣніе тѣхъ, которые полагаютъ, что для жителей суроваго климата хлѣбное вино составляетъ необходимый напитокъ, какъ средство, которое по количеству заключающагося въ немъ алькоголя способствуетъ къ согрѣванію тѣла. Обстоятельное разсмотрѣніе сего вопроса можно найти въ сочиненіи Г. Гагемейстера о теоріи налоговъ (стр. 63 --85), гдѣ авторъ объясняетъ, что въ этомъ, какъ и во многихъ другихъ отношеніяхъ, и даже въ смыслѣ обузданія пьянства, хлѣбное вино, и самое производство винокуренія, могутъ быть замѣнены съ большимъ успѣхомъ пивомъ и пивовареніемъ. Наконецъ, еслибы можно было даже убѣдиться въ томъ, что народъ нашъ не можетъ отказаться отъ пьянства, и что винноокупная система не влечетъ за собою никакихъ вредныхъ послѣдствій ни въ хозяйственномъ, ни въ нравственномъ отношеніи, то врядъ ли приличествуетъ достоинству правительства поощрять порокъ

и пользоваться народною слабостію для обогащенія государственной казны.

Система виннаго откупа есть конечно одно изъ убѣдительныхъ доказательствъ несогласія благихъ видовъ правительства съ существующимъ на дѣлѣ порядкомъ вещей. Но кромѣ этого факта, найдется, я полагаю нѣсколько другихъ подобныхъ сему явленій, болѣе или менѣе противорѣчащихъ понятіямъ государственнаго благосостоянія. Такимъ образомъ сюда могутъ быть отнесены тѣ административныя мѣры, которыя, вмѣсто развитія промышленной дѣятельности подавляютъ ее. Привожу въ примѣръ золотые промысла. Что можетъ быть очевиднѣе многостороннихъ выгодъ, которыя доставляетъ частная золотопромышленность. Обратимъ прежде всего вниманіе на то обстоятельство что правительство предоставляя частнымъ лицамъ разработку золотосодержащихъ россыпей, пріобрѣтаетъ все количество добываемаго золота, и избѣгаетъ при томъ всѣ неудобства, неминуемо сопровождающія всякое казенное управленіе.*) А между тѣмъ эта операція нестоитъ пра-

---

*) Для убѣжденія въ томъ, что управленіе казенное не доставляетъ и не можетъ доставлять ожидаемой пользы, слѣдовало бы сравнить по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ: 1. во что обходится казнѣ добыча каждаго пуда золота, принимая въ разсчетъ всѣ расходы на то употребляемые и содержаніе цѣлаго штата чиновниковъ, радѣющихъ исключительно о своихъ личныхъ выгодахъ; и 2., какое относительное количество золота добывается ежегодно съ казенныхъ и частныхъ промысловъ при одинаковомъ числѣ рабочихъ, и при одинаковомъ содержаніи золота ко ста пудамъ золотоноснаго песка,

вительству ни копѣйки; ибо, независимо отъ пріобрѣтенія всей массы намытаго золота до послѣдняго зерна*), и независимо отъ пошлины, платимой съ количества добытаго золота, — на золотопромышленниковъ упадаютъ еще слѣдующія уплаты: горная подать (съ каждаго лигатурнаго фунта), надбавочная подать (если пріискъ изъ казенныхъ остатковъ), передѣльная плата, расходы на перечистку, на сплавъ и на доставку золота на монетный дворъ; даже разъѣзды горныхъ ревизоровъ по тайгѣ, съ одного пріиска на другой, совершаются на счетъ золотопромышленниковъ. При столь выгодныхъ для казны условіяхъ пріобрѣтенія золота, — условіяхъ равнозначущихъ пріему дароваго приношенія, понятно, что чѣмъ болѣе добыто золота, тѣмъ болѣе увеличивается государственный фондъ. Вотъ первая выгода, доставляемая частною золотопромышленностію. Кромѣ того золотой промыслъ, какъ и всякое коммерческое предпріятіе, имѣетъ непосредственное вліяніе на оживленіе другихъ отраслей промышленности того края, въ которомъ сосредоточивается такое предпріятіе. Такъ, предоставленное частнымъ лицамъ праворазработки Сибирскихъ золотоносныхъ россыпей содѣйствовало къ развитію производительныхъ силъ всей

не взирая на всѣ стѣснительныя мѣры, препятствующія золотопромышленникамъ разработывать свои пріиски какъ бы того требовала общая государственная польза и частныя выгоды.

*) Золотопромышленникъ не имѣетъ права и не можетъ удержать ни одной золотинки, не вознаградивъ казну соотвѣтственными стоимости золота деньгами.

Сибири отъ Пермской губерніи, включительно, до самой Камчатки, и оживило бы, конечно, этотъ край въ несравненно бо́льшей степени, еслибы частная золотопромышленность приняла болѣе значительные размѣры. Наконецъ самое умноженіе частныхъ капиталовъ лицъ, занимающихся золотопромышленностію, должно непремѣнно отразиться и на тѣ отрасли производительной дѣятельности, которыя не состоятъ въ прямой связи съ золотымъ промысломъ. Значитъ попечительное правительство не можетъ оставаться равнодушнымъ и къ этому обстоятельству. А сколько сдѣлано золотопромышленниками пожертвованій на государственную пользу; сколько воздвигнуто Церквей, общественныхъ зданій; сколько учреждено общеполезныхъ заведеній? . . . Но, не взирая на неоспоримую ясность сихъ доводовъ, у насъ существуетъ неимовѣрно возвышенная подать на право золотопромышленности, — подать, которая, стѣсняя въ высшей степени общее развитіе сего полезнаго предпріятія, и недозволяя золотопромышленникамъ разработывать золотосодержащія площади, въ томъ случаѣ, если онѣ заключаютъ въ себѣ скудное (долевое) содержаніе, лишаетъ и казну многихъ сотенъ пудовъ золота, остающагося въ землѣ мертвымъ капиталомъ. Нѣтъ сомнѣнія, что въ установленіи возвышенной подати съ золотопромышленности, правительство руководствовалось прежнимъ богатствомъ золотоносныхъ россыпей, которое теперь относится къ баснословнымъ временамъ золотаго промысла. Но если бы такое богатство существовало и по нынѣ, то и въ такомъ случаѣ

подобная мѣра несоотвѣтствовала бы троякой пользѣ извлекаемой изъ этой операціи. Разсчетъ казны во взиманіи высокой подати съ золотопромышленности соотвѣтствуетъ, по моимъ понятіямъ, предпочтенію процентовъ съ извѣстнаго капитала самому капиталу.

Сюда же слѣдуетъ отнести недостатокъ въ Россіи сухопутныхъ и водяныхъ путей сообщеній, которыя по справедливости могутъ быть названы кровоносными артеріями государственнаго тѣла; и тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ, или почти нѣтъ, тамъ политическое тѣло подвергается, естественно, всѣмъ недугамъ, происходящимъ отъ застоя жизненныхъ соковъ; и застой этотъ тѣмъ ощутительнѣе, тѣмъ пагубнѣе, чѣмъ обширнѣе государство. Вообще, что касается до хозяйственнаго быта государства, правительство наше обнаруживало не рѣдко довольно странныя противорѣчія въ своихъ дѣйствіяхъ. Руководствуясь правилами человѣколюбія и тѣмъ экономическимъ началомъ, что благосостояніе хозяина зависитъ отъ благосостоянія подвластныхъ ему лицъ, правительство наблюдало заботливо, чтобы помѣщики не притѣсняли своихъ крестьянъ и пеклись о ихъ довольствѣ; а между тѣмъ по отношенію къ массѣ своихъ подданныхъ, оно не только не содѣйствовало къ преподанію нужныхъ средствъ для развитія ихъ благосостоянія, но еще установляло разныя стѣснительныя мѣры, какъ бы на перекоръ тѣмъ началамъ, на основаніи которыхъ оно старалось обезпечить положеніе помѣщичьяго крестьянина. Къ этой же категоріи свидѣтельствъ, говорящихъ въ пользу высказаннаго мною суж-

денія, принадлежитъ вопросъ о народномъ образованіи, на разсмотрѣніе коего предназначена послѣдняя глава сихъ записокъ.

Приведенные здѣсь примѣры могутъ служить какъ бы обвиненіемъ правительства въ недостаткѣ предусмотрительности въ случахъ, могущихъ быть предвиденными. Но независимо отъ того встрѣчались и такія обстоятельства, въ которыхъ правительство прямо высказывало свое намѣреніе, и тѣмъ не менѣе эти ясныя указанія не повели ни къ какому существенному результату, и все таки, какъ мнѣ кажется, потому, что онѣ не были руководимы опредѣлительнымъ и широко обдуманнымъ планомъ. Такъ, напримѣръ, мысль о сокращеніи переписки не достигла и не могла достигнуть предположенной, весьма полезной цѣли, ибо предметъ этотъ тѣсно связанъ съ общимъ вопросомъ о многосложности нашей администраціи, и трудно, чтобы не сказать невозможно, упростить дѣйствіе машины, не упростивъ прежде самую машину.

Наконецъ, представляется рядъ случаевъ, лишенныхъ всякой связи съ общимъ ходомъ дѣлъ. Появляются отдѣльныя и весьма часто противорѣчивыя распоряженія для установленія какихъ либо частныхъ мѣръ въ слѣдствіи особеннаго ходатайства въ пользу такихъ или другихъ учрежденій, тогда какъ слѣдовало бы сличить подобныя мѣры съ случаями тождественными, дать имъ характеръ болѣе общій, или вовсе отложить ихъ до поры до времени, пока не измѣнится по всюду существующій порядокъ вещей, возбудившій подобнаго рода ходатайства. Идетъ, положимъ, рѣчь объ увели-

ченіи оклада содержанія чиновниковъ такого-то вѣдомства, по такой-то губерніи; или, объ увеличеніи штата такай-то канцеляріи; или, о назначеніи въ такой-то городъ по такому-то вѣдомству другаго чиновника сверхъ опредѣленнаго по положенію; или, о сокращеніи издержекъ по такой-то части такого-то вѣдомства; или, объ упраздненіи въ такой-то губерніи такого-то присутственнаго мѣста и проч. А между тѣмъ, неудобства такъ сказать случайно обнаруженныя, и столь же случайно вызвавшія такія распоряженія, существуютъ и по многимъ другимъ, частямъ, и во многихъ другихъ мѣстахъ обширнаго Русскаго Царства, и всѣ эти неурядицы заслуживаютъ, конечно, одинаковое попеченіе и заботливость правительства.

Нельзя при этомъ не коснуться безпорядка, въ которомъ находится наша законодательная часть. Покойный ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ, стяжалъ себѣ достойную похвалу тѣмъ, что повелѣлъ приступить къ изданію Св. Законовъ и къ полному собранію всѣхъ источниковъ отечественныхъ лѣтописей и законовѣдѣнія. Въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ оконченъ былъ громадный трудъ, который особенно былъ важенъ въ томъ отношеніи, что тѣмъ самымъ положена была прочная основа для дальнѣйшей разработки нашего законодательства по указаніямъ опыта. Съ сею то цѣлію допущены были въ послѣдствіи разныя измѣненія въ только что изданныхъ законахъ, которыя и послужили поводомъ къ новому изданію вышедшему въ 1842 г. Но то, что сначала признано было за средство къ улучшенію нашей кодификаціи и средство необ-

ходимое, то обратилось какъ бы въ злоупотребленіе. Вмѣсто того, чтобы воспользоваться указаніями опыта для устраненія оказавшихся недостатковъ, пополненія существенно нужнаго и установленія возможно непоколебимыхъ законовъ чрезъ основательную оцѣнку несовершенства уже существующихъ законоположеній и сличеніе ихъ съ тѣми неудобствами, которыя обнаруживаетъ примѣненіе законовъ къ практикѣ, — вмѣсто того, правительство наше вошло въ колею безчисленнаго множества дополненій, измѣненій, прибавленій, приложеній, отмѣнъ и замѣнъ, которыя наполняютъ фоліанты 19ти продолженій и причиняютъ болѣе вреда сбивчивою запутанностію мелочныхъ подробностей, чѣмъ пользы, какую могло бы доставить установленіе менѣе обширныхъ, но зрѣло обдуманныхъ и твердыхъ правилъ. Здѣсь, какъ и въ другихъ отрасляхъ управленія, руководила не столько идея, сколько слѣпой случай; — не духъ закона, а частныя явленія судебной и административной практики. „Законъ, который обязанъ своимъ существованіемъ одному отдѣльному случаю", сказалъ Цахаріэ," рѣдко бываетъ хорошъ."*) . . . .

---

*) Karl Salomo Zachariä's Vierzig Bücher vom Staate. Heidelberg 1839—1843. Vierter Band, S. 30.

Въ числѣ многихъ рукописныхъ сочиненій, появившихся въ Россіи въ послѣднее время, находится довольно замѣчательная статья, въ которой исчислены въ перечневомъ обзорѣ всѣ несообразности наполняющія Сводъ законовъ. Неизвѣстный составитель этой статьи объясняетъ между прочимъ: 1е., что въ слѣдствіи противорѣчивыхъ законоположеній, встрѣчаю-

Устраняя себя отъ дальнѣйшаго сужденія по предмету столь обширному, и разсмотрѣніе коего могло бы увлечь меня за предѣлы простаго примѣра, приведеннаго здѣсь въ числѣ прочихъ тождественныхъ случаевъ для оправданія нѣкоторой основательности предпосланнаго въ началѣ сей главы мнѣнія, я позволю себѣ однако присовокупить, что можно былобы, кажется, въ продолженіи четверти столѣтія, истекшаго со времени перваго изданія Свода Законовъ, достигнуть болѣе прочныхъ и удовлетворительныхъ результатовъ по законодательной части, если бы правительство преслѣдовало эту полезную цѣль съ надлежащею послѣдовательностію.

Приведя нѣсколько явленій изъ нашей административной жизни, явленій, взятыхъ, такъ сказать на выдержку, и могущихъ, если не ошибаюсь, служить доказательствомъ несовмѣстности многихъ такихъ распоряженій съ понятіемъ о единствѣ правительственнаго духа, я позволю себѣ присовокупить еще нѣсколько соображеній, которыя, быть можетъ, обнаружатъ нѣкоторыя ближайшія причины упомянутаго недостатка и укажутъ, прибли-

---

щихся въ Сводѣ Законовъ, по одному и тому же дѣлу могутъ послѣдовать 10ть и даже 12ть, совершенно различныхъ, но вполнѣ законныхъ рѣшеній; 2е., что изъ числа 69,996 статей Св. Закон., можно исключить отъ 25ти т. до 30ти т. статей, и сдѣлать кромѣ того, болѣе 2хъ милліоновъ сокращеній въ ссылкахъ, цитатахъ, указателяхъ и т. д. 3е., что безполезныхъ повтореній замѣчено имъ болѣе 15ти т., а такихъ статей, которыя должны быть слиты съ другими имъ однородными болѣе 12ти т. и проч.

зительно, на средства, могущія, хотя сколько нибудь содѣйствовать къ устраненію сего неудобства.

Успѣхъ всякаго дѣла обусловливается извѣстнымъ порядкомъ, сопровождающимъ его производство. — Указанный самимъ Создателемъ въ жизненномъ процессѣ природы, порядокъ есть душа дѣятельности какъ механической, такъ и духовной. Это есть невидимый сотрудникъ человѣка, который, облегчая исполненіе труда правильнымъ распредѣленіемъ занятій, способствуя къ изысканію и опредѣленію сначала сущности изслѣдуемаго предмета, и къ дальнѣйшему за тѣмъ развитію основныхъ положеній въ вопросы придаточнаго содержанія, сообщаетъ предпринятому на сихъ началахъ дѣлу характеръ единства — въ цѣломъ его составѣ, послѣдовательности — въ развитіи основной мысли, стройности и гармоніи — въ согласованіи отдѣльныхъ частей между собою и съ главнымъ предметомъ. Но если порядокъ составляетъ необходимое условіе всякаго труда, не исключая и самого незначительнаго, то въ дѣлѣ, требующемъ предпочтительнаго участія высшей умственной дѣятельности, этотъ наставникъ и руководитель мышленія получаетъ особенно важное значеніе и называется тогда мѐтодомъ. Мѐтодъ есть общее построеніе всего предмета въ его существенномъ значеніи; это есть чистое выраженіе самосознательно усвоеннаго понятія и самой его дѣйствительности. Заимствуя свое существованіе изъ сего живаго источника, мѐтодъ проникаетъ подлежащій ему вопросъ до первоначальной основы, извлекаетъ

изъ него коренныя начала, и развиваетъ ихъ въ стройную систему. Изъ сего слѣдуетъ, что предметъ, какой бы онъ нибылъ можетъ быть понятъ и истинно познанъ неиначе, какъ если онъ вполнѣ проникнутъ и объизслѣдованъ путемъ мѐтода*)

Въ дѣлѣ государственнаго управленія подобный порядокъ познается: когда трудъ предварительнаго изслѣдованія государственнаго быта въ данное время, и основанное на семъ опредѣленіе цѣли правительственной дѣятельности, доведены до яснаго сознанія того, что есть, и того, что должно быть; когда, въ слѣдствіе такихъ зрѣло обдуманныхъ соображеній, правительство различаетъ предметы, долженствующіе служить главною цѣлію его дѣятельности, отъ предметовъ меньшей важности, и посвящаетъ первымъ преимущественную свою заботливость, не развлекая своего вниманія мелочами; когда, на основаніи принятыхъ въ руководство началъ управленія, правительство предначертываетъ важнѣйшія государственные вопросы, и развивъ таковыя административные тезисы въ систематическомъ порядкѣ, распредѣляетъ ихъ между подлежащими вѣдомствами; когда при обсужденіи какой нибудь мѣры, правительство не ограничивается въ своей оцѣнкѣ и въ распоряженіяхъ, которыя отъ сего послѣдовать должны, одними частными явленіями отдѣльныхъ случаевъ, вызвавшихъ устано-

---

*) Kant — Kritik der praktischen Vernunft. Leipzig 1827. S. 221. — Hegel — Wissenschaft der Logik. Berlin 1841. S. 320 (2. Theil). — Hegel — Phänomenologie des Geistes. Berlin 1841. S. 36.

вленіе таковой мѣры, но подвергаетъ совокупному разсмотрѣнію всѣ вопросы болѣе или менѣе тѣсно связанные, или же совершенно тождественные; когда, наконецъ, подъ вліяніемъ методическаго направленія государственныхъ занятій, обнаруживается въ правительственной сферѣ то созвучіе частей съ цѣлымъ, которое свидѣтельствуетъ о блюстительномъ присутствіи мысли господствующей, и о стройномъ съ оною согласованіи всѣхъ отраслей управленія. Если же, на оборотъ, вмѣсто такого раціональнаго раздѣленія труда правительство, не познавъ надлежащимъ образомъ современнаго положенія государства, не изслѣдовавъ обстоятельно существенныхъ причинъ его неустройства, и не опредѣливъ положительно цѣли своей дѣятельности, поступаетъ либо подъ вліяніемъ слѣпаго случая, который какъ бы наводитъ его на установленіе различныхъ мѣръ, — либо подъ внушеніемъ минутнаго вдохновенія, дѣйствуя сего дня такъ, завтра иначе; если, при обсужденіи установляемыхъ мѣръ, долженствующихъ имѣть обширное значеніе, правительственная мысль не переходитъ за узкую раму даннаго случая; если государственныя дѣла значительной важности рѣшаются не на основаніи обстоятельныхъ изслѣдованій и всестороннихъ соображеній, а какъ бы однимъ почеркомъ пера; если, переобразованіе, требующее постепеннаго введенія, установляется внезапно безъ предшествующихъ подготовительныхъ мѣръ; если, вниманіе правительства дробится и разсѣевается въ мелочныхъ распоряженіяхъ, упуская изъ виду предметы первостепенной важности; если отдѣльныя адми-

нистративныя вѣдомства, дѣйствуютъ дружно, только для взаимнаго прикрытія своихъ ошибокъ, а не въ видахъ достиженія предначертанной цѣли; если, наконецъ, общій ходъ управленій, не будучи руководимъ широкимъ и опредѣлительнымъ планомъ, подверженъ случайностямъ и вліянію личныхъ воззрѣній, — въ такихъ случаяхъ должно неминуемо послѣдовать, то колебаніе въ распоряженіяхъ правительства, та незаконченность, незрѣлость, неосмотрительность, которыя свойственны образу дѣйствій правительства неблагоустроеннаго. Такое положеніе вещей, свидѣтельствующее объ отсутствіи раціональнаго порядка, доказываетъ съ тѣмъ вмѣстѣ, что въ основѣ государственнаго управленія нѣтъ опредѣленной, сознательно усвоенной идеи, которая предполагаетъ непремѣнно категорическое развитіе мысли.

Государственная идея есть окончательный выводъ двухъ логическихъ посылокъ, изъ коихъ первая — имѣетъ предметомъ опредѣленіе недостатковъ, вторая — опредѣленіе средствъ государства въ данную эпоху. Общій критическій сводъ фактовъ къ сему относящихся долженъ обнаружить современное состояніе государства въ связи съ минувшимъ и съ способами носящими въ себѣ зародышъ будущаго. Значитъ вопросъ объ опредѣленіи государственной идеи распадается на два существенные отдѣла изъ коихъ первый имѣетъ предметомъ изученіе и познаніе государственнаго быта въ данное время, — трудъ пріуготовительный или вспомогательный, второй состоитъ въ предначертаніи и опредѣленіи цѣли прави-

тельственной дѣятельности, — трудъ окончательный или главный. Слѣдуя сему порядку обратимся сначала къ источникамъ познанія государственнаго быта, а именно къ свѣдѣніямъ оффиціальнымъ.

Признавая всю важность познанія темныхъ и свѣтлыхъ сторонъ государственнаго быта нельзя не пожелать, чтобы свѣдѣнія сюда относящіяся были сколь возможно вѣрны. Независимо отъ степени добросовѣстности или недобросовѣстности составителей таковыхъ донесеній, надо замѣтить, что данныя сего рода несоотвѣтствуютъ истинѣ весьма часто потому, что лица занимающіяся этимъ дѣломъ завалены множествомъ другихъ предметовъ, отнимающихъ у нихъ всякую возможность исполнить эту обязанность какъ слѣдуетъ; а кромѣ того еще и по той причинѣ, что къ этимъ матеріальнымъ затрудненіямъ присоединяется мысль въ безполезности такого труда. Дѣйствительно, важность статистической цифры, служащей однимъ изъ главныхъ источниковъ для изученія современнаго состоянія государства, не пріобрѣла еще у насъ надлежащаго права гражданственности. Не взирая на огромное число списковъ, табелей, росписей, составляемыхъ по всѣмъ вѣдомствамъ, всѣ они въ большинствѣ случаевъ, служатъ безполезнымъ украшеніемъ отчетовъ, и обременяютъ по пустому полки архивныхъ шкафовъ, существенной же пользы изъ нихъ никогда почти не извлекается, тогда какъ во многихъ отдѣльныхъ случаяхъ оказывается ощутительная надобность въ обстоятельныхъ статистическихъ выводахъ. Вѣрная статистическая цифра есть градусникъ показывающій

степень государственнаго развитія. Можно бы кажется принести въ жертву нѣсколько тысячь исходящихъ и входящихъ бумагъ, напрасно притупляющихъ умственныя способности для того, чтобы пріобрѣсти и примѣнить съ пользою эти драгоцѣнные факты. Если Кювье полагалъ, что онъ въ состояніи по одному оставу опредѣлить образъ жизни умершаго человѣка, то нѣтъ сомнѣнія, что вѣрныя статистическія таблицы достаточны для изображенія современнаго состоянія государства. Наконецъ слѣдуетъ замѣтить еще и то обстоятельство, что всѣ факты, свидѣтельствующіе о современномъ состояніи государства, каковы напримѣръ ежегодные отчеты Начальниковъ Губерній, врядъ ли когда либо подвергаются одновременному и совокупному сличенію. Усвояя себѣ подобнаго рода свѣдѣнія какъ бы отрывочно, правительство наше увлекается не рѣдко мелочами и установляетъ такимъ образомъ мѣры отдѣльныя, упуская изъ виду общіе выводы и болѣе возвышенное воззрѣніе на преобладающія нужды края, равно какъ и на средства для устраненія таковыхъ недостатковъ. Такъ относительно способа разсмотрѣнія Губернаторскихъ отчетовъ, которые въ ряду свѣдѣній оффиціальныхъ, заслуживаютъ предпочтительнаго вниманія высшаго правительства, слѣдовало бы установить болѣе точный и опредѣлительный порядокъ. По существующимъ издавна правиламъ отчеты Начальниковъ Губерній поступаютъ въ подлинникѣ на ВЫСОЧАЙШЕ воззрѣніе. Понятно, что при громадныхъ трудахъ, составляющихъ ежедневныя занятія Русскаго ИМ-

ПЕРАТОРА, ГОСУДАРЬ лишенъ всякой возможности вникнуть во всѣ подробности сихъ отчетовъ, да и кромѣ того, разсматривая эти свѣдѣнія отдѣльно, вниманіе сосредоточивается весьма естественно на фактахъ, до одной какой нибудь губерніи относящихся. Такимъ образомъ отчеты Губернаторовъ, обращаемые за тѣмъ въ Комитетъ Министровъ, возбуждаютъ отдѣльныя распоряженія по тѣмъ только предметамъ, по коимъ послѣдовали ВЫСОЧАЙШІЯ резолюціи. Но и эти распоряженія весьма часто не достигаютъ предположенной цѣли; либо дѣло оканчивается голословными, хотя иногда и продолжительными объясненіями, либо же оно откладывается въ долгій ящикъ и получаетъ разрѣшеніе тогда, когда уже миновалась настоятельная надобность своевременнаго распоряженія. По этому, было бы, кажется, полезнѣе, если бы Губернаторскіе отчеты поступали предварительно въ Комитетъ Министровъ для составленія по нимъ общаго обзора и валовыхъ статистическихъ выводовъ объ нѣсколькихъ губерніяхъ, принадлежащихъ по сходству бытоваго характера къ одному краю, или области, или полосѣ. Такого рода обзоръ долженъ заключать въ себѣ категорическія заключенія по отдѣльнымъ отраслямъ управленія, и заключенія эти должны быть подкрѣплены статистическими итогами, выраженными въ общемъ (перечневомъ), изложеніи цифръ, и въ процентномъ ихъ между собою содержаніи. Вообще трудъ этотъ долженъ отличаться отъ подлинника тѣмъ, что съ сокращеніемъ матеріальнаго объема, должно возрасти внутреннее достоинство критической оцѣнки.

Вотъ въ какомъ видѣ должна, быть мнѣ кажется представляема отчетность на ВЫСОЧАЙШЕЕ воззрѣніе. Если же бы ежегодное составленіе подобныхъ критическихъ выводовъ изъ всѣхъ отдѣльныхъ отчетовъ оказалось затруднительнымъ, то можно было бы разсрочить представленіе Губернаторскихъ донесеній объ общемъ состояніи края на два, или даже на три года, — особенно же пока не послѣдуетъ упрощеніе дѣятельности подлежащихъ органовъ управленія. Въ такомъ случаѣ всѣ Губерніи могли бы быть раздѣлены, относительно срока представленія отчетовъ, на двѣ, или на три категоріи; и тогда ежегодныя занятія по составленію извлеченій изъ сихъ свѣдѣній облегчены были бы въ равной степени. Лучше ограничить представленіе отчетности срокомъ болѣе отдаленнымъ, но обезпечить тѣмъ самымъ бо́льшую ея достовѣрность; такъ какъ и вообще говоря пожертвованіе времени, употребленнаго на бо́лѣе зрѣлое обсужденіе предмета, должно во всякомъ случаѣ имѣть предпочтеніе предъ торопливостію, влекущею за собою непрочность и происходящую отъ сего необходимость частыхъ измѣненій. Предположенный здѣсь способъ разсмотрѣнія губернаторскихъ отчетовъ, не исключаетъ однакоже права, принадлежащаго начальникамъ Губерній, доносить ГОСУДАРЮ объ обстоятельствахъ особенной важности, равно какъ и о тѣхъ настоятельныхъ нуждахъ края, по коимъ не получается разрѣшеніе главныхъ вѣдомствъ въ продолженіи долгаго времени; иначе случаи сюда относящіеся могли бы остаться незамѣченными при составленіи общаго обзора, и вся отвѣтственность пала бы тогда на Губернаторовъ,

которые были бы лишены возможности оправдывать свои дѣйствія.*)

Кромѣ свѣдѣній оффиціальныхъ, собираемыхъ мѣстными властями, или хранимыхъ въ архивахъ присутственныхъ мѣстъ, благоразумное правительство не должно пренебрегать и частными свѣдѣніями, заключающими въ себѣ сколько нибудь полезныя указанія на современное состояніе государственнаго быта. Здѣсь разумѣются произведенія отечественной словесности, которыя важны особенно потому, что служатъ выраженіемъ общественнаго мнѣнія и заключаютъ въ себѣ если и не явные, то хотя касвенные намеки на современные нужды государства и на способы къ ихъ устраненію . . . . Было время, когда литтературная дѣятельность была до такой степени стѣснена строгостію цензуры, что русскія книги ограничивались самымъ тощимъ содержаніемъ ученыхъ изслѣдованій въ области наукъ точныхъ, не многими новостями, признанными за неоспоримо оффиціальныя и переводами кое-какихъ иностранныхъ романовъ.**) Подавляя

---

*) Что касается до отчетности по Министерствамъ и Главнымъ управленіямъ, то нельзя не пожелать, чтобы правила, заключающіяся въ ст. 176—187 Общ. Обр. Мин., были въ точности исполняемы.

**) По поводу строгости нашей цензуры нельзя не выразить сожалѣнія, что ходатайство покойнаго Профессора Неволина объ основаніи юридическаго журнала не было уважено. Мысль нашего знаменитаго ученаго заключалась въ томъ, чтобы посредствомъ сего литературнаго органа сблизить читающую публику съ основными понятіями законовѣдѣнія по разнымъ отраслямъ сей науки, и содѣйствовать къ распространенію

всякое мнѣніе сколько нибудь смѣло выраженное, и недопуская его къ печати, правительство наше въ тоже время уединило свою дѣятельность отъ голоса общественной среды, и ограничивалось одними

настоящаго смысла и духа нашихъ законовъ поясненіемъ, при данныхъ случаяхъ, побудительныхъ причинъ, служащихъ поводомъ къ изданію разныхъ законоположеній (ratio legis). Въ дружескихъ нашихъ бесѣдахъ, Неволинъ не разъ касался сего предмета, и высказывалъ мнѣ свое убѣжденіе въ несомнѣнной пользѣ, которую слѣдовало бы ожидать отъ сего учрежденія. Но можно ли удивляться тому, что Правительство наше не согласилось на изданіе такого литтературнаго органа, который долженъ былъ неминуемо коснуться нашей судебной дѣятельности въ то время, когда строгость цензорскихъ запрещеній дошла можно сказать до предѣловъ безумія. Не упоминая о всѣмъ извѣстномъ запрещеніи одной поваренной книги за помѣщеніе въ ней наставленія печь пироги въ вольномъ духѣ, я не могу не указать на два другіе менѣе извѣстные, но довольно замѣчательные примѣра. На заглавномъ листѣ 1 части „Общепонятной механики" Писаревскаго изображенъ стрѣлокъ держащій ружье на прицѣлъ съ показаніемъ пунктиромъ линіи, исходящей отъ точки зрѣнія къ концу ствола. Мудрый цензоръ остановилъ свое вниманіе на этомъ изображеніи, и предложилъ автору глубокомысленный вопросъ: за чѣмъ помѣщенъ Стрѣлокъ на заглавномъ листѣ? и въ кого онъ мѣтитъ? Это подозрительно. Въ слѣдствіе такого тонкаго замѣчанія означенный политипажъ былъ заклеенъ, а чтобы заклейка эта не поразила читателя, тоже сдѣлано и съ политипажемъ заглавнаго листа II книги, гдѣ изображенъ Пахарь, ведущій плугъ. Надо знать при томъ, что эти заклейки ни сколько не мѣшаютъ видѣть изображенія противъ свѣта. Разумѣется, что ради такой диковинки сочиненіе Писаревскаго было куплено на расхватъ, даже и тѣми, которые механикою вовсе не занимаются. Другой подобный примѣръ представляетъ извѣстный транспарантъ для письма; казалось бы тутъ ничего нѣтъ подозрительнаго, но и это произведеніе подготовительнаго ма-

оффиціальными показаніями должностныхъ лицъ, которыя, за отсутствіемъ всякой гласности имѣли, разумѣется, возможность выдавать безнаказанно ложь за истину. Даже и въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда представляемы были какія нибудь соображенія, выходящія изъ обычной колеи нашего бюрократическаго лада, и когда труды эти, будучи удостоены вниманія высшаго Начальства были поручаемы разсмотрѣнію подлежащихъ вѣдомствъ, то лица, на которыхъ возлагаемы были подобныя порученія, старались не столько о справедливой оцѣнкѣ новаго предположенія, сколько объ изысканіи всевозможныхъ кривотолковъ для опроверженія изложенныхъ доводовъ.

И такъ достовѣрность фактовъ, совокупная оцѣнка взаимнаго ихъ вліянія и наконецъ критическое соображеніе общаго характера гражданскаго и народнаго быта, суть необходимыя условія для возможно правильнаго опредѣленія современнаго состоянія государства и цѣли предстоящей правительству дѣятельности. Заключаю настоящія соображенія относительно важности познанія государственнаго быта, мыслію однажды уже выраженною: успѣхъ тогда только возможенъ, когда есть сознаніе недостатковъ. Дай Богъ, чтобы мы сознавали наши недостатки и памятовали о нихъ

теріала для литтературной дѣятельности, прошло чрезъ очистительное дѣйствіе цензуры. Внизу листа значится оффиціальная отмѣтка: „Печатать позволяется. С. Петербургъ такого-то числа, мѣсяца и года. Цензоръ такой-то.“ Вотъ до чего довести можетъ нелѣпое истолкованіе видовъ Правительства.

постоянно, не полагаясь ни на русское авось, ни на льстивые рѣчи, что Россія сильна, что въ ней примѣрный порядокъ, что она изобилуетъ всѣми, и при томъ не истощимыми, элементами богатства матеріальнаго и духовнаго. Все это отчасти справедливо, но не мѣшаетъ имѣть въ виду пословицу: „на Бога надѣйся, а самъ не плошай.“ Всѣ эти элементы благосостоянія дѣйствительно таятся въ нашемъ миломъ отечествѣ, но таятся еще въ зародышѣ. Остается ихъ развить и дать имъ должное направленіе. Въ этомъ заключается вся суть, вся мудрость государственнаго управленія.

Возвращаюсь къ главному предмету настоящаго изслѣдованія. Положимъ, что всѣ необходимыя данныя для опредѣленія, преобладающихъ недостатковъ и важнѣйшихъ средртвъ государства, хотя въ общихъ чертахъ приведены въ извѣстность, сначала разлагательнымъ дѣйствіемъ анализа, состоящаго въ первоначальныхъ, болѣе или менѣе подробныхъ, изысканіяхъ; что потомъ, всѣ таковыя свѣдѣнія свѣдены въ крупные итоги обратнымъ путемъ синтезы, выражаемой въ постепенномъ извлеченіи, изъ множества разнообразныхъ фактовъ, сущности дѣла. Общій итогъ сихъ изслѣдованій, какъ уже сказано, долженъ представить недостатки административнаго и народнаго быта въ непосредственной связи съ прошедшимъ, тамъ гдѣ таковая связь знаменательна, и обнаружить матеріальныя и нравственныя средства государства, какъ носящія въ себѣ семена будущаго развитія. Вѣрность этихъ двухъ посылокъ должна облегчить трудъ отысканія третьей искомой величины — опредѣленія государственной

идеи, т. е. цѣли государственнаго управленія въ данное время. Но осуществленіе государственной идеи требуетъ предварительнаго ея развитія въ систему. Иначе дѣятельность правительства можетъ подвергнуться вліянію измѣнчивой случайности, и не будетъ плодомъ господствующей, зрѣло обдуманной, мысли. Всякое же развитіе идеи въ систему совершается руководительнымъ путемъ мѐтода, который въ сферѣ административной жизни можетъ быть названъ Правительственнымъ мѐтодомъ. Результатъ этотъ, ведущій къ установленію общаго единства въ духѣ управленія всѣми отраслями государственной администраціи, можетъ быть достигнутъ тогда только, если правительство, слѣдуя ВЫСОЧАЙШИМЪ указаніямъ, опредѣлитъ положительно, на основаніи вышеупомянутыхъ данныхъ, тѣ государственные вопросы, которые должны служить главною цѣлію ея дѣятельности, и разовьетъ эти вопросы въ систематически составленной программѣ. По составленіи таковаго предначертанія въ общемъ видѣ, слѣдуетъ распредѣленіе предметовъ въ немъ изложенныхъ между подлежащими вѣдомствами. За тѣмъ, каждое изъ тѣхъ вѣдомствъ, руководствуясь началами ему предписанными, обязано въ свою очередь развить предположенія относительно осуществленія мѣръ на его долю упадающихъ, имѣя въ виду средства, коими ожиданія правительства могутъ быть достигнуты. Всѣ такимъ образомъ составленныя частныя соображенія и программы должны быть подвергнуты совокупному сличенію и повѣркѣ въ общемъ совѣщаніи управляющихъ отдѣльными частями, и наконецъ

вознесены на Высочайшее воззрѣніе.*) При составленіи такихъ программъ необходимо отличать мѣры-составляющія постоянную цѣль правительства отъ мѣръ временныхъ, частныхъ, случайныхъ, и преимущественно стараться о приведеніи

---

*) До сихъ поръ общія совѣщанія главныхъ представителей отдѣльныхъ вѣдомствъ ограничивались у насъ либо разсмотрѣніемъ вопросовъ, такъ сказать безспорныхъ и даже совершенно мелочныхъ, незаслуживающихъ вниманія высшаго правительства, какъ напр. слѣдуетъ ли дозволить содержателямъ трактировъ имѣть въ сихъ заведеніяхъ часы съ курантами, или нѣтъ? либо, въ дѣлахъ болѣе важныхъ, принимали характеръ взаимныхъ уступокъ. Тогда какъ главный предметъ совѣщаній сего рода долженъ заключаться, по моему мнѣнію въ единодушномъ и стройномъ содѣйствіи къ преслѣдованію общихъ цѣлей и въ предначертаніи по каждому отдѣльному вѣдомству предположеній, которыя прямо бы вели къ осуществленію такихъ видовъ. Словомъ, то, что сказано выше на счетъ составленія частныхъ административныхъ программъ и совокупнаго ихъ разсмотѣнія, должно, какъ я разумѣю, относиться къ настоящимъ обязанностямъ каждаго отдѣльнаго Члена и Общаго Присутствія Комитета Г. г. Министровъ.

Вышеизложенныя соображенія на счетъ правительственнаго плана сближаютъ насъ снова съ законоположеніями, о которыхъ говорено на стр. ~~108~~ 58. Не входя въ подробное ихъ разсмотрѣніе, и не отрицая несомнѣннаго ихъ достоинства замѣтимъ только, что законы эти относятся до установленія главнѣйшихъ правилъ отчетности, и имѣютъ цѣлію усовершенствованіе отдѣльныхъ отраслей управленія; слѣдовательно, они выражаютъ одну лишь сторону предмета — обзоръ существующаго порядка и будущихъ улучшеній въ предѣлахъ каждаго вѣдомства особенно, — и по этому не восходятъ до общаго взгляда на совокупную дѣятельность всѣхъ частей государственной администраціи въ данное время. Въ этомъ отношеніи означенныя правила предначертываютъ то, что должно

въ исполненіе первыхъ. Вообще я того мнѣнія, что для установленія прочнаго порядка и введенія существенныхъ улучшеній, надо имѣть въ виду прежде всего учрежденіе мѣръ общихъ; соблюденіе сего условія можетъ предотвратить нарушеніе предположеннаго единства и послѣдовательности въ основныхъ началахъ управленія. Нѣтъ сомнѣнія, что предначертанія, названныя мною правительственными программами, должны отъ времени до времени быть подвергаемы нѣкоторымъ частнымъ измѣненіямъ, смотря по важности вновь предсталяющихся явленій въ государственной и народной жизни, дабы правительственная дѣятельность не отставала отъ уровня современныхъ требованій, а руководила и направляла ихъ къ полезнымъ цѣлямъ.

Выгода могущая произойти отъ сего способа должна состоять въ совокупномъ содѣйствіи отдѣльныхъ частей управленія въ общемъ дѣлѣ и въ точнѣйшемъ опредѣленіи круга дѣятельности каждаго вѣдомства отдѣльно; тогда система централизаціи, служащая одною изъ коренныхъ основъ нашего

быть послѣдствіемъ суммарнаго опредѣленія общей правительственной дѣятельности, — опредѣленія основаннаго, — какъ замѣчено въ своемъ мѣстѣ, — на предварительномъ познаніи современнаго быта и цѣли правительства. Вообще упомянутыя законы предписываютъ одно изъ средствъ, обезпечивающихъ достиженіе предполагаемаго единства и послѣдовательности, но не представляютъ полнаго конспекта самыхъ существенныхъ мѣръ, могущихъ вести къ желаемой цѣли. Такимъ образомъ законы эти заключаютъ въ себѣ какъ бы намёки на методическое направленіе дѣлъ, но не указываютъ прямо на способъ установленія правительственнаго мѣтода и развитія идеи государственной.

государственнаго управленія, не ограничиваясь наружною формальностію единства, достигнетъ своего настоящаго, внутренняго значенія. Логическія требованія развитія мысли удовлетворены будутъ въ равной степени: 1) Дѣйствительность, какова она есть на лице, будетъ познана; 2) значеніе ея, извлечено и выражено въ соотвѣтствующемъ ей понятіи. 3) Оба сіи начала, носящія, въ себѣ зародышъ будущей жизни, сочетаются въ указанной цѣли; — правительственная мысль, совершивъ круговое движеніе, возвысится до значенія идеи. Кромѣ той очевидной пользы, которую можетъ доставить объясненный здѣсь способъ, — пользы, состоящей въ томъ, что дѣятельность правительства будетъ слѣдовать основательно обдуманнымъ и твердымъ путемъ, что распоряженія его получатъ бо̀льшую опредѣлительность, стройность и соотносительность, кромѣ, говорю, этой прямой пользы, такія отдѣльныя программы доставятъ еще и ту, хотя косвенную, но, по моему мнѣнію, не менѣе важную выгоду, что онѣ пріучатъ, или по крайней мѣрѣ, заставятъ всѣхъ подчиненныхъ властей дѣйствовать обдуманно и послѣдовательно подъ вліяніемъ общей руководительной мысли. Таково свойство ме́тода, что онъ, какъ бы дѣйствіемъ электрическаго тока, сообщаетъ единство, точность и гармонію тѣмъ частямъ, на которыя простирается его вліяніе. Тогда сила струи, вращающая колесо административной машины, вмѣсто разновременныхъ и неровныхъ толчковъ, нарушающихъ общее равновѣсіе, сообщитъ всѣмъ частямъ механизма плавное и мощное движеніе.

Къ изложеннымъ здѣсь соображеніямъ на счетъ возстановленія духа единства въ государственномъ управленіи, слѣдуетъ присовокупить еще нѣсколько отдѣльныхъ замѣчаній. Независимо отъ тѣхъ свойствъ человѣческаго духа и самого ихъ развитія, съ коими степень совершенства или несовершенства всякаго произведенія нашей умственной дѣятельности находится въ постоянномъ отношеніи прямой соразмѣрности, — успѣхъ умственнаго труда обусловливается еще бо̀льшею или мѐньшею независимостію человѣка отъ такихъ побочныхъ обстоятельствъ, которыя могутъ развлекать или стѣснять дѣятельность его духа. Примѣняя это соображеніе къ кругу государственныхъ занятій, слѣдуетъ заключить, что для обезпеченія успѣха въ ходѣ правительственныхъ дѣлъ, надо заботиться объ устраненіи тѣхъ препятствій, которыя лишаютъ мысль возможности вращаться свободно въ сферѣ закономъ ей указанной. Препятствія сюда относящіяся бываютъ двоякаго рода; одни — нравственныя, другія матеріальныя. Къ числу первыхъ принадлежитъ всякое болѣе или менѣе стѣснительное направленіе преній какого либо совѣщательнаго собранія. Понятно, что подъ вліяніемъ такой цензуры засѣданіе теряетъ свой характеръ совѣщательности и недостигаетъ цѣли, для которой оно созвано; что мнѣнія, будучи сжаты въ извѣстные предѣлы какъ бы предопредѣленнаго рѣшенія, не имѣютъ возможности высказаться какъ бы слѣдовало, ни обнять предложенный вопросъ со всѣхъ сторонъ, и что, наконецъ, предметъ преній, небудучи исчерпанъ и оцѣненъ съ разныхъ точекъ зрѣнія, лишается той зрѣлости обсужденія,

которая представляетъ возможно достовѣрное ручательство въ справедливости приговора.

Къ матеріальнымъ препятствіямъ, затрудняющимъ свободную дѣятельность ума въ кругѣ нашихъ государственныхъ занятій, слѣдуетъ отнести многосложность оффиціальныхъ сношеній и канцелярскихъ обрядовъ. Я уже имѣлъ случай замѣтить, что успѣшный ходъ дѣлъ собственно государственныхъ, добросовѣстное и всестороннее ихъ обсужденіе, бываетъ жертвою другихъ служебныхъ требованій, состоящихъ въ исполненіи множества формальностей, играющихъ важную роль въ настоящемъ дѣлопроизводствѣ, и съ тѣмъ вмѣстѣ отвлекающихъ вниманіе отъ предметовъ болѣе существенныхъ. Отъ сего происходятъ либо замедленія, лишающія какія нибудь мѣры, своевременно задуманныя, но поздно разрѣшенныя, настоящаго ихъ значенія; либо на оборотъ поспѣшность требованія несогласная съ недостаткомъ времени и множествомъ постороннихъ занятій, лишаетъ вопросъ, часто весьма важный, той зрѣлости, которая достигается сосредоточеніемъ полнаго вниманія на подлежащій обсужденію предметъ; либо, наконецъ, дѣла, такъ называемыя, текущія, входящія въ общій кругъ дѣятельности съ дѣлами существенной важности, терпятъ неминуемо проволочку. Это неудобство могло бы быть устранено, независимо отъ упрощенія дѣятельности административныхъ органовъ, еще разграниченіемъ по всѣмъ вѣдомствамъ части обрядной отъ части существенной по скольку такое разграниченіе совмѣстно съ различными родами служебныхъ занятій; такъ чтобы одни

занимались исключительно формальнымъ производствомъ, другіе же собственно существомъ дѣлъ какъ то составленіемъ проэктовъ, разсмотрѣніемъ сихъ проэктовъ путемъ административной критики и, наконецъ, соображеніемъ ближайшихъ мѣръ въ этихъ видахъ установляемыхъ.

Всѣ вышеизложенныя соображенія имѣли цѣлію объяснить, въ чемъ заключался, до сихъ поръ, существенный недостатокъ духовной дѣятельности нашего Правительства, и какими средствами недостатокъ этотъ можетъ быть предотвращенъ. Къ этимъ соображеніямъ, считаю не лишнимъ присоединить одно замѣчаніе неимѣющее, правда, ничего общаго съ предъидущими, но могущее если не ошибаюсь, содѣйствовать въ нѣкоторомъ отношеніи къ болѣе успѣшному ходу дѣлъ. Это замѣчаніе касается разрѣшенія вопросовъ, требующихъ спеціальнаго знанія. Въ тѣхъ случаяхъ, когда предлежитъ верховнымъ совѣщательнымъ огранамъ правительственной власти сужденіе по предметамъ, выходящимъ изъ круга обыкновенной административной дѣятельности, — участь подобныхъ дѣлъ, относительно взгляда на нихъ и оцѣнка настоящаго ихъ значенія, зависитъ отъ двухъ, трехъ членовъ собранія, которымъ такіе предметы хорошо извѣстны; остальные же члены либо вовсе съ ними незнакомы, либо имѣютъ объ нихъ весьма неопредѣленныя понятія. Отъ сего происходитъ то весьма естественное послѣдствіе, что большинство несвѣдущихъ членовъ пристаетъ къ такому или другому мнѣнію не столько по сознательному убѣжденію въ его справедливости, сколько по довѣрію къ лицу,

выразившему свое сужденіе. Съ другой стороны надо замѣтить, что въ обыкновенномъ порядкѣ вещей предметы эти извѣстны нашимъ государственнымъ сановникамъ болѣе лишь со стороны опыта, или лучше сказать съ одной изъ сторонъ опыта, то есть они знаютъ то̀, что дѣлалось, и какъ дѣлалось въ Россіи на ихъ памяти; историческая же и строго критическая сторона имъ рѣдко бываетъ извѣстна, а между тѣмъ такого рода оцѣнка составляетъ необходимое условіе зрѣлаго обсужденія. Эти слова не заключаютъ въ себѣ ни малѣйшаго личнаго упрѐка, но одно повтореніе мнѣнія выраженнаго въ началѣ сего труда: non omnia possumus omnes. Невозможно требовать, что бы наши сановники при обширныхъ служебныхъ трудахъ, коими они обременены, находили еще время для ученыхъ занятій. Къ тому же самый геніальный человѣкъ не въ состояніи обнять всей общности вѣдѣнія и знанія. Достаточно, ежели государственный сановникъ обладаетъ тѣмъ свѣтлымъ умомъ, тѣмъ изощреннымъ духовнымъ зрѣніемъ, которое даетъ вѣрный и широкій взглядъ на общій ходъ дѣлъ, и ежели онъ соединяетъ съ этимъ условіемъ опытъ многолѣтней и дѣятельной службы; бо̀льшаго требовать въ настоящее время нельзя, хотя и слѣдуетъ желать успѣха; но плоды сего успѣха еще впереди . . . . . Какъ бы то ни было все же встрѣчаются довольно часто случаи, въ которыхъ исключительныя познанія по отдѣльнымъ отраслямъ науки могли бы содѣйствовать къ уясненію вопросовъ, возносимыхъ на разсмотрѣніе государственнаго Совѣта или Комитета Министровъ, и слѣдовательно, облегчить и

обезпечить правильное ихъ разрѣшеніе. По этому я полагалъ бы полезнымъ, чтобы правительство требовало въ подобныхъ случаяхъ отзывы людей, которые продолжительною ли опытностію, или же путемъ ученыхъ изслѣдованій особенно свѣдущи въ предметахъ подлежащихъ сужденію, и которые по этому самому могутъ содѣйствовать своими исключительно основательными свѣдѣніями къ уясненію многихъ недоразумѣній. Подобные вопросы можно было бы предлагать съ указаніемъ на тѣ именно стороны дѣла, по которымъ правительство желаетъ имѣть обстоятельныя объясненія*). Мнѣ кажется, что мѣра эта, ни мало не унизительная для достоинства правительства, обнаружила бы напротивъ его похвальную готовность выслушивать мнѣнія людей свѣдущихъ, поощрила бы ученыя занятія, въ развитіи коихъ мы нуждаемся, и сблизивъ такимъ образомъ мудрость правительственную съ непосредственною жизнію и самою наукою, могла бы повести къ существенно-полезнымъ результатамъ.

Повторяю все вышеизложенное въ слѣдующемъ очеркѣ. Всякое государственное управленіе должно быть руководимо началами, основанными на историческихъ преданіяхъ и на современномъ состояніи на-

*) Въ этомъ смыслѣ составленъ конспектъ, розданный при послѣднемъ годичномъ собраніи ИМПЕРАТОРСКОЙ С. Петербургской Академіи наукъ, съ вызовомъ на представленіе историко-статистическихъ изслѣдованій по предмету освобожденія помѣщичьихъ крестьянъ.

Прим. Предполагаемая здѣсь мѣра предусмотрѣна отчасти положительными законами, но врядъ ли наши господа бюрократы пользуются часто сими указаніями. Ср. ст. 15. 18. 19. Общ. Обр. Мин.

рода. Эти начала которыя по самому ихъ происхожденію, я называю коренными, будучи развиты съ надлежащею послѣдовательностію, должны пронизывать всѣ отрасли правительственныхъ распоряженій, дабы во всѣхъ таковыхъ отправленіяхъ административной дѣятельности, соблюдаемо было внутреннее, духовное единство идеи господствующей съ мыслями ей подчиненными. Ближайшій и первоначальный способъ для достиженія желаемаго результата, ведущаго къ осуществленію государственной идеи, долженъ заключаться, какъ я разумѣю, въ программатическомъ предначертаніи плана государственнаго управленія, подъ руководствомъ строго обдуманнаго праивительственнаго метода.

Высказавъ окончатально мою думу по сему предмету, я бы желалъ отстранить отъ себя всякій упрёкъ, и прежде всего упрёкъ, совѣсти въ легкомысленномъ обсужденіи столь важнаго предмета, каково государственное управленіе. Сообразивъ этотъ вопросъ съ разныхъ точекъ зрѣнія, и подвергнувъ мое сужденіе неоднократной и строгой оцѣнкѣ, я не полагаю, чтобы мнѣніе мною выраженное относительно отсутствія духа единства, въ сферѣ административной нашей дѣятельности, было ошибочно. Но я могъ ошибиться на счетъ средствъ къ устраненію подобнаго неудобства. Если такъ, то мнѣ хотѣлось бы, по крайней мѣрѣ, объяснить сколь возможно ближе, какія именно соображенія навели меня на мысль о составленіи правительственнаго плана . . . . Не знаю, суждено ли этимъ запискамъ переступить порогъ моей рабочей келіи или же

пролежать въ ящикѣ письменнаго стола, за которымъ трудился ихъ составитель? Но во всякомъ случаѣ, рѣшившись изложить на письмѣ мои задушевныя убѣжденія, я долженъ скорѣе предвидѣть, что не сего дня, такъ завтра записки мои будутъ прочтены. Поэтому-то я и считаю не лишнимъ дать оправдательный отзывъ на тѣ вопросы или укоризны, которые могутъ быть возбуждены выраженными здѣсь предположеніями. Вотъ категорическое и исповѣдное мое объясненіе.

Указанный недостатокъ есть чисто духовнаго свойства и по этому не подлежитъ тѣмъ безспорно точнымъ, такъ сказать, анатомическимъ доказательствамъ, которыя въ состояніи опредѣлить осязательноясно отъ какого органическаго разстройства происходитъ такой или другой безпорядокъ. Если-бы напримѣръ мы хотѣли дознаться отъ чего у насъ тянутся нескончаемо долго всякаго рода дѣла, и преимущественно судебныя? или, по какой причинѣ въ иныхъ губерніяхъ цѣны на хлѣбъ непомѣрно дороги, тогда какъ въ нѣсколькихъ стахъ верстахъ цѣны эти весьма умѣренны и даже низки? или почему съ 1845 г. число арестантовъ значительно увеличилось? или, отъ чего недоимки по взиманію податей постоянно увеличиваются? и т. д., то по тщательномъ изслѣдованіи сихъ вопросовъ, можно было бы разрѣшить ихъ съ несомнѣнною точностію и съ указаніемъ настоящихъ причинъ, имѣющихъ свое самостоятельное существованіе; причинъ, которыя, такъ сказать, видимы для глазъ, осязательны для рукъ, которыя, однимъ словомъ, имѣютъ значеніе либо историческаго факта, либо

статистическихъ данныхъ, либо математической цифры. Въ подобныхъ случаяхъ, по изысканіи такихъ, быть можетъ и отдаленныхъ или сложныхъ, причинъ, представилась бы возможность опредѣлить съ нѣкоторою достовѣрностію средства прямыя или косвенныя, могущія устранить или предупредить подобныя послѣдствія. Но отсутствіе духа единства въ управленіи есть такого рода недостатокъ, который познается только по внѣшнимъ явленіямъ, и даже не по отдѣльнымъ явленіямъ, а изъ совокупнаго ихъ столкновенія. При соображеніи такихъ явленій, можно только замѣтить какъ бы разладъ въ ходѣ государственныхъ дѣлъ, но сказать опредѣлительно, что такое несоглатіе частей съ цѣлымъ происходитъ отъ неустройства токого-то или такого вѣдомства, или отъ недостатка законоположеній по этой или другой части, сказать это, говорю, нельзя. Подобныя неустройства вѣдомствъ, недостатки, или сбивчивыя избытки законоположеній, составляютъ внѣшнюю, органическую обстановку, и находятся въ прямой зависимости отъ того исключительно духовнаго элемента, который я называю единствомъ въ дѣлѣ управленія. По этому, всѣ косвенныя средства, установляемыя для предупрежденія подобнаго непорядка, какъ напр. ВЫСОЧАЙШЕЕ повелѣніе состоявшееся при покойномъ ГОСУДАРѢ, чтобы Главноуправляющіе отдѣльными частями не входили къ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ со всеподданнѣйшими докладами по предметамъ требующимъ совокупнаго соглашенія, не снесясь предварительно съ начальствами подлежащихъ вѣдомствъ; или правила,

изложенныя въ ст. 176—187 Общ. Обр. Мин. о порядкѣ отчетности; или предполагаемое мною упрощеніе административныхъ органовъ, и самаго дѣлопроизводства; и разграниченіе обрядной части отъ существенной, — суть мѣры, которыя могутъ въ нѣкоторой степени, содѣйствовать установленію лучшаго порядка и облегчить достиженіе желаемой цѣли; но не могутъ служить вѣрнымъ ручательствомъ въ томъ, что ходъ государственнаго управленія будетъ слѣдовать неуклонно по стезѣ свыше ему указанной. Вотъ почему я и полагаю, что единственно надежныя средства для устраненія сего духовнаго недостатка, суть тѣ, которыя, прямо истекая изъ началъ разума, имѣютъ свойство сдерживать сужденіе въ предѣлахъ строгой послѣдовательности, и могутъ, по этому самому, уравновѣсить колеблющееся состояніе правительственнаго духа и, слѣдовательно, подчинить дѣятельность отдѣльныхъ административныхъ органовъ общему направленію согласно волѣ Верховнаго Правителя.

Съ другой стороны, при изысканіи способовъ къ возстановленію духа единства въ дѣлѣ управленія, я долженъ былъ руководствоваться основными началами нашего образа правленія, и не могъ слѣдовательно имѣть въ виду такихъ переобразованій, которыя противны началамъ самодержавія. Упомянутая въ концѣ 1й главы мѣра, о дарованіи большей самостоятельности сословнымъ общинамъ, отнюдь не противорѣчитъ идеѣ неограниченнаго правленія, ибо касается круга дѣятельности каждаго сословія по отношенію къ его отдѣльнымъ

общиннымъ и мѣстнымъ интересамъ. Тогда какъ средства, подобныя гласности преній по дѣламъ, имѣющимъ государственное значеніе;*) участіе въ рѣшеніи сихъ дѣлъ народныхъ представителей, избранныхъ и уполномоченныхъ на то самыми обществами и проч., — суть мѣры, которыя, хотя и могутъ содѣйствовать къ устраненію замѣченныхъ недостатковъ, но по самому своему свойству принадлежатъ къ органическимъ принадлежностямъ конституціоннаго правленія.

Въ слѣдствіе сего, по совокупномъ соображеніи этихъ двухъ обстоятельствъ, я остановилъ мою мысль на составленіи общаго правительственнаго плана и частныхъ административныхъ програмъ, какъ на такихъ мѣрахъ, которыя, не противорѣча началамъ самодержавія, должны служить неоспоримымъ доказательствомъ строгаго развитія государственной идеи, а также опредѣлительнымъ выраженіемъ и постояннымъ, какъ бы настольнымъ, руководствомъ того, что задумано, обдумано и предназначено къ твердому, ненарушимому исполненію.**)

Для человѣка непосвященнаго въ сокровенныя тайны государственнаго управленія, трудно судить и догадываться существуютъ ли въ высшей административной сферѣ нѣкоторыя предначертанныя

---

*) Здѣсь не разумѣется гласность судопроизводства.

**) Разумѣется, что такимъ программатическимъ предначертаніямъ правительственной дѣятельности подлежитъ преобладающее большинство дѣлъ, слѣдующихъ обыкновенному, нормальному порядку, а не тѣ рѣдкіе и непредвидѣнные случаи, которые требуютъ скорѣе быстроту исполненія, чѣмъ зрѣлую обдуманность.

предположенія относительно общаго направленія государственной дѣятельности къ извѣстнымъ цѣлямъ, или нѣтъ? Если подобныя предположенія и существуютъ, то сомнительно, чтобы они были составлены въ томъ категорическомъ порядкѣ, въ той постепенной соотносительности частей цѣлаго, и подъ вліяніемъ той совокупной оцѣнки, которые должны обезпечить успѣхъ дѣла. Выраженная здѣсь мысль не нова. Слѣды ея находятся еще въ установленіи Преторскихъ Эдиктовъ въ коихъ Преторы, предъ вступленіемъ въ должность, излагали правила, которыми они намѣревались руководствоваться въ дѣлахъ ихъ вѣдомству подлежавшихъ. Въ настоящее время, мы видимъ нѣчто подобное въ тронныхъ рѣчахъ Королей Англійскихъ предъ открытіемъ парламента. Я говорю нѣчто подобное, ибо рѣчи эти, хотя и имѣютъ цѣлію опредѣленіе главныхъ задачь современнаго управленія, но въ большинствѣ случаевъ они бываютъ довольно голословны*), и не отвѣчаютъ условіямъ строгаго программатическаго изложенія. Другое существенное отличіе между тронными рѣчами и предположенными программами заключается въ томъ, что первыя выражаютъ собою какъ бы огласительныя намѣренія правительства на счетъ предстоящихъ ему занятій, и принадлежатъ къ одному изъ формальныхъ требованій конституціоннаго правленія. Тогда какъ вторыя, не будучи

*) Истинный и болѣе обстоятельный смыслъ этихъ рѣчей всегда, впрочемъ, извѣстенъ лицамъ, стоящимъ у кормила Правленія. Ср. H. Jouffroy — Constitution de l'Angleterre. Leipsic. Paris 1843 p. 101.

отнюдь сопряжены съ мыслію объ огласкѣ правительственныхъ предположеній, должны имѣть цѣлію: облегчить обзоръ важнѣйшихъ государственныхъ вопросовъ въ данное время; содѣйствовать къ дружному и цѣлеобразному сотрудничеству отдѣльныхъ вѣдомствъ въ дѣлѣ совокупнаго управленія; способствоватъ къ пріисканію и своевременному введенію мѣръ подготовительныхъ, которыя должны предшествовать будущимъ переобразованіямъ; установитъ возможное единство и соотносительность въ разнообразномъ множествѣ явленій, составляющихъ предметъ административной дѣятельности, и предотвратить нѣкоторыя несообразности въ распоряженіяхъ правительства соблюденіемъ той осмотрительности, которую выражаетъ русская поговорка десять разъ отмѣрь, и одинъ разъ отрѣжь.*)

Подъ вліяніемъ такого порядка, дѣйствія правительства должны пріобрѣсти ту степень всесторонней обдуманности и съ послѣдовательностію развитой опредѣлительности, которая составляетъ неотъемлемое условіе прочнаго управленія.

---

*) Въ нѣкоторомъ отношеніи, и въ общемъ смыслѣ предначертанія правительственнаго плана, можетъ служить примѣромъ знаменитый наказъ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II. который, какъ выраженіе МОНАРШЕЙ мысли насчетъ всего государственнаго управленія останется конечно безсмертнымъ памятникомъ великаго ума и мудрыхъ намѣреній ИМПЕРАТРИЦЫ. Если это замѣчательное твореніе и неприносло ожидаемой пользы, то это произошло собственно потому, что оно было предназначено въ руководство такому собранію, члены коего не были въ состояніи не только исполнить задуманныхъ государынею предположеній, но и понять даже смысла ея наставленій.

Gouverner — c'est prévoir, сказалъ одинъ публицистъ. Не случай долженъ руководить правительство въ установляемыхъ имъ мѣрахъ, а мѣры предварительно соображенныя, должны предупреждать предвидѣнный случай. Въ этомъ-то образѣ дѣйствія и выражается та мудрая самостоятельность, которая свидѣтельствуетъ о зрѣломъ самосознаніи и полномъ владычествѣ правительственной мысли.

Наконецъ слѣдуетъ замѣтить, что чѣмъ многоразличнѣе и сложнѣе дѣло, тѣмъ болѣе становится ощутительною необходимость строгаго, методическаго плана, для того, чтобы ослѣпительное разнообразіе фактовъ и явленій могло быть по возможности сведено въ крупные итоги, долженствующіе служить основными пунктами государственнаго управленія. При содѣйствіи руководительной нити мѐтода — нити, направляющей умъ по безчисленнымъ изгибамъ административнаго лабиринта, сужденіе не подвергается опасенію заблудится въ окольныхъ дорогахъ; но, обозначивъ главнѣйшія точки, на кои должна быть предпочтительно направлена его дѣятельность, оно можетъ подняться орлинымъ взмахомъ на ту высоту, съ которой обозрѣвается однимъ взглядомъ обширное его поприще.

И такъ предначертаніе общаго плана всего государственнаго управленія и развитіе такихъ коренныхъ положеній въ частныя правительственныя программы по отдѣльнымъ отраслямъ управленія составляютъ, если не ошибаюсь, единственно надежную мѣру, которая въ состояніи, не измѣняя основныхъ началъ самодержавія, установить возможное единство и послѣдовательность въ образѣ

дѣйствій русскаго правительства. Почему такія предначертанія названы общимъ планомъ и частными программами, не требуетъ, кажется, дальнѣйшаго объясненія. Можно было бы, разумѣется, назвать ихъ иначе, какъ напр. особенными журналами Комитета Министровъ по общему государственному управленію, тайными проэктами, инструкціями, наставленіями по общимъ государственнымъ вопросамъ и частнымъ предметамъ завѣдыванія отдѣльныхъ вѣдомствъ. Можно было бы, пожалуй, и во все отказаться отъ мысли составленія сихъ предначертаній, еслибъ только при существующемъ нынѣ въ Россіи порядкѣ вещей, громадность правительственнаго труда могла быть обнята, проникнута и сдержана въ единствѣ силою соображенія, постоянно развлекаемаго калейдоскопнымъ движеніемъ безконечно разнообразныхъ явленій. Словомъ названіе составляетъ здѣсь послѣднее условіе. Дѣло должно заключаться въ дѣлѣ, а не въ словахъ. Но доколѣ этого дѣла, этой послѣдовательности въ дѣлѣ не будетъ, — нельзя ожидать и порядка.

ПРИБАВЛЕНІЕ КЪ ГЛАВѢ II.

Не обычайная ревность, которую обнаруживаетъ нынѣ Русское правительство къ улучшенію государственнаго и народнаго быта опережаетъ, такъ сказать, своею быстротою, мысль посторонняго наблюдателя. Съ того времени, какъ окончено составленіе сихъ записокъ, наша правительственная дѣятельность ознаменовалась многими весьма замѣчательными распоряженіями, которымъ суждено занять важное мѣсто въ исторіи русской государственной политики.

Сюда относятся пріуготовительныя мѣры, предшествующія освобожденію помѣщичьихъ крестьянъ. Нельзя однако не пожалѣть, что этотъ важный переворотъ не былъ заранѣе подготовленъ такими распоряженіями, которыя, какъ напр. распространеніе народнаго образованія, улучшеніе личнаго состава чиновниковъ, исправленіе главнѣйшихъ отдѣловъ законодательства, — не касаясь прямо вопроса объ уничтоженіи крѣпостнаго состоянія, должны тѣмъ неменѣе служить сему дѣлу сущест-

венною и непремѣнною основою. Надо впрочемъ быть справедливымъ и согласиться, что въ настоящее время другаго исхода не предстояло, какъ разрубить гордіевъ узелъ однимъ ударомъ. Время было упущено прежде и уже нѣкогда было думать о предварительномъ установленіи такой и другой мѣры.

Къ числу нововведеній, обязанныхъ своимъ происхожденіемъ МОНАРШЕЙ попечительности ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА IIго, слѣдуетъ отнести равнымъ образомъ установленіе, обѣщающее множество полезныхъ результатовъ, — а именно вновь учрежденный порядокъ личныхъ всеподданнѣйшихъ докладовъ въ совокупномъ присутствіи членовъ Комитета Министровъ.

Наконецъ, не говоря о многихъ другихъ улучшеніяхъ въ недавнемъ времени послѣдовало довольно значительное уменьшеніе подати съ золотаго промысла; а между тѣмъ правительство усердно заботится о переобразованіи винноткупной системы, объ улучшеніи законодательной части на прочныхъ началахъ и т. д. Словомъ все это свидѣтельствуетъ какъ о полномъ сознаніи правительства на счетъ существующихъ недостатковъ, такъ и о ревностной его заботливости къ совершенному ихъ устраненію.

ГЛАВА III.

НЕДОСТАТКИ НРАВСТВЕННЫЕ.

„Пускай ты вѣренъ назначенью.
Но легче ль родинѣ твоей,
Гдѣ каждый преданъ поклоненью
Единой личности своей?
Наперечетъ сердца благія,
Которымъ родина свята.
Гогъ — помочь имъ! . . . а остальные?
Ихъ цѣль мелка, ихъ жизнь пуста.“

Некрасовъ.

Довѣріе народа къ правительству основывается съ одной стороны на правомѣрности и постоянствѣ законовъ, съ другой же стороны на точности и добросовѣстности ихъ исполненія. По этому какъ бы законы хороши ни были, но если правильное ихъ примѣненіе подвержено случайности, если чувство справедливости подавлено произволомъ, если исполнитель закона ругается надъ его святостію и обращаетъ его въ орудіе своекорыстныхъ видовъ, то нѣтъ сомнѣнія, что народъ теряетъ всякое довѣріе къ предписаніямъ правительства и къ самому правительству; а такъ какъ это чувство есть единственно надежная связь,

сдерживающая всѣ составныя части государственнаго зданія, то разрѣшеніе вопроса прочно ли это зданіе, или нѣтъ? зависитъ отъ степени нравственности служебныхъ лицъ. Не будемъ смѣшивать довѣрія народа съ чувствомъ его преданности къ Верховному Правителю; это послѣднее чувство есть влеченіе слѣпое, безсознательное, часто вовсе независящее отъ личныхъ свойствъ МОНАРХА, но соблюдаемое свято преданіемъ, и сопровождающее обыкновенно дѣтскій возрастъ народа; довѣріе же есть послѣдствіе сознательнаго убѣжденія въ достоинствѣ правительства, увѣренность въ томъ, что оно ограждаетъ личныя и имущественныя права всѣхъ членовъ общества и способствуетъ къ ихъ матеріальному и нравственному развитію. Народъ можетъ быть исполненъ преданности къ Верховному Правителю и не имѣть при томъ довѣрія къ предуставленному имъ правительству; обратнаго заключенія вывести нельзя. По мѣрѣ развитія народнаго сознанія, инстинктивный порывъ дѣтской, неопредѣленной любви замѣняется постепенно оцѣнкою правительственныхъ дѣйствій; народъ начинаетъ мыслить. Нормою его сужденія на счетъ достоинства правительства служатъ прежде всего тѣ исполнители закона, съ которыми онъ находится въ частыхъ и непосредственныхъ столкновеніяхъ. Если лица сіи исполняютъ свои обязанности честно и прямодушно, довѣріе народа къ правительству ростетъ и крѣпнетъ; въ противномъ случаѣ оно потрясается съ каждымъ безчестнымъ поступкомъ все болѣе и болѣе, и угрожаетъ наконецъ разразиться въ преступномъ покушеніи на разрывъ священнаго государственнаго

союза. Въ первомъ случаѣ должностныя лица служатъ проводниками духовной связи, и благотворными посредниками велѣній МОНАРХА и нуждъ его подданныхъ; въ послѣднемъ же, они искажаютъ волю ГОСУДАРЯ предъ народомъ, и заглушаютъ голосъ подданныхъ, не дозволяя ему проникнуть въ чертоги Вѣнценосца.

Важность сихъ вѣковыхъ аксіомъ внутренней государственной политики, обратило уже съ давнихъ поръ вниманіе нашего правительства на необходимость возвысить нравственность чиновнаго класса путемъ воспитанія. Однако, не взирая на всѣ усилія, цѣль эта далеко еще не достигнута.

Правительство наше, чувствуя необходимость привлечь къ служебной дѣятельности людей образованныхъ, постановило въ пользу сихъ лицъ особенныя преимущества относительно чинопроизводства, и на этомъ основаніи раздѣлило весь составъ чиновниковъ на 3 разряда по воспитанію.*) Эта мѣра, сама по себѣ, не безполезна; жаль только, что частыя исключенія или отступленія ослабляютъ ея дѣйствіе. Русскій законъ такъ гибокъ, что и въ этомъ случаѣ онъ преклоняется передъ обстоятельствами. Сколько разъ бываетъ, что чиновникъ не принадлежащій по воспитанію къ 1му разряду, если онъ одаренъ бойкостію, ловкостію и нѣкоторымъ нахальствомъ, да при помощи этихъ отрицательныхъ достоинствъ, которыя такъ часто имѣютъ видъ положительныхъ, успѣлъ вкрасться

---

*) Эта часть написана до изданія новыхъ правилъ о срокахъ для производства въ чины отъ 14го до 5го класса.

въ довѣріе мощнаго начальника, шагаетъ скорѣе многихъ скромныхъ тружениковъ, обгоняетъ ихъ вопреки смыслу закона подъ предлогомъ особыхъ отличій и достигаетъ значительной должности, оправдывая пословицу: „не родись уменъ, но родись счастливъ.“ По этому быстрота чинопроизводства зависитъ на самомъ дѣлѣ столько же отъ предписанія Устава о службѣ, сколько и отъ случая. Мнѣ возразятъ, что подобныя исключенія такъ рѣдки, что объ нихъ и упоминать не стоитъ. Положимъ такъ, хотя я и не совсѣмъ съ этимъ согласенъ. Но все таки, достаточно нѣсколько подобныхъ примѣровъ для возбужденія нѣкотораго сомнѣнія на счетъ великихъ преимуществъ, составляющихъ якобы исключительное достояніе чиновниковъ 1го. разряда. Во всякомъ случаѣ не въ этомъ еще заключается вся несостоятельность выше упомянутой мѣры.

Главное зло коренится въ непрочности самаго воспитанія. Болѣе подробное разсмотрѣніе сего предмета, изложено будетъ въ своемъ мѣстѣ. Здѣсь мы замѣтимъ только, что наше учащееся юношество привыкло смотрѣть на науку только какъ на средство. Образованіе ума не составляетъ еще у насъ духовной потребности, охота къ ученію не возвысилась до благороднаго стремленія къ обогащенію себя полезными свѣдѣніями, къ познанію святой истины. Нѣтъ, за всей этой учебной и ученой обстановкой виднѣется другая приманка, возбуждающая все рвеніе, сосредоточивающая все вниманіе молодаго человѣка. Эта приманка, преслѣдуемая съ первыхъ азовъ какъ еще отдаленный,

но тѣмъ не менѣе милый призракъ — есть чинъ и сопряженныя съ нимъ выгоды. Этимъ-то объясняется торопливость нашей молодежи окончить учебное поприще и запастись столькими свѣдѣніями, сколько нужно для того, чтобы сдать выпускной экзаменъ. Вотъ одна изъ причинъ поверхностности и шаткости образованія русскаго юношества. Что скоровыучивается, скоро и забывается.

Кромѣ того серьёзное стремленіе къ наукѣ не встрѣчаетъ живаго отголоска ни на службѣ, ни въ самомъ обществѣ. Напротивъ того, сказать по правдѣ, такое положительное направленіе у насъ не терпится, оно-де пахнетъ ученымъ педантизмомъ и къ дѣлу не ведетъ Истинно образованный и ученный человѣкъ есть отщепенецъ, который рѣдко гдѣ найдетъ радушный пріемъ. Обыкновенно же на него смотрятъ искоса и съ нѣкоторымъ предубѣжденіемъ. Будь прежде всего хорошимъ формалистомъ, бойкимъ докладчикомъ и писакой, главное не запинайся и не заглядывай въ глубь, — и ты прослывешъ дѣльцомъ; присовокупи къ этимъ доблестямъ немного пронырливости; привыкни жертвовать собственными убѣжденіями, отрѣкаться отъ задушевныхъ вѣрованій; умѣй подлаживаться къ образу мыслей начальника, поклонись ему лишній разъ, и если онъ не имѣетъ особенной причины тебя не жаловать, если участіе твое въ службѣ не загораживаетъ пути другому, третьему сослуживцу, пользующемуся исключительнымъ покровительствомъ, — то карьера твоя упрочена. Вотъ внутреній голосъ, указывающій молодому чиновнику путь который можетъ его повести къ служебному

Парнассу. Значитъ положительныя условія прочнаго образованія находятся у насъ въ разладѣ во 1хъ, съ требованіями служебной дѣятельности, т. е. съ тѣми формально практическими пріёмами, которыя составляютъ душу нашего дѣлопроизводства; во 2хъ съ духомъ нашей бюрократіи т. е. съ нравственною атмосферою, наполняющею наши присутственныя мѣста; и въ 3хъ съ современнымъ состояніемъ русскаго общества. Возьмемъ для примѣра случай встрѣчающійся зачастую. Представимъ себѣ молодаго человѣка довольно успѣшно окончившаго курсъ наукъ и мечтающаго быть полезнымъ на служебномъ поприщѣ по тѣмъ понятіямъ, которыя онъ вынесъ изъ святилища наукъ.

Находясь подъ впечатлѣніемъ еще свѣжихъ воспоминаній о множествѣ историческихъ и теоретическихъ свѣдѣній, не совсѣмъ то переваренныхъ и не съ надлежащимъ порядкомъ уложившихся въ мозговомъ его вмѣстилищѣ, — юный питомецъ науки ласкаетъ себя надеждою, что ему на первыхъ же порахъ представится случай примѣнить, хотя отчасти, знанія свои къ самому дѣлу. Ему кажется, что между нимъ и тѣми изъ будущихъ его сослуживцевъ, которые не изучали слушанныхъ имъ на лекціяхъ премудростей, должна существовать нѣкоторая разница. Онъ видитъ въ себѣ сочлена новаго поколѣнія, призваннаго попечительнымъ правительствомъ къ великому дѣлу переобразованія гражданскаго чиновничества. Мысль эта лелѣетъ его благородное честолюбіе отличиться передъ неучеными его товарищами. Каково же его разачаро-

ванье, когда онъ начинаетъ постигать, что его учили почти всему, за исключеніемъ именно того, что требуется при поступленіи на службу, и что весь запасъ ученыхъ свѣдѣній, хаотически перемѣшанныхъ въ его головѣ, не имѣетъ почти никакого примѣненія къ дѣйствительности, развѣ въ весьма отдаленной и столь же неопредѣленной будущности. Вотъ какимъ образомъ пробуждается это сознаніе. Смотря по должности предназначенной новичку — чиновнику, ему поручаются различнаго рода дѣла: текущія и нетекущія, имѣющія движеніе, и обреченныя продолжительному застою, срочныя и несрочныя, то же всякаго рода журналы и реэстры докладные, настольные, алфавитные, регистратурные, входящіе, исходящіе и проч. и проч. Онъ смотритъ на все это съ такимъ вопросительнымъ недоумѣніемъ, съ какимъ человѣкъ не свѣдущій въ механикѣ смотритъ на какую нибудь сложную машину, — и не знаетъ какъ приступить къ дѣлу. Ему даютъ кое-какія указанія, но онѣ его не удовлетворяютъ. Онъ и хотѣлъ бы пораспросить подробнѣе, какъ что дѣлается; а между тѣмъ иногда бываетъ совѣстно обнаружить свое незнаніе въ такомъ дѣлѣ, которое доступно всякому неучу. Послѣ нѣкотораго размышленія, онъ рѣшается, либо приступить къ дѣлу, не спросясь броду, и слѣдовательно подвергнуть себя случайности сдѣлать оплошность, либо спросить наставленіе у своихъ старшихъ сослуживцевъ. — Хорошо ежели ему удастся натикнуться на добраго человѣка; но вѣдь случаи эти довольно рѣдки, а обыкновенно господа рутинисты радуются, когда имъ предстоитъ

возможность обличить несостоятельность послѣдняго представителя современной науки, которую они или вовсе не извѣдали, или давно забыли, — что выходитъ на одно. Желаемыя наставленія, положимъ, сообщаются; но къ нимъ примѣшивается такая аттическая соль сарказма, что пожалуй отобьетъ охоту обращаться въ другой разъ за подобными справками. Но вотъ, кажись, представляется молодому чиновнику случай употребить къ дѣлу и нѣсколько возвышенный взглядъ, плодъ ученаго образованія, и нѣкоторое искуство пера, болѣе или менѣе упражнявшагося въ изложеніи разсужденій и диссертацій въ области науки. Ему поручаютъ написать бумагу, по содержанію своему выходящую немного изъ обычной колеи. Онъ съ жаромъ, или по крайней мѣрѣ съ особеннымъ усердіемъ, принимается за дѣло. Въ иныхъ случаяхъ онъ поставляетъ себѣ въ обязанность не ограничиваться тѣми сухими матеріалами, которые ему переданы начальствомъ, но заимствуетъ другія свѣдѣнія, къ пособію которыхъ онъ собственно прибѣгать не обязанъ. И что же? иной разъ подобный трудъ дѣйствительно одобренъ, и начальникъ пускаетъ его въ ходъ, но выдаетъ за свое собственное произведеніе, тогда какъ настоящій составитель остается въ безъизвѣстности. Бывали даже и такіе примѣры что начальникъ, испытавъ новобранца, и убѣдившись въ его способностяхъ, не давалъ ему хода собственно для того, чтобы не лишиться дѣльнаго помощника, и выѣзжая на немъ такимъ образомъ, пользовался и чинами и орденами и прочими наградами. Но вотъ другаго рода случай; положимъ, что порученный

для составленія трудъ, хотя, быть можетъ и не вполнѣ соотвѣтствующій требованіямъ службы, но тѣмъ не менѣе обдуманно, старательно и добросовѣстно составленный, трудъ, въ которомъ выражено все желаніе выказать способности составителя, признанъ никуда не годнымъ. Хорошо еще, если онъ ему возвращенъ просто съ помарками и переправками безъ оскорбительныхъ замѣчаній; хорошо, ежели бумага негодится только потому, что она не заключаетъ въ себѣ тѣхъ выраженій, не начинается или не оканчивается именно тѣми словами, которыя имѣлъ въ виду начальникъ, или же которыя онъ привыкъ видѣть на своемъ мѣстѣ; хорошо, если начальникъ, руководимый пользою неопытнаго чиновника, объяснитъ ему въ урокъ на будущее время, почему трудъ его не годенъ или не удовлетворителенъ. Но что̀ если, вмѣсто попечительнаго наставленія, подчиненный долженъ вытерпѣть колкія и даже грубыя замѣчанія; если его упрекаютъ именно тѣмъ, что составляло сущность его приготовленія къ службѣ — наукою, если ему стараются разъяснить, что она безполезна, что надо забыть ее, отрѣчься отъ ея истинъ; что настоящая его наука должна ограничиться входящими, исходящими, настольными и прочими реестрами, журналами и всякаго рода формальными бумагами. Такіе добрые совѣты два, три раза высказанные достаточны для произведенія желаемой перемѣны. Но горе тому молодому чиновнику, который, не ставъ еще твердою ногою на служебномъ поприщѣ, продолжаетъ заниматься учеными и литтературными трудами, тогда какъ при ограниченномъ жалованьѣ,

получаемомъ на службѣ, эти занятія доставляютъ, во многихъ случаяхъ, честное средство къ существованію самого труженика и его семейства. Узнай объ этомъ начальникъ, да онъ его закидаетъ упреками при первой, самой незначительной, промашкѣ; и всему виною наука:

„Ученіе-вотъ чума, ученость-вотъ причина.“ Молодой человѣкъ, сознавая свою несостоятельность въ обрядной рутинѣ, играющей въ служебныхъ занятіяхъ важнѣйшую роль, удостовѣряясь нерѣдко и въ томъ, что тщательная работа не всегда бываетъ совмѣстна съ служебными нашими требованіями, состоящими преимущественно въ точномъ исполненіи формальностей; что при всемъ его прилежаніи онъ находится почти въ невозможности ни исполнить всѣ возложенныя на него обязанности, ни доказать предъ высшимъ Начальствомъ, отъ котораго зависитъ его участь, что онъ сколько нибудь способенъ къ занятіямъ болѣе дѣльнымъ, чѣмъ тѣ, которые составляютъ обиходный кругъ канцелярской рутины; испытывая между тѣмъ разныя придирки, несправедливости и оскорбленія, онъ начинаетъ чувствовать разочарованіе на счетъ служебнаго своего поприща. Онъ видитъ, что дѣйствительность не соотвѣтствуетъ его юношескимъ мечтамъ. Не привыкшему къ борьбѣ съ жизнію ему бываетъ сначала скучно, грустно, тяжко.

Настаетъ минута колебанія, недоумѣнія. Онъ вопрошаетъ мнѣніе свѣта, — тотъ же отвѣтъ: наука безполезна, если не имѣетъ матеріальнаго достоинства, — обогащенія кармана. Время и привычка довершаютъ побѣду надъ слабою, незана-

ленною въ мужественномъ убѣжденіи природою. Порывъ пылкаго юношескаго рвенія хладѣетъ и замѣняется постепенно обычною, почти механическою дѣятельностію. Живой интересъ къ дѣлу изсѣкаетъ, онъ теряется либо въ свѣтской суетности, либо въ служебныхъ формальностяхъ отравляющихъ охоту къ такимъ занятіямъ, которыя требуютъ бодрость и свѣжесть духа. Прекрасныя способности, благія намѣренія увядаютъ за неимѣніемъ пищи. Мысль притупленная рутиною потухаетъ, настаетъ духовная мертвенность, человѣкъ становится машиною. А за порогомъ служебнаго мѣста его ожидаютъ свѣтскія развлеченія, среди коихъ онъ ищетъ отдохновенія отъ бюрократическихъ занятій. Тутъ онъ находитъ на первомъ мѣстѣ карты, необходимые собесѣдники русскаго общества; пустословіе съ непремѣнною примѣсью злословія, безъ котораго разговоръ, чтобъ быть заманчивымъ, существовать не можетъ; трактирныя сходки и прочія общественныя увеселенія, оставляющія пустоту въ душѣ, головѣ и карманѣ, и между тѣмъ столь сильно, деспотически и обворожительно опутывающія все существованіе большей части русскаго общества. Пока молодой человѣкъ свыкается такимъ образомъ съ этими двумя сферами своей дѣятельности, — службою и свѣтскимъ омутомъ и свыкнувшись слюбляется съ этою жизнію, — а неумолимое время уноситъ невозвратно досуги, проведенные въ бездѣльи, и въ замѣнъ этой невознаградимой потери приноситъ постепенное ослабленіе силъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ убійственное равнодушіе къ занятіямъ требующимъ живато уча-

стія. Достигнувъ этого окончательнаго результата умственнаго старчества, человѣкъ становится неспособнымъ къ прогрессу. Современность его еще значится въ формулярномъ спискѣ и визитной карточкѣ; но мысль его перестала развиваться; а тамъ, гдѣ нѣтъ развитія, настаетъ постепенное разрушеніе. Словомъ, человѣкъ отжилъ самодѣятельно и прозябаетъ по привычкѣ. — Одни лишь помыслы честолюбія, или другія какія нибудь выгоды съ службою сопряженныя, могутъ, при случаѣ вызвать его къ дѣятельности, пробудить усыпленную въ немъ энергію мысли. Но эти проблески жизни уже не имѣютъ ни свѣжести, ни достоинства живой струи, истекающей изъ самороднаго источника. Будучи вызвана изъ-внѣ обстоятельствами случайными, дѣятельность человѣка подлаживается къ этимъ внѣшнимъ явленіямъ и не живетъ собственною жизнію. Человѣкъ служитъ уже не для общаго, а для своего блага, онъ поклоняется не истинѣ, а личному разсчету . . . .

Такой прискорбный исходъ, такой по видимому неожиданный переломъ въ жизни человѣка, свойственъ преимущественно нашему современному полуобразованному поколѣнію Предвкусивъ въ поверхностномъ изученіи первыя начатки наукъ, требующихъ и продолжительнѣйшаго времени, и большей зрѣлости ума для совершеннаго, сознательнаго ихъ уразумѣнія, пріобрѣтя энциклопедическія понятія обо всемъ, и не изучивъ основательно ни одного предмета, — наши молодые люди какъ говорится отстали отъ одного берега, не приставъ къ другому: они утратили первобытную простоту мысли, не

познавъ, не исчерпавъ, сколько нужно безпредѣльную область науки, схваченной ими по верхамъ. Присно живый глаголъ божественнаго откровенія весьма часто находится по ихъ шаткимъ понятіямъ, какъ бы въ нѣкоторомъ противорѣчіи съ проповѣдью академической каѳедры. Сознаніе ихъ, потерявшее дѣтскую воспріимчивость къ указаніямъ внутренняго голоса совѣсти, и не достигшее полнаго самодѣятельнаго развитія путемъ науки, колеблется и двоится: вмѣсто одной, ему виднѣются двѣ истины. Такой расколъ въ духовной природѣ человѣка, расколъ, пораждающій колебаніе въ вѣрованіяхъ и убѣжденіяхъ, нарушающій равновѣсіе между чувствомъ безсознательно воспріятымъ съ самой колыбели, и мыслію не вполнѣ выработавшеюся въ горнилѣ самосознанія, пробуждаетъ то туманное состояніе духа, то настроеніе къ сомнѣнію и отрицанію, которое, не видя положительнаго исхода въ неопредѣленности своего стремленія, рождаетъ духовно-болѣзненное расположеніе, нравственный маразмъ, выражающійся въ преждевременной постылости и равнодушіи. Подъ вліяніемъ сего психическаго недуга поощряемаго въ своемъ развитіи столкновеніемъ съ свѣтскою и закулисною жизнію нашего общества, гдѣ все суетно и тщеславно, гдѣ рѣдко, рѣдко слышится живое, къ истинѣ и жизни возбуждающее, слово, — подъ вліяніемъ, говорю, этаго недуга, человѣкъ дѣлается неспособнымъ къ простымъ и чистымъ ощущеніямъ; всякая неудача и самыя мелочныя непріятности его раздражаютъ, озлобляютъ, горизонтъ его житейскаго поприща съ ранней поры заваливается и

темнѣетъ; человѣкъ теряетъ охоту къ чисто духовной дѣятельности, испытываетъ муки разочарованія и старается заглушить гнетущую его тоску въ однихъ внѣшнихъ удовольствіяхъ.

Какая разница между этими полуобразованными умниками и тѣми представителями прежняго поколѣнія, которые, въ замѣнъ научнаго образованія, невыпавшаго на ихъ долю, въ замѣнъ наружнаго блеска ума, коимъ хвалится наше поколѣніе, сохранили простоту вѣрованія, чистоту мысли, теплоту души. Конечно, не всѣ люди стараго вѣка заслуживаютъ уваженія, - пороки и недостатки свойственны всѣмъ временамъ; но я разумѣю тѣхъ добрыхъ старичковъ, которые скромно доживаютъ свой вѣкъ, съ любовію вспоминая о прошедшемъ, добродушно созерцая настоящее, и съ неукоризненною совѣстію ожидая замогильную будущность. Изъ этаго противупоставленія не слѣдуетъ однако же заключать, что наука безполезна или даже вредна. Напротивъ, основательное ея изученіе, согласное съ требованіями раціональнаго воспитанія, должно повести насъ къ тому зрѣлому возрасту нравственнаго развитія, до котораго мы далеко еще не достигли, отставъ покамѣстъ отъ простодушнаго, дѣтскаго быта. Находясь въ критическомъ состояніи перехода отъ одного возраста къ другому, мы нуждаемся въ руководствѣ искуснаго воспитателя Настоящее образованіе пробудило въ насъ только нѣкоторое сознаніе, но не привело насъ къ самосознанію; оно положило начало развитію мысли, но не выработало её окончательно; оно обнаружило предъ нами наши собственныя средства, показало къ чему мы спо-

собны, породило въ насъ самонадѣянность, но не пріучило насъ къ разумному примѣненію юныхъ силъ и способностей такъ часто истрачиваемыхъ по пустому, и изнемогающихъ въ борьбѣ съ неудачею или затрудненіемъ, когда суровый опытъ, срывая завѣсу мечты, удостовѣряетъ насъ, что мы признавали за существенную дѣйствительность то, что заключаетъ въ себѣ только зародышъ возможнаго; настоящее образованіе пробудило въ насъ нѣкоторую дѣятельность, но не опредѣлило ея направленія, — мы рвемся впередъ, и не видимъ исхода этому стремленію, а потому такъ часто останавливаемся на половинѣ дороги, незная куда направить путь, за что̀ приняться. Остановить это стремленіе нельзя; направить его къ полезной цѣли можно и должно. Но объ этомъ рѣчь еще впереди.

Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что потребность приготовленія людей къ службѣ и еще болѣе потребность призванія къ различнымъ должностямъ лицъ, которыя посвятили себя исключительному изученію тѣхъ или другихъ предметовъ, входящихъ въ сферу занятій съ сими должностями сопряженныхъ, не выразилась еще у насъ опредѣлительно. Въ службѣ, какъ и въ наукѣ царствуетъ на Руси нѣкоторый дилетантизмъ. Невѣжественная самонадѣянность, плодъ поверхностнаго образованія и поощреніе сего чувства правительствомъ, служатъ значительнымъ препятствіемъ успѣху. Сколько видимъ мы у себя подобныхъ примѣровъ, что человѣкъ, который, какъ выражались Римляне: „primoribus labris gustavit rem.“ (окраинами устъ прикоснувшійся къ дѣлу), судитъ и рядитъ, очертя голову, обо всемъ, и счи-

таетъ себя способнымъ къ занятію чуть ли не всѣхъ государственныхъ должностей. И какъ часто такая самонадѣянность находитъ оправданіе въ назначеніи людей, почти вовсе не приготовленныхъ, къ занятію мѣстъ, требующихъ ближайшаго ознакомленія съ извѣстными отраслями знанія *). Что же выходитъ? что лица получающія подобныя назначенія, прочитавъ нѣсколько сотъ статей свода законовъ, да пробѣжавъ кое какія дѣла до новой ихъ должности относящіяся, думаютъ, что они проглотили всю премудрость, извѣдали всю суть дѣла; остальное придетъ дискать само собою, — опытъ научитъ. Такія утѣшительныя убѣжденія находятъ важную подпору въ русскомъ авось. Дѣйствительно въ этомъ словѣ заключается какая то магическая сила, творящая великія чудеса во многихъ случаяхъ, но подъ часъ вредящая важнымъ государственнымъ интересамъ. Не будь у насъ авось, мы, вѣроятно удержали бы Севастополь, а съ нимъ и самостоятельность Россіи. Но, „что съ возу упало, то пропало;“ „кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ.“ Еще въ военномъ дѣлѣ, гдѣ рѣчь идетъ о взятіи ватагою отважныхъ удальцевъ какого нибудь редута, авось можетъ быть допущено. Но въ гражданскомъ управленіи оно соотвѣтствуетъ коекакству и какнибудству, о которыхъ одинъ изъ бывшихъ нашихъ сановниковъ говаривалъ, что эти два слова заключаютъ въ себѣ одно изъ величайшихъ золъ Россіи. Понятно что молодое поко-

*) Подобныя назначенія оправдываютъ совершенно руоскую поговорку: вчера Макаръ гряды копалъ, нынче Макаръ въ воеводы попалъ.

лѣніе служителей отечества, видя въ подобныхъ назначеніяхъ несоотвѣтствующихъ личнымъ способностямъ назначаемыхъ нѣкоторое презрѣніе къ наукѣ и истинному образованію, считаетъ лишнимъ трудомъ тщательное изученіе той или другой отрасли государственной администраціи и предпочитаетъ утопить свободное отъ занятій время въ удовольствіяхъ свѣта. Конечно бываютъ между нашими должностными лицами, какъ и между неслужащими, люди обладающіе большими познаніями, но какъ мало людей истинно образованныхъ. Это именно то, что я называю дилетантизмомъ въ наукѣ: огромный запасъ свѣдѣній, пріобрѣтенныхъ начитанностію, а не настоящимъ изученіемъ. Различіе между тѣмъ и другимъ состоитъ во первыхъ въ томъ, что начитанностію собираются познанія болѣе врозь (à batons rompus), — сего дня объ одномъ предметѣ, завтра о другомъ, и притомъ усвояемыя свѣдѣнія принимаются какъ бы на вѣру, авторитетомъ постороннимъ. Основательное же изученіе предполагаетъ непремѣнно строгую послѣдовательность въ самомъ чтеніи и участіе собственныхъ изслѣдованій, сопровождаемыхъ критическою повѣркою посторонняго авторитета. Первый способъ изученія возможенъ при умѣ поверхностномъ, второй поверхностности не терпитъ. У начитаннаго, и именно въ слѣдствіе большой начитанности безъ должной связи, проявляется нерѣдко въ мысляхъ анархія; у основательно образованнаго, мысли подчинены стройному порядку, доказывающему, что у него царь въ головѣ.

Перейдемъ къ другому предмету. Стремленіе

къ чину, о которомъ говорено выше, есть только одинъ изъ наружныхъ признаковъ болѣе существеннаго и глубоко вкоренившагося общественнаго недуга, который состоитъ въ недостатнѣ сознанія личнаго достоинства и уваженія сего достоинства въ другихъ. Вотъ, гдѣ таится главная причина нашей нравственной порчи. Человѣкъ, который не уважаетъ самого себя, который не сознаетъ, что онъ, какъ выразился одинъ нѣмецкій писатель", носитъ на своемъ челѣ печать живаго Бога," не можетъ ни понять своихъ обязанностей, ни слѣдовательно имѣть должнаго уваженія къ другимъ. Этотъ нравственный недостатокъ, или лучше сказать, это нравственное зло происходитъ съ одной стороны въ слѣдствіе совершенной невѣжественности огромной массы нашего народонаселенія, лишенной всякаго развитія, и въ слѣдствіе искуственности и непрочности образованія тѣхъ сословій, на которыхъ распространяется дѣйствіе просвѣщенія. Первые, не имѣя даже основныхъ понятій объ исповѣдуемой вѣрѣ, прозябаютъ въ какомъ-то полускотскомъ состояніи и переносятъ съ такимъ же раболѣпнымъ смиреніемъ всѣ обиды и притѣсненія своихъ старшихъ по относительному положенію собратій, какъ будто это такъ должно быть: привычка и давность замѣняютъ въ этихъ случаяхъ понятія правственности и гражданскаго закона. За то если русскій простолюдинъ оперится, да попадетъ, какъ говорится, въ люди, тогда онъ въ свою очередь начнетъ притѣснять слабаго своего собрата и перещеголяетъ непремѣнно всякаго полупросвѣщеннаго умника. Подобные примѣры встрѣ-

чаются на каждомъ шагу. Инаго впрочемъ исхода и быть не можетъ; это въ порядкѣ вещей. Обратимся къ другой половинѣ нашего общества, къ такъ называемымъ образованнымъ сословіямъ. Отъ чего здѣсь, подъ благотворнымъ по видимому вліяніемъ лучей просвѣщенія, чувство нравственнаго достоинства остается не развитымъ. Отъ того что съ самого первоначальнаго воспитанія насъ пріучаютъ обращать особенное вниманіе на внѣшнія достоинства, на то, что называется свѣтскими приличіями. Отъ того, что насъ учатъ болѣе казаться достойными, чѣмъ быть таковыми. Отъ того, что воспитаніе наше имѣетъ почти исключительнымъ предметомъ образованіе наружнаго человѣка, а не внутреннихъ его качествъ. Отъ того, наконецъ, что исходная цѣль общественнаго воспитанія направлена къ достиженію внѣшнихъ отличій. Вмѣсто того, чтобы внушать ребенку тѣ правила, которыя уравновѣшиваютъ поведеніе человѣка во всѣхъ столкновеніяхъ съ людьми, и пріучать его постепенно быть разумно-равнымъ себѣ самому, какъ на единѣ, такъ и въ обществѣ, — ребенку говорятъ: „веди себя въ гостяхъ прилично; не забывай, что ты не дома“ (какъ будто дома можно вести себя неприлично); или, „поклонись такому-то господину по ниже, шаркни передъ нимъ хорошенько ножкой, вѣдь онъ важный сановникъ; посмотри какіе у него густые эполеты, какіе на немъ ордена; вотъ, если ты будешь хорошо учиться, да будешь на службѣ стараться угождать своимъ начальникамъ, такъ и ты выслужишь такія почести и передъ тобою будутъ тоже кланяться.“ Такія и подобныя симъ

наставленія натверживаются у насъ дѣтямъ какъ только въ нихъ проявляется первое развитіе умственныхъ способностей. Въ учебныхъ же нашихъ заведеніяхъ, гдѣ образовывается не личность такого или другаго воспитанника, а дается уже чисто формальное направленіе школьной массѣ, тамъ не до наставленій, лишь бы общая физіономія воспитанниковъ соотвѣтствовала извѣстнымъ условіямъ хорошаго поведенія. Тамъ все движется по формѣ: и развитіе ума, и образованіе сердца. Естественнаго саморазвитія нѣтъ, и быть не можетъ. Здѣсь надо умѣть не много и похитрить и полукавить, привычка же эта пріобрѣтается довольно легко. Главная задача пріобрѣсти при выпускѣ обѣщанный чинъ; а чтобы получить этотъ патентъ на значеніе гражданина, и ключъ къ дальнѣйшимъ повышеніямъ, надо удовлетворить почти неисполнимымъ по ограниченному времени требованіямъ безконечно обширныхъ программъ. Слѣдовательно безъ хитростей и плутней, или того же авось, о которомъ уже говорено, обойтиться нельзя: дѣлай какъ знаешь. Значитъ исходное стремленіе нашего образованія, которое само по себѣ вполнѣ непрочно, состоитъ все таки въ пріобрѣтеніи внѣшнихъ отличій. Такимъ образомъ, усвоенная съ ранняго возраста привычка стараться преимущественно о томъ, чтобы выказать себя передъ другими въ лучшемъ видѣ и пріобрѣсти наружныя признаки достоинства, обращается у насъ какъ бы въ постоянное руководительное правило, которое, отстраняя вниманіе отъ существенныхъ условій внутренняго достоинства, возбуждаетъ суетность, тщеславіе и лицемѣріе.

Развивая въ себѣ самомъ подобныя чувства, человѣкъ соразмѣряетъ весьма естественно и значеніе другихъ людей тѣмъ же мѣриломъ. Вотъ почему сознаніе личнаго достоинства и признаніе его въ другихъ не достигло и не могло достигнуть въ Россіи законной самостоятельности. Вотъ почему уваженіе къ человѣческой природѣ и къ значенію гражданина, замѣняются у насъ поклоненіемъ передъ правомъ сильнаго и передъ внѣшними аттрибутами сего права. Вотъ почему юридическія начала личнаго права — и самыя его принадлежности, — das Mein und Dein, — уважаются на Руси сообразно тому, на чьей сторонѣ перевѣсъ права сильнаго. Вотъ почему, наконецъ, самая основа гражданскаго нашего быта шатка, гнила и не надежна; ибо тамъ, гдѣ нѣтъ уваженія къ достоинству человѣка, не можетъ существовать и уваженія къ святости закона. Коренясь въ религіозно-нравственномъ чувствѣ, понятіе о личномъ достоинствѣ человѣка получаетъ ближайшее развитіе въ правѣ, которое имѣетъ по стольку значеніе положительное, т. е. какъ возможность пользоваться извѣстною свободою поступковъ, по скольку оно совмѣщаетъ въ себѣ противудѣйствіе, ограничивающее сію свободу сферою правъ другимъ лицамъ предоставленныхъ; и это ограниченіе правъ, извѣстному лицу принадлежащихъ, его неправомъ, или правомъ другаго, именуется обязанностію. Правомѣрное распредѣленіе сихъ двухъ началъ всякаго права, составляетъ первое достоинство хорошаго законодательства; строгое же соблюденіе сего внутренняго политическаго равновѣсія, свидѣтельствуетъ о благоустрой-

ствѣ государственнаго управленія и общественной нравственности. Въ противномъ случаѣ право, и самое о немъ понятіе въ народномъ сознаніи, можетъ обратиться въ исключительное преимущество особенно привилигированныхъ сословій, или даже отдѣльныхъ лицъ, которыя будутъ имъ пользоваться въ ущербъ правъ другихъ сословій или лицъ, какъ бы обязательно имъ подвластныхъ. Вотъ въ этомъ то и заключается одно изъ величайшихъ нашихъ золъ. Понятія о правѣ и обязанности находятся въ Россіи въ какомъ то обособленномъ, разрозненномъ другъ къ другу отношеніи, и это сознательное или безсознательное отступленіе отъ естественнаго порядка, ведетъ съ одной стороны къ произволу и насилію, съ другой къ униженію и притѣсненію. Отсюда происходитъ та постепенность злоупотребленія власти и порабощенія достоинства человѣка, которая, начиная съ легкихъ оттѣнковъ, доходитъ до крайняго предѣла беззаконія. Если вообразишь что въ нашемъ частномъ быту прочно одно право сильнаго, питаемое грубою лестью, потворствомъ, лицепріятіемъ; что на каждомъ шагу попадаются люди, которые ради корыстныхъ расчетовъ, ради проклятаго злата, бывшаго виною распятія Богочеловѣка, позорно распинаютъ себя и другихъ, клятвопреступно измѣняютъ своему долгу, чести, совѣсти; что выгоды казны и права частныхъ лицъ продаются всюду, такъ сказать, съ публичнаго торга тому, кто предложитъ большее вознагражденіе; что двоедушіе, подкупность и кривосудіе впились въ душу, срослись съ существомъ нашего чиновнаго быта;

что на Руси существуютъ изверги, для которыхъ нѣтъ ничего священнаго, которые неспособны чувствовать ни малѣйшаго состраданія, ни даже вопля мученія истязаемыхъ ими жертвъ*); если, говорю, вообразишь себѣ всѣ эти беззаконія, подмывающія наше общество, то по словамъ Виргилія, невольно столбенѣешъ, волосы становятся дыбомъ и голосъ ужаса замираетъ въ гортанѣ.**)

Если къ этимъ грустнымъ образамъ современной дѣйствительности, къ этому отвратительному, и

---

*) Здѣсь прямо разумѣются пытки, которыя по сіе время у насъ существуютъ.

**) Съ того времени, какъ окончено изложеніе этихъ записокъ правительство наше приступило къ одному изъ тѣхъ замѣчательныхъ переобразованій, которыя по необычайной своей важности и огромному вліянію на народный бытъ, составляютъ въ ряду многихъ столѣтій, рѣдкія эпохи въ исторіи государства; я разумѣю — освобожденіе помѣщичьихъ крестьянъ. Какъ ревностный поклонникъ правды, права и справедливости, я не могу не желать, чтобы милліоны сочленовъ гражданскаго общества, къ которому я принадлежу, пріобрѣли посредствомъ закона писаннаго тѣ права, которыя принадлежатъ человѣку по закону естественному. Но искренно сочувствуя благодѣтельнымъ видамъ правительства, я нахожу только, что дарованіе свободы помѣщичьему крестьянину не принесетъ желаемой пользы, доколѣ достоинство человѣка и его права не будутъ уважаемы. Не забудемъ, что и права тѣхъ лицъ, которыя принадлежатъ къ высшимъ слоямъ общества столь же непрочны, и что соблюденіе ихъ зависитъ болѣе отъ внѣшнихъ условій, — мощнаго ли вліянія знатнаго барина, матеріальной ли силы солдатскаго кулака, денежныхъ ли средствъ какого нибудь ростовщика, нажившагося на чужой счетъ, — чѣмъ отъ степени законности и чувства справедливости . . . . Дай Богъ, чтобы великій подвигъ МОНАРХА увѣнчанъ былъ полнымъ успѣхомъ. Но что касается до нынѣшняго порядка

съ тѣмъ вмѣстѣ прискорбному, зрѣлищу, — прикрываемому наружнымъ формализмомъ, рутиною бездарно убивающею мертвенностію буквы и проблески мысли, и благородныя движенія души; если, говорю, къ этому чувственному созерцанію того, что глазъ видитъ и ухо слышитъ, присовокупить то соображеніе, что мѣры правительства направленныя къ искорененію сихъ гнетущихъ общество пороковъ оказываются безсильными, — то ~~ср~~ сердце естественно наполняется грустію, а въ головѣ пробуждаются вопросы: до чего доведутъ эти безначалія, долго ли они будутъ терпимы, какія будутъ приняты мѣры для огражденія общества отъ разрушительнаго дѣйствія духовной порчи? и проч. и проч. Если бъ можно было поручиться за стойкость нашего новаго образованнаго поколѣнія, то эта увѣренность озарила бы по крайней мѣрѣ свѣтлымъ, утѣшительнымъ лучемъ надежды грядущую будущность. Но, видя почти ежедневно какъ люди, по нашимъ современнымъ понятіямъ, достаточно образованные, и

вещей, то я твердо убѣжденъ, что одно дарованіе свободы крѣпостному состоянію, безъ кореннаго улучшенія нравственнаго быта нашихъ должностныхъ лицъ, будетъ лишь жалкая пародія сего священнаго права и не удовлетворитъ понятію личной самостоятельности. Многіе того мнѣнія, что цѣль эта будетъ достигнута, когда изступленная противъ притѣснителей чернь, почуявъ свободу, перевѣшаетъ и перерѣжетъ сотню другую помѣщиковъ и подъячихъ. Да развѣ это остановитъ нравственное растлѣніе, излечитъ зло, пустившее вѣковые корни во всѣ слои общества? Сомнѣваюсь; одно быть можетъ всеобщее возстаніе, чего Боже сохрани, могло бы произвести такую перемѣну, да и то лишь на время террора. Нѣтъ, безъ раціональныхъ мѣръ улучшенія, успѣха ожидать нельзя.

не чуждые благородства души, свыкаются со зломъ подъ двойнымъ вліяніемъ того, что они встрѣчаютъ въ служебной дѣятельности и въ столкновеніяхъ съ обществомъ, то невольно усумнишься въ возможности радикальнаго улучшенія. Какое горестное чувство овладѣваетъ человѣкомъ, когда онъ видитъ своего собрата увлекаемаго по немногу, и какъ бы противъ собственной его воли въ эту бездонную пучину, въ эту харидбу свѣтскаго омута ноей притягательному дѣйствію онъ не въ силахъ противустоять. Какъ тяжко быть свидѣтелемъ того зрѣлища, когда дурныя наклонности одна за другой воровски подкрадываются къ человѣку, постепенно имъ овладѣваютъ, подмывая храмъ Духа Святаго, наполненнаго благихъ надеждъ, чистыхъ вѣрованій, благородныхъ чувствъ, но увы! созданнаго на пескѣ! Смотришь и не вѣрится глазамъ. Да полно тотъ ли это человѣкъ, который за нѣсколько лѣтъ предъ симъ въ кичливомъ самообольщеніи гордо высился надъ толпою, твердя во всеуслышаніе: odi profanum vulgus et arceo!*) и вотъ тотъ же самый человѣкъ преклонилъ выю предъ этой толпой, смѣшался съ нею, побратался и слюбился съ ея обвѣтшалыми пороками. Онъ не выдержалъ жизненной пытки, не устоялъ въ неровной борьбѣ, для испытанія которой потребно всеоружіе вѣры и истины; онъ палъ, и смирился предъ гнетущею силою обстоятельствъ. Голосъ его ослабъ на порицаніе порока и на проповѣдь добра; рвеніе

---

*) Теленую черпь отвергаю съ презрѣньемъ" . . . .
Оды Кв. Горація Флакка. Перев. А. Фета.

потухло, мысль поблѣднѣла, измишурилась, воля сломилась; — знать „своя рубашка ближе къ тѣлу“, и, чтобы сохранить ее, человѣкъ жертвуетъ самыми убѣжденіями, отрѣкается отъ прежней готовности на самоотверженіе, и подъ конецъ, либо принимаетъ прямое участіе въ томъ, что нѣкогда клеймилъ и бичевалъ благороднымъ негодованіемъ, либо раболѣпно молчитъ, и этою преступною уступкою поощряетъ порокъ, покровительствуетъ его размноженію.

Изобразивъ въ бѣгломъ очеркѣ современный характеръ чиновнаго класса въ Россіи, я имѣлъ въ виду не столько обнаружить жалкую сторону пороковъ, свойственныхъ той части сего сословія, которая лишена почти всякого образованія, сколько объяснить, что мѣры доселѣ предпринятыя для улучшенія личнаго состава служащихъ оказываются большею частію недостаточными, безсильными; что главная причина несостоятельности сихъ средствъ заключается въ непрочности образованія; что выпускаемые изъ нашихъ учебныхъ заведеній молодые люди, не пріобрѣтя надлежащей степени умственнаго развитія, и далеко не достигнувъ нравственной зрѣлости, которая есть плодъ основательнаго образованія, теряютъ въ большинствѣ случаевъ живое сочувствіе къ дѣлу, становятся либо тупоумными рутинистами, либо, легкомысленными верхоглядами; что, столь же часто они свыкаются

съ безнравственными поступками своихъ сослуживцевъ старой школы, то потворствуя ихъ незаконнымъ дѣйствіямъ, то принимая подъ конецъ непосредственное участіе въ подобныхъ злоупотребленіяхъ; что число достойныхъ своего назначенія людей во всякомъ случаѣ недостаточно для успѣшнаго противодѣйствія массѣ, зараженной глубоко-вкоренившимися пороками; что за вычетомъ не многихъ утѣшительныхъ исключеній, окончательный итогъ обнаруживаетъ прискорбный характеръ неуваженія къ достоинству человѣка и къ святости закона; что, наконецъ, это безотрадное явленіе, свидѣтельствующее о недостатиѣ прочной нравственной основы, замѣчается не въ одномъ чиновномъ сословіи, но составляетъ одно изъ неутѣшительныхъ свойствъ всего русскаго общества.

Если заключенія эти не ошибочны; если изложенныя въ своемъ мѣстѣ соображенія, представляющія въ сжатомъ видѣ то, что существуетъ на самомъ дѣлѣ въ огромныхъ размѣрахъ, достаточны для удостовѣренія въ несостоятельности предпринятыхъ доселѣ мѣръ улучшенія, то слѣдуетъ согласиться и въ настоятельной необходимости такихъ средствъ, которыя совокупнымъ своимъ участіемъ имѣли бы въ виду: 1. перерожденіе не только одного служебнаго сословія, но и всего гражданскаго общества, снабжающаго государство служителями отечества, и 2. установленіе мѣръ предупредительныхъ, которыя, охватывая все существованіе чиновника, слѣдя за его служебною дѣятельностію, сдерживали бы его въ границахъ закономъ предписанныхъ. Здѣсь, какъ и во всѣхъ важныхъ вопро-

сахъ полумѣры недостаточны; они соотвѣтствуютъ пальятивному, а не радикальному леченію.

Признавая всю необходимость обезпеченія чиновниковъ достаточнымъ содержаніемъ, строгаго преслѣдованія злоупотребленій должностныхъ лицъ и поощренія служебнаго поприща какъ такихъ условій, отъ соблюденія коихъ зависитъ улучшеніе личнаго состава служащихъ, — нельзя несогласиться, что главное средство должно состоять въ распространеніи истиннаго образованія, которое воспитывая человѣка, облагороживая его духовную природу, развивая въ немъ понятія о настоящемъ его значеніи, — увеличиваетъ мѣру внутренняго, положительнаго достоинства, и по этому представляетъ вѣрнѣйшее ручательство въ успѣхѣ сего дѣла. Дайте человѣку всевозможныя преимущества, преслѣдуйте его пороки съ неумолимою строгостію, улучшеніе его нравственности все таки останется непрочно, пока оно будетъ зависѣть отъ однихъ этихъ внѣшнихъ условій. Лучшимъ доказательствомъ тому служатъ тѣ неоспоримые факты, которые свидѣтельствуютъ, что люди вполнѣ обезпеченные достаточнымъ содержаніемъ, или же строго караемые судомъ, берутъ взятки, крадутъ, лихоимствуютъ, притѣсняютъ слабыхъ и беззащитныхъ, торгуютъ совѣстію и т. д., какъ только представляется къ тому удобный случай. Смотря на изслѣдываемый здѣсь предметъ съ этой точки зрѣнія, я раздѣляю средства, представляющія ручательство въ исправленіи нашего служебнаго сословія на двѣ существенныя категоріи: на средства главныя и вспомогательныя. Къ первымъ

относится воспитаніе и приготовленіе къ служебному поприщу служителей государства; ко вторымъ: обезпеченіе участи чиновника, преслѣдованіе злоупотребленій, и поощреніе гражданской службы. О первыхъ, т. е. главныхъ средствахъ будетъ сказано во II. части сихъ записокъ значитъ намъ остается разсмотрѣть мѣры вспомогательныя.

1. Обезпеченіе участи чиновниковъ есть одно изъ необходимыхъ условій, отъ которыхъ зависитъ возможность нравственнаго улучшенія служащихъ. Правительство тогда только можетъ требовать отъ служебныхъ лицъ точнаго и добросовѣстнаго исполненія возложенныхъ на нихъ обязанностей, когда, съ своей стороны, оно доставляетъ симъ лицамъ всѣ необходимыя на то средства. Содержаніе русскаго чиновника, будучи въ огромномъ большинствѣ случаевъ болѣе чѣмъ ограничено, служитъ зачастую главною причиною взяточничества. Понятно, что человѣкъ который получаетъ на службѣ жалованье, не только несоотвѣтствующее самымъ необходимымъ для существованія издержкамъ, но обрекающее его, за неимѣніемъ никакихъ другихъ средствъ къ пропитанію себя и семьи, совершенному нищенству, понятно говорю, что человѣкъ этотъ при недостаткѣ нравственнаго образованія, при томъ соблазнѣ, который разставляетъ ему сѣти на каждомъ шагу, волею или неволею прибѣгаетъ къ незаконнымъ поборамъ. Въ этомъ порабощеніи пороку, какъ и во всякомъ другомъ, существуетъ обыкновенно извѣстная постепенность. Сначала чиновникъ ограничивается принятіемъ подарковъ почти добровольно ему предлагаемыхъ подъ

разными благовидными и какъ бы извинительными предлогами, потомъ онъ самъ уже выражаетъ косвеннымъ образомъ свои требованія, и наконецъ взыскиваетъ ихъ настойчиво; не щадя средствъ къ достиженію своей цѣли, онъ уже явно и нагло торгуетъ закономъ и совѣстію. Извѣстно, что жалованье нашихъ чиновниковъ всегда было весьма ограничено, что со времени установленія нынѣ существующихъ штатовъ, нѣкоторые были измѣнены и возвышены въ незначительномъ размѣрѣ, по особенному, такъ сказать случайному ходатайству, и что эти отдѣльные случаи въ смыслѣ государственной мѣры, и еще болѣе въ смыслѣ понятія о справедливости, имѣютъ значеніе исключительныхъ привилегій. По этому общая норма содержанія, получаемаго на службѣ, сохранилась въ размѣрахъ установленныхъ въ былыя времена, когда не существовало ни нынѣшней дороговизны, ни переложенія денежной единицы на серебро, утроившаго, если не учетверившаго масштабъ всѣхъ нашихъ расходовъ. Нѣкоторые штаты остались безъ измѣненія, если не ошибаюсь, со временъ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II. а и тѣ которые утверждены впослѣдствіи, сохранили прежній размѣръ и при переложеніи счетоводства на серебро, такъ, что получавшій сто рублей ассигнаціями, получаетъ теперь 28 р. $57\frac{5}{8}$ к. сер. Такимъ образомъ переложеніе жалованья на серебро не соотвѣтствуетъ дѣйствительному повышенію цѣнности, происходящему въ слѣдствіе сей финансовой мѣры и безпрестанно возрастающей цѣнности предметовъ. Значитъ настоящій порядокъ вещей предста-

вляетъ для неимущаго чиновника одно изъ двухъ золъ: или онъ служитъ честно, но борится съ крайнею нуждою, умираетъ въ нищетѣ и оставляетъ послѣ себя семейство нищихъ; или же онъ прельщается взятками, распространяетъ эту нравственную порчу и оставляетъ по смерти преступный примѣръ такъ часто подражаемый. Дилемма не допускающая другаго исхода кромѣ кореннаго переобразованія.

Говоря объ обезпеченіи участи чиновника необходимо присовокупить слѣдующее: Усиленныя занятія, коимъ обречены у насъ почти всѣ безъ исключенія должностныя лица, разрушаютъ преждевременно физическія ихъ силы, а съ тѣмъ вмѣстѣ, разумѣется притупляютъ и умственныя способности. Утомленный безпрерывнымъ трудомъ, подверженый съ раннихъ лѣтъ разнымъ болѣзненнымъ припадкамъ, въ слѣдствіе сидячей жизни въ спертой атмосферѣ, чиновникъ теряетъ и охоту къ занятіямъ, и ту свѣжесть, бодрость духа, которыя поддерживаютъ рвеніе и обусловливаютъ успѣхъ дѣла. „Mens sana in corpore sano," здравый умъ въ здоровомъ тѣлѣ, говаривали Римляне. Справедливость этой поговорки обратилась какъ бы въ аксіому и неоспоримый аргументъ въ пользу необходимости поддержанія силъ физическихъ для сохраненія духовной дѣятельности; а для достиженія сей цѣли другаго средства не предстоитъ, какъ временное отдохновеніе отъ занятій и преумущественно въ лѣтнюю пору. Значитъ прекращеніе служебныхъ трудовъ хотя на 6ть недѣль каникулярнаго времени, принесло бы во многихъ отношеніяхъ несомнѣнную

пользу какъ сословію служащихъ, такъ и самому правительству, которое, доставляя чиновнику возможность отдохнуть отъ продолжительныхъ занятій, и запастись свѣжими силами для предстоящей ему дѣятельности, имѣло бы полное право требовать и бо́льшаго прилежанія со стороны служебнаго лица, и лучшаго успѣха въ ходѣ самаго дѣлопроизводства. Конечно, существуютъ присутственныя мѣста, въ коихъ отправленіе служебныхъ обязанностей не терпитъ остановки; но и тамъ, я полагаю, была бы возможность распредѣлить на каникулярное время занятія въ томъ видѣ, чтобы всѣ чиновники могли поочередно воспользоваться нѣкоторымъ отдыхомъ. Къ сему не излишнимъ считаю присовокупить, что упоминаемая здѣсь мѣра, какъ и многія другія, предполагаетъ упрощеніе дѣятельности административныхъ ограновъ, и, слѣдовательно, сокращеніе дѣлопроизводства.

2. Преслѣдованіе злоупотребленій подало поводъ, въ, теченіи послѣднихъ 15. лѣтъ, двумъ особенно замѣчательнымъ мѣрамъ, изъ коихъ одна имѣетъ характеръ временной повѣрки дѣйствій служебныхъ лицъ, другая же установлена въ видѣ постояннаго правила. Подъ первою разумѣется ревизія присутственныхъ мѣстъ; мѣра и прежде существовавшая и понынѣ употребляемая, но особенно усиленная въ сороковыхъ годахъ. Сюда относятся ревизіи цѣлыхъ губерній уполномоченными на то Сенаторами. Главная польза сихъ ревизій заключалась чуть ли не въ томъ, что онѣ познакомили Сенаторовъ и состоящихъ при нихъ чиновниковъ съ многоразличными отраслями управленія и мѣстными особен-

ностями. Тѣ же сотни чиновниковъ, которые въ слѣдствіе сего удалены были отъ должностей, уступили только мѣста свои другимъ достойнымъ ихъ преемникамъ, такъ что если бы назначены были новыя ревизіи, то вѣроятно, пришлось бы отрѣшить отъ службы такое же число нерадивыхъ и подкупныхъ лицъ. А между тѣмъ какое огромное дѣлопроизводство возбудила эта мѣра; какихъ она стоила издержекъ, сколько изведено одной бумаги, сколько употреблено на это времени. Но всего прискорбнѣе то, что нѣкоторыя должностныя лица, явно изобличенныя въ самыхъ сильныхъ злоупотребленіяхъ, не взирая на очевидность обвиненія, нашли пути къ оправданію и заняли впослѣдствіи мѣста, которыя они могли бы получить только въ награду за особенныя отличія. Второе важное средство преслѣдованія недостойныхъ чиновниковъ заключается въ предоставленномъ правѣ начальникамъ, отъ коихъ въ общемъ порядкѣ зависитъ увольненіе отъ должностей, удалять отъ службы, по собственному усмотрѣнію и во всякое время, чиновниковъ либо не способныхъ, либо не благонадежныхъ, либо виновныхъ въ такихъ поступкахъ, которые не могутъ быть доказаны фактически; причемъ преграждена таковымъ чиновникамъ всякая возможность жаловаться на подобныя распоряженія начальства, или просить суда. Нѣтъ сомнѣнія, что мѣра эта установлена съ тою цѣлію, дабы каждое начальство имѣло возможность увольнять отъ должностей лицъ неудовлетворяющихъ по какимъ бы то ни было причинамъ требованіямъ службы, не прибѣгая для того къ судебнымъ рѣшеніямъ, которыя зави-

сятъ отъ людей въ свою очередь неблагонадежныхъ и сопряжены притомъ съ продолжительнымъ производствомъ, такъ какъ у насъ теченіе дѣлъ измѣряется не недѣлями и не мѣсяцами, а годами и десятками лѣтъ. Въ сущности же мѣра эта предполагаетъ въ начальникѣ такую степень справедливости, которая врядъ ли найдется во многихъ. Кромѣ того, этотъ законъ сравнивая чиновника, заподозрѣннаго въ подкупности, подлогѣ или другомъ какомъ преступленіи, фактически недоказанномъ, съ чиновникомъ просто почему бы то нибыло неспособнымъ, ставитъ ихъ на одну доску; и тогда какъ чиновникъ признанный неспособнымъ, впрочемъ быть можетъ и весьма честный, лишается насущнаго хлѣба, чиновникъ неблагонадежный и тертый вынырнетъ гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ, и окажетъ новые подвиги своекорыстія. Наконецъ въ самомъ истолкованіи сего постановленія такъ много тягучести, что завися вполнѣ отъ произвола начальника, оно можетъ съ одной стороны унизить довѣріе и уваженіе къ правительственнымъ лицамъ, съ другой же стороны ослабить вліяніе уголовныхъ законовъ и ограничить ихъ примѣненіе къ дѣламъ сего рода тѣми только случаями, которые начальникъ не въ состояніи скрыть предъ правительствомъ.

Соображая этотъ вопросъ съ юридической точки зрѣнія, нельзя не согласиться что успѣшное преслѣдованіе злоупотребленій должностныхъ лицъ должно быть сопряжено съ дѣйствіемъ уголовнаго суда, который, карая порокъ, удовлетворяетъ общему чувству справедливаго возмездія, и съ тѣмъ вмѣстѣ имѣетъ въ виду предупрежденіе подобнаго престу-

пленія на будущее время угрозою неизбѣжнаго наказанія.*) Но для того, чтобы эта мѣра была вполнѣ дѣйствительна, она должна заключать въ себѣ въ этихъ случаяхъ, какъ и въ общей сферѣ сужденія преступной дѣятельности, три неотъемлемыя свойства: справедливость, возможную быстроту и неумолимую строгость рѣшенія. Считаю излишнимъ повторять здѣсь то, что сказано въ I. главѣ сего труда о многочисленности нашихъ судебныхъ инстанцій, и о происходящей отъ сего проволочкѣ дѣлъ. Мнѣ остается присовокупить, что преслѣдованіе злоупотребленій по должности достигло бы, несомнѣнно, еще бо́льшей пользы, если бы оно могло быть сопровождаемо нѣкоторою гласностію, какъ въ самомъ производствѣ дѣла, такъ и во всеобщемъ опубликованіи преступныхъ дѣйствій, дабы всѣ вѣдали, что человѣкъ, унижающій достоинство правительства, разрушающій должное къ нему довѣріе въ общественномъ мнѣніи, привлеченъ къ отвѣту, присужденъ къ наказанію и, такъ сказать, выставленъ на позорную доску. Вообще нельзя не замѣтить, что гласность судопроизводства есть великій двигатель въ дѣлѣ улучшенія и общественной нравственности, и самой

---

*) Замѣчу при этомъ, что со введеніемъ прочныхъ началъ образованія и столь же прочныхъ условій для опредѣленія на службу, случаи неспособности, или негодности къ службѣ будутъ съ каждымъ годомъ уменьшаться, и тогда предоставленное нынѣ начальникамъ право произвольнаго отрѣшенія чиновниковъ безъ дальнѣйшихъ объясненій, окажется уже совершенно безполезнымъ ибо останется сужденіе однихъ преступныхъ поступковъ, которые равнымъ образомъ должны будутъ уменьшиться въ значительномъ размѣрѣ.

судебной администраціи. — „Одна только гласность можетъ исцѣлить насъ отъ гнусныхъ пороковъ лжи, обмана и взяточничества, и отъ обычая зажимать ротъ и доносить, что все благополучно.“*) Опасаясь увлечься этимъ любопытнымъ вопросомъ, оставляю его безъ развитія, и перехожу къ

3. Поощренію гражданской службы. Подъ поощреніемъ здѣсь разумѣется то участіе, принимаемое правительствомъ и общественнымъ мнѣніемъ въ занятіяхъ и быту чиновника, которое возвышаетъ въ глазахъ сего послѣдняго важность его призванія и значеніе ожидаемыхъ отъ него заслугъ. Это постороннее вниманіе, оказываемое къ служителю закона, способствуетъ къ развитію и поддержанію того достоинства, о которомъ говорено выше и увеличиваетъ мѣру благотворнаго впечатлѣнія, смотря по степени нравственнаго вліянія лица, которое удостоиваетъ благосклоннымъ взглядомъ служебную дѣятельность чиновника и самый ходъ гражданскаго управленія. Невзирая на нѣкоторыя несомнѣнныя преимущества, коими пользовалась у насъ до сихъ поръ гражданская служба, поприще это, — говоря относительно, — было во многихъ другихъ отношеніяхъ предметомъ, если не явнаго презрѣнія, то равносильнаго сему, и въ сущности довольно оскорбительнаго невниманія; я говорю относительно, противопоставляя гражданской службѣ, службу военную. Здѣсь надо раз-

---

*) Въ этихъ мѣткихъ словахъ В. Даля, гласность имѣетъ обширное значеніе, и неограничивается одною гласностію судопроизводства.

личать существенныя выгоды, доставляемыя службою, отъ нравственнаго значенія, или вліянія, получаемаго одною изъ служебныхъ отраслей въ слѣдствіе вниманія ей оказываемаго Верховною властію. Многіе ограничиваясь соображеніями перваго рода, утверждаютъ, что преимущества находятся на сторонѣ гражданской службы. Врядъ ли такое мнѣніе основательно. Разсмотримъ этотъ вопросъ въ настоящемъ его видѣ, устранивъ отъ себя всякое сколько нибудь пристрастное сужденіе. Согласимся прежде всего въ томъ, что право на ускоренное чинопроизводство, коимъ пользовались до 1856 г. лица гражданскаго вѣдомства, принадлежавшія къ 1му по воспитанію разряду, имѣло значеніе преимущества, и весьма важнаго. Согласимся и въ томъ, что если лучшіе воспитанники Александровскаго лицея и Училища Правовѣдѣнія пользуются при выпускѣ правомъ на 9. классъ, для полученія коего, по Университету, надо пріобрѣсти степень Магистра (что очень не легко), — то преимущество это есть несправедливость какъ въ смыслѣ относительномъ, такъ и въ смыслѣ положительномъ. За тѣмъ, ограничивая оцѣнку правомѣрности или неправомѣрности бывшаго чинопроизводства по сокращеннымъ срокамъ въ общихъ предѣлахъ 1го разряда по воспитанію, (ибо чиновники другихъ разрядовъ не имѣли предпочтенія предъ своими военными сверстниками), принимая, слѣдовательно, за норму сравненія крайній предѣлъ преимуществъ гражданской службы, — которыя въ настоящее время уже не существуютъ, — взглянемъ безпристрастно на относительную дѣятельность служеб-

наго сословія обоихъ вѣдомствъ. Оставимъ въ сторонѣ соображеніе, что умственный трудъ всегда цѣнится и вознаграждается болѣе труда физическаго. Не будемъ разсуждать въ какой мѣрѣ велика или незначительна польза, доставляемая государству гражданскими чиновниками; обстоятельство, которое не всегда зависитъ отъ усердія человѣка. Примемъ въ разсчетъ одни матеріальныя усилія, и обратимъ вниманіе на то, что гражданскій чиновникъ, заваленный занятіями зарытый въ бумагахъ, работаетъ какъ волъ цѣлое утро въ спертомъ, удушливомъ воздухѣ, и кромѣ того принужденъ весьма часто просиживать вечеромъ и даже часть ночи за письменнымъ столомъ съ явнымъ ущербомъ для здоровья, которое разрушается преждевременно. Занятія же военнаго оффицера, состоящія въ строевыхъ и другаго рода тѣлесныхъ упражненіяхъ, перемежаются болѣе или менѣе продолжительными отдыхами или совершеннымъ бездѣльемъ, и способствуютъ къ развитію и укрѣпленію физическихъ силъ; слѣдовательно, занятія эти сопряжены, въ обыкновенномъ порядкѣ вещей, съ явною пользою для служащаго. Нѣтъ сомнѣнія, что въ военное время участь оффицера не можетъ быть сравнена съ службою гражданскою. Но нѣтъ сомнѣнія и въ томъ, что число чиновниковъ, преждевременно умирающихъ въ слѣдствіе разстроеннаго служебными обязанностями здоровья превышаетъ число оффицеровъ, убиваемыхъ на войнѣ. Что же касается до злоупотребленій, которыя ставятъ въ упрёкъ гражданскимъ чиновникамъ, и которыя дѣйствительно существуютъ въ огромныхъ размѣрахъ, то незави-

симо отъ обстоятельствъ, служащихъ тому причинами, и изложенныхъ въ своемъ мѣстѣ, нельзя кажется сказать утвердительно, что бы противузаконныя дѣйствія сего рода были свойственны однимъ гражданскимъ чиновникамъ; можно сказать только, что сіи послѣдніе имѣютъ болѣе къ тому случаевъ. Да и кромѣ того, въ подобныхъ сужденіяхъ надо принимать въ основу нормальное состояніе вещей, а не анормальныя отступленія. Нѣтъ закона, который, установляя такое или другое право въ пользу какого нибудь лица, имѣлъ бы въ виду, что лицо это не достойно даруемаго ему преимущества. Наконецъ не забудемъ, что при совмѣстномъ служеніи лицъ военнаго и гражданскаго вѣдомства, военный чинъ даетъ старшинство передъ соотвѣствующимъ ему гражданскимъ чиномъ, а во многихъ случаяхъ даже и передъ относительно высшимъ значеніемъ гражданскаго лица. Причина сего послѣдняго преимущества зависитъ, впрочемъ, отъ чисто наружнаго условія; военный носитъ на мундирѣ отличіе званія, и по этому пользуется вездѣ и всегда одинаковымъ уваженіемъ.*) Значитъ, взвѣшивая изложенныя здѣсь соображенія, и допу-

---

*) Обстоятельство это приведено собственно для объясненія одного изъ преимуществъ, коими пользуется военное званіе въ Россіи, а вовсе не потому, что бы я считалъ справедливымъ распространеніе того же права на лицъ гражданскаго вѣдомства. Напротивъ, въ смыслѣ тѣхъ мыслей, которыя выражены выше на счетъ преобладающихъ у насъ ошибочныхъ понятій о достоинствѣ человѣка, надлежало бы желать обратнаго уравненія лицъ обоихъ вѣдомствъ, т. е. что бы военные не носили мундировъ внѣ служебныхъ обязанностей.

ская, что преимущества, коими пользуются гражданскіе чиновники, равносильны тѣмъ, которыя предоставлены военнымъ, по относительнымъ заслугамъ тѣхъ и другихъ, — слѣдуетъ заключить, что всякое предпочтеніе, оказываемое сверхъ того въ пользу одного изъ сихъ вѣдомствъ совмѣщаетъ въ себѣ понятіе о нѣкоторомъ не вниманіи къ другому.

До сихъ поръ это предпочтеніе было на сторонѣ военныхъ; имъ принадлежали во всѣхъ случаяхъ честь и мѣсто. Военная обстановка Русскаго Двора, вліятельное участіе военнаго элемента въ дѣлахъ гражданскаго управленія и множество другихъ обстоятельствъ, доказывавшихъ, что военная служба и лица, посвятившія себя сему поприщу были предметомъ исключительнаго вниманія, — все это, возбуждая довольно основательное негодованіе въ гражданскихъ чиновникахъ, считавшихъ себя въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ какъ бы униженными, было съ тѣмъ вмѣстѣ причиною тому, что русское правительство прослыло въ чужихъ краяхъ правительствомъ военнымъ (gouvernement militaire). Съ того времени произошло множество такихъ перемѣнъ, которыя доказываютъ стараніе къ улучшенію гражданской части и служебнаго быта ея дѣятелей. Многое осталось, конечно, еще въ прежнемъ видѣ. Но нельзя же измѣнить разомъ порядокъ вещей, установленный съ давнихъ поръ, и вошедшій въ постоянный обычай. Будемъ благодарны за то, что сдѣлано, и воздадимъ достойную похвалу ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ II.

„Plura loqui nequeo.“

ОТДѢЛЕНІЕ II.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Начатое подъ впечатлѣніемъ мысли о необходимости улучшенія чиновнаго сословія путемъ образованія, изложеніе моей думы приняло подъ конецъ размѣры далеко переступившіе объемъ первоначальнаго предположенія. Причины сего постепеннаго расширенія предѣловъ моего труда, объяснены уже во вступленіи. Преслѣдуя исходную цѣль моей думы какъ главный предметъ я имѣлъ при этомъ намѣреніе предпослать нѣсколько словъ на счетъ того, что по моимъ понятіямъ составляетъ коренныя недостатки нашего государственнаго быта, дабы показать тѣмъ самымъ тѣсную и непрерывную связь, существующую между многоразличными сторонами правительственной дѣятельности. Мнѣ хотѣлось бы передать всѣмъ и каждому то ясное убѣжденіе, что тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о радикальномъ улучшеніи, нельзя, или по крайней мѣрѣ безполезно, ограничивать сужденіе однимъ какимъ нибудь предметомъ. Преслѣдуя это убѣжденіе, увлеченный живымъ интересомъ вопросовъ, встрѣтившихся на

моемъ пути, я переступилъ, такъ сказать, противъ моей воли предположенный простой размѣръ пояснительныхъ соображеній, а между тѣмъ и не изчерпалъ, быть можетъ, довольно глубоко сущности сихъ важныхъ вопросовъ; въ чемъ и каюсь чистосердечно. Таже причина, которая была виною неожиданно увеличившагося развитія I. части, имѣла вліяніе и на расширеніе объема предлежащаго отдѣла сихъ записокъ; съ тою разницею, что въ семъ послѣднемъ случаѣ я поступилъ преднамѣренно, по слѣдующимъ соображеніямъ. Приступая къ изложенію предмета, который составляетъ настоящую задачу моего труда, я счелъ необходимымъ разсмотрѣть вопросъ объ улучшеніи чиновнаго сословія, путемъ раціональнаго образованія, въ связи съ вопросами ему однородными. Мнѣ казалось, что уединяя предметъ такой громадной важности отъ прочихъ отраслей народнаго образованія, я оставилъ бы множество побочныхъ вопросовъ, — которые вяжутся между собою въ общей системѣ сего отдѣла государственной администраціи, — не разрѣшенными, неясными, неопредѣленными по крайней мѣрѣ въ существенномъ ихъ значеніи. Кромѣ того, такъ какъ по моимъ убѣжденіямъ упроченіе и распространеніе образованія есть самая надежная мѣра для достиженія цѣли, къ которой стремится наше правительство, то я призналъ нужнымъ войдти въ ближайшее разсмотреніе способовъ посредствомъ коихъ можетъ быть обезпеченъ успѣхъ сего важнаго дѣла. Наконецъ, будучи убѣжденъ самъ, и желаю убѣдить другихъ, что независимо отъ служебнаго класса, всѣ прочія сословія нуждаются въ плодахъ просвѣщенія, сооб-

разно относительному ихъ положенію въ гражданскомъ обществѣ, я полагалъ необходимымъ сказать нѣсколько словъ о тѣхъ органахъ образованія, которые имѣютъ назначеніемъ распространеніе просвѣщенія въ низшихъ слояхъ народа. Развивъ такимъ образомъ предметъ моего изслѣдованія на болѣе широкой основѣ, чѣмъ можно было о семъ заключить изъ предидущихъ намёковъ, я старался изобразить въ семъ отдѣлѣ сколь возможно въ сжатомъ видѣ, очеркъ всей системы народнаго образованія, начиная съ первоначальнаго обученія грамотѣ, и восходя постепенно до окончательнаго преподаванія высшихъ наукъ въ верховныхъ разсадникахъ просвѣщенія. Рядъ всѣхъ замѣчаній сюда относящихся заключаютъ нѣкоторыя соображенія объ отношеніи учебнаго проприща къ служебной дѣятельности, и объ условіяхъ, которыя по моему мнѣнію слѣдовало бы принять за правило при опредѣленіи на службу. Условія эти, сами по себѣ, весьма просты; онѣ заключаются въ спеціальномъ, собственно служебномъ испытаніи. Но не столь легко установленіе этой мѣры, если общій духъ образованія не получилъ предварительно сообразнаго сему направленія. Нѣтъ ничего легче какъ потребовать на бумагѣ, чтобы поступающіе на службу имѣли извѣстнаго рода познанія; но возможно ли исполненіе подобнаго требованія, когда таковыя познанія, при совершенной непрочности изученія наукъ, не соотвѣтствуютъ въ большинствѣ случаевъ строгимъ условіямъ знанія положительнаго. Вотъ причина, которая побудила меня войдти въ нѣсколько подробныя соображенія на счетъ курсовъ гимнази-

ческаго и университетскаго, изъ коихъ первый имѣетъ значеніе общей необходимой основы всякаго ученаго образованія; — вторый же, предназначенный для спеціальнаго изученія одной какой нибудь отрасли наукъ, вѣнчаетъ зданіе учебнаго поприща.

Весьма вѣроятно, что въ этой части, равно какъ и въ первой, окажется нѣсколько пробѣловъ, нѣсколько мнѣній не совсѣмъ, быть можетъ, вѣрно выраженныхъ. Во всякомъ же случаѣ, виною тому конечно не недостатокъ желаніе или усердія произвести трудъ обдуманный; но общая, прискорбная участь всѣхъ человѣческихъ твореній: — несовершенство не въ томъ, такъ въ другомъ. Homo sum et nihil humani alienum a me puto.

НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНІЕ.

„Правила воспитанія суть первыя основанія пріуготовляющія насъ быть гражданами.“

Наказъ 30го Іюля 1767г. 348.

Воспитаніе человѣка, въ обширномъ значеніи сего слова можетъ быть разсматриваемо съ двухъ главныхъ точекъ зрѣнія; со стороны педагогіи, и въ смыслѣ народнаго образованія. Въ первомъ случаѣ имѣется въ виду опредѣленіе руководительныхъ правилъ, содѣйствующихъ болѣе успѣшному и цѣлообразному развитію умственныхъ и нравственныхъ силъ человѣка, по отношенію къ индивидуальнымъ условіямъ темперамента, природныхъ способностей, возраста и прочихъ особенностей человѣческой природы. Во второмъ случаѣ, вопросъ о воспитаніи имѣетъ цѣлію изысканіе ближайшихъ способовъ для распространенія соразмѣрнаго образованія между подданными одного государства, сообразно общественному ихъ положенію. Соображенія перваго рода принадлежатъ къ области пси-

хологіи; вторыя – входятъ въ составъ внутренней государственной политики. Предстоящія замѣчанія будутъ изложены преимущественно въ семъ послѣднемъ смыслѣ, т. е. съ точки зрѣнія народнаго образованія. Съ одной стороны важность сего предмета, съ которымъ неразлучно сопряжено нравственное и матеріальное благосостояніе народа, ставитъ его въ ряду тѣхъ первокласныхъ вопросовъ, которые, обнимая многостороннія явленія народной жизни, проникая всѣ слои общества всеобъемлещею полнотою своего вліятельнаго воздѣйствія, требуютъ совокупнаго соображенія всѣхъ условій, входящихъ въ сферу подлежащаго сужденію изслѣдованія. Ограничить разсмотрѣніе таковыхъ вопросовъ одними отдѣльными предметами, преимущественно поражающими индивидуальное, — субъективное, вниманіе мыслителя, значитъ вырвать часть цѣлаго изъ общей его среды; значитъ лишить вопросъ того настоящаго значенія, которое принадлежитъ ему лишь въ конкретномъ существованіи всѣхъ органически связанныхъ сторонъ его бытія; значитъ войти въ разсмотрѣніе отдѣльнаго эпизода безъ связи съ современнымъ ходомъ обстоятельствъ, опредѣляющихъ его характеръ, значитъ заключить кругозоръ своего сужденія въ предѣлахъ односторонности. Съ другой стороны обширное и вліятельное значеніе вопроса о народномъ образованіи, — вопроса объемлющаго сверху и до низу всѣ элементы общественнаго быта, указываетъ ему почетное мѣсто въ челѣ всѣхъ государственныхъ мѣръ, и возводитъ самое понятіе о воспитаніи до высшаго значенія сей отрасли правительственной дѣятельности, кото-

рая должна благотворно и попечительно простираться на всѣ сословія. Воспитаніе, примѣненное къ дѣлу нравственнаго улучшенія всего общества, получаетъ смыслъ народнаго образованія и служитъ краеугольнымъ камнемъ, на которомъ зиждется въ большей степени благосостояніе какъ самого государства, такъ и отдѣльныхъ его членовъ.

Фридрихъ Стааль, авторъ извѣстнаго сочиненія о философіи права*), разсматривая объемъ и предѣлы полицейской власти, въ обширномъ смыслѣ сей отрасли государственнаго управленія, замѣчаетъ, что подобно, тому, какъ совокупное стремленіе духовныхъ и умственныхъ силъ, направляемыхъ къ цѣли взаимнаго и стройнаго развитія природныхъ способностей обнаруживаетъ мудрость человѣка, — такъ та часть государственнаго управленія, которая именуется государственнымъ благоустройствомъ, и которая имѣетъ предметомъ преподаніе средствъ къ споспѣшествованію общественнаго благосостоянія по всѣмъ отраслямъ народной дѣятельности, есть, такъ сказать, откровеніе мудрости государственной. Какъ подъ мудростію человѣка мы разумѣемъ тотъ результатъ разумной его дѣятельности, когда онъ, познавъ свойства своихъ природныхъ дарованій, достигаетъ путемъ естественнаго, своеобразнаго ихъ развитія настоящаго своего назначенія, такъ мудрость государственная познается въ установленіи такихъ мѣръ, которыя, вызывая къ дѣятельному соучастію всѣ

*) Fr. J. Stahl. — Die Philosophie des Rechts. Heidelberg, 1847—56.

народныя силы, указываетъ каждому изъ этихъ многоразличныхъ элементовъ общественнаго быта, прямую цѣль его призванія въ предѣлахъ мѣстныхъ и сословныхъ особенностей, изъ коихъ гармонически слагаются начала гражданской жизни. На основаніи различія существующаго между силами матеріальными и силами духовными, дѣятельность государственнаго управленія по части общественнаго благоустройства распадается на два существенные отдѣла. Одинъ, имѣющій цѣлію развитіе матеріальныхъ элементовъ народа, составляетъ предметъ государственнаго хозяйства; другой занимающійся умственнымъ воспитаніемъ подданныхъ, принадлежитъ къ вѣдомству народнаго просвѣщенія.

Воспитаніе народное въ обширномъ значеніи сего слова, раздѣляется какъ по цѣли, такъ и по существу органовъ просвѣщенія на три главныя отрасли: 1. на воспитаніе первоначальное, или собственно народное; 2. на образованіе реальное; и 3, на высшее, или ученое образованіе; первое имѣетъ цѣлію распространеніе въ народѣ тѣхъ необходимо нужныхъ начатковъ ученія, которые называются у насъ грамотностію; второе служитъ приготовленіемъ людей къ нѣкоторымъ спеціальнымъ, преимущественно промышленнымъ, отраслямъ дѣятельности, не требующимъ строгаго, ученаго образованія; наконецъ третье имѣетъ предметомъ окончательное образованіе лицъ, которыя предназначаютъ себя къ высшимъ поприщамъ государственнаго служенія и гражданской жизни.

Опредѣливъ въ главныхъ чертахъ значеніе народнаго просвѣщенія, въ общей системѣ государ-

ственной администраціи, и существеннѣйшіе предметы дѣятельности сего вѣдомства, перехожу къ разсмотрѣнію весьма важнаго вопроса: до какихъ предѣловъ должна простираться сія дѣятельность? Разрѣшеніе сего вопроса находится въ прямомъ соотношеніи съ соображеніями, изложенными въ концѣ I. главы I. части. Здѣсь, какъ и во многихъ другихъ частяхъ государственнаго управленія должно быть наблюдаемо то благоразумное участіе правительства, которое, ограничиваясь попеченіемъ объ успѣшномъ ходѣ образованія, оставалось бы въ границахъ необходимо нужнаго надзора и покровительства, не переходя въ такъ называемое излишество правительственной дѣятельности. Кромѣ непосредственнаго завѣдыванія всѣми учебными заведеніями, имѣющими назначеніемъ приготовленіе молодыхъ людей къ службѣ и къ высшимъ отраслямъ гражданской жизни, — къ прямымъ обязанностямъ правительства, въ дѣлѣ народнаго образованія, относятся еще: установленіе поощрительныхъ мѣръ для побужденія мѣстныхъ сословій къ учрежденію различныхъ народныхъ училищъ, сообразно условіямъ и требованіямъ края; оказаніе необходимаго покровительства предпріятіямъ сего рода снабженіемъ такихъ заведеній хорошими преподавателями и проч.; и, наконецъ, верховный надзоръ за общимъ ходомъ и духомъ образованія, съ одной стороны въ видахъ развитія просвѣщенія, съ другой же стороны съ цѣлію преслѣдованія вредныхъ ученій. Затѣмъ, всякое излишнее вмѣшательство правительственной власти въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ рѣчь идетъ о преподаніи нужныхъ способовъ, могущихъ облегчить

саморазвитіе народныхъ силъ и направить ихъ къ благой цѣли, соотвѣтствуетъ какъ уже выше сказано, той административной погрѣшности, которую Германскіе публицисты называютъ, das Zuvielregieren, и которая влечетъ за собою невыгодныя послѣдствія какъ для успѣшнаго хода образованія, такъ и для самого правительства. Сюда относятся тѣ случаи, когда напримѣръ, правительство принимаетъ въ свое непосредственное распоряженіе всѣ народныя училища; когда оно предназначаетъ людей съ ранняго, еще дѣтскаго возраста нѣкоторымъ спеціальнымъ отраслямъ, требующимъ высшаго образованія; когда оно стѣсняетъ чрезъ мѣру академическое преподаваніе наукъ, или же литтературную дѣятельность излишнею строгостію цензурнаго надзора и проч. — Значитъ, вліяніе правительства въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія должно состоять преимущественно въ верховномъ покровительствѣ и направленіи духовнаго развитія; въ указаніи пути, ведущаго къ истинной цѣли, и въ предостереженіи, отъ заблужденій окружающихъ этотъ путь. Разумѣется, что тамъ, гдѣ бы подобное предостереженіе было недостаточно, необходимо прибѣгать къ мѣрамъ строгости. Но преслѣдовать призракъ заблужденія еще не обнаружившагося, стѣснять дѣйствіе просвѣщенія потому только, что оно можетъ быть опасно, наконецъ вмѣшиваться во всѣ мелочныя, особенно же хозяйственныя, распоряженія по части народнаго образованія не только безполезно, но даже вредно. Сократъ сравнивалъ свое вліяніе на учениковъ съ искуствомъ повивальной бабки, которая облегчаетъ естественный процессъ родовъ и явленія

на свѣтъ самого плода. Тоже сравненіе можетъ быть примѣнено и къ правительству, которое попечительнымъ своимъ содѣйствіемъ вспомоществуетъ развитію народныхъ силъ и своеобразному ихъ обнаруженію.

Соображая изслѣдываемый здѣсь предметъ съ тѣми намёками на недостатки нашего государственнаго управленія, о которыхъ было упомянуто въ предшествующихъ главахъ, нельзя не согласиться, что воспитаніе составляетъ одинъ изъ самыхъ жизненныхъ современныхъ вопросовъ, отъ коихъ зависитъ близкая и отдаленная будущность Россіи. Куда не заглянешь, о чемъ не замыслишь всюду слышатся таинственныя слова: „жатва многа, дѣлателей же мало“.... Но отъ чего у насъ мало дѣлателей? отъ чего, дѣйствительно, на каждомъ шагу ощущается недостатокъ въ людяхъ вообще, но особенно въ людяхъ способныхъ и благонадежныхъ? Этотъ и подобные сему вопросы, заключающіе въ себѣ болѣе или менѣе прямой упрекъ на счетъ существовавшей въ Россіи, до сихъ поръ, системы народнаго просвѣщенія, вызываютъ невольно на указаніе важнѣйшихъ ея несовершенствъ.

Опредѣленіе бо́льшей или меньшей степени развитія ума и нравственно-религіозныхъ чувствъ въ народѣ, принадлежитъ къ тѣмъ вопросамъ, которые могутъ быть разрѣшены лишь по совокупномъ сличеніи многихъ обстоятельствъ. Такъ какъ между духовною природою и матеріальнымъ благосостояніемъ человѣка, говоря вообще, существуетъ тѣсная связь, то можно, конечно, вывести довольно вѣрное

заключеніе о степени образованія народа по внѣшнимъ признакамъ, опредѣляющимъ его домашній и хозяйственный бытъ. Въ этихъ наглядныхъ доказательствахъ недостатка нѣтъ; и здѣсь каждый можетъ судить какъ ему угодно, о томъ въ какой мѣрѣ развито образованіе Русскаго народа. Другая точка зрѣнія, — религіозно-нравственный бытъ народа представляетъ этотъ вопросъ. со стороны развитія понятій объ исповѣдуемой вѣрѣ, и съ отрицательной стороны уголовной статистики. Эти двѣ стороны не столь легко могутъ быть опредѣлены по неуловимости чувствъ и помышленій, таящихся на днѣ души, и кромѣ того обстоятельства сюда относящіяся открываютъ столь обширное поприще для разнаго рода соображеній, что подробное изысканіе сего предмета могло бы увлечь меня за предѣлы настоящей моей задачи. По этому я ограничиваю мои изслѣдованія въ настоящемъ случаѣ: а. изображеніемъ общей системы нашего народнаго просвѣщенія; б. сравненіемъ тѣхъ статистическихъ данныхъ, которыя служатъ неоспоримыми, фактическими, свидѣтельствами состоянія народнаго обученія въ Россіи; и наконецъ в. разсмотрѣніемъ самаго способа нашего образованія. Возводя недостатки народнаго образованія въ Россіи къ главнымъ, первоначальнымъ ихъ причинамъ, можно заключить, что всѣ недостатки эти происходятъ: 1. отъ искуственности системы народнаго просвѣщенія; 2. отъ несоотвѣтственнаго отношенія средствъ образованія къ числу лицъ подлежащихъ обученію; и 3. отъ непрочности самого воспитанія.

Подъ искуственностію системы народнаго про-

свѣщенія, я разумѣю установленіе такихъ мѣръ, которыя болѣе противорѣчатъ, чѣмъ способствуютъ процессу естественнаго саморазвитія духовныхъ силъ народа, и не соотвѣствуютъ настоящимъ потребностямъ государства относительно соразмѣрнаго образованія подданныхъ. Если я не ошибаюсь, одна изъ ошибокъ нашего правительства состояла въ неточномъ истолкованіи основнаго правила, руководившаго МОНАРШІЯ предначертанія по этой отрасли государственнаго управленія, — правила, принятаго какъ бы за девизъ, и состоящаго въ соблюденіи „духа православія, единодержавія и народности.“ Въ этихъ трехъ словахъ выражающихъ духовную сторону общей системы централизаціи, обнаруживается желаніе, въ сущности весьма мудрое, сковать, узами братскаго единодушія, всѣхъ членовъ обширной государственной семьи; но средства, употребленныя въ дѣйствіе для достиженія сей цѣли не были сообразны съ полезнымъ результатомъ, который имѣлся въ виду. Отъ сего происходило стремленіе къ уничтоженію всякой народной особенности, и къ подведенію своеобразныхъ элементовъ различныхъ мѣстностей подъ уровень формально предписанныхъ требованій, которыя, возбуждая не-расположеніе, останавливали успѣшное развитіе народныхъ силъ. Дѣйствуя въ этомъ духѣ, правительство наше не приняло въ достаточное соображеніе, что преданность подданныхъ, (то именно чувство, которое оно старалось возбудить), — зависитъ не отъ внѣшней, искуственной связи, а отъ степени довѣрія и любви, которыя возникаютъ несравненно скорѣе и приносятъ суще-

ственную пользу въ тѣхъ случаяхъ, когда правительство обнаруживаетъ уваженіе къ бытовымъ началамъ народа, и старается обезпечить неприкосновенность завѣтно-святыхъ его преданій. — Разсмотримъ другую сторону сего вопроса. — До сихъ поръ всѣ усилія нашего правительства по этой отрасли административной дѣятельности, имѣли цѣлію почти исключительно, приготовленіе людей къ служебному поприщу. Въ этомъ стремленіи преобладала мысль проглядывающая въ нѣкоторыхъ другихъ учрежденіяхъ, и состоящая въ томъ, что значеніе гражданина должно, во всѣхъ отношеніяхъ, уступить мѣсто значенію должностнаго лица. Мы болѣе заботились объ образованіи офицера и чиновника, чѣмъ о воспитаніи человѣка по относительному его положенію въ гражданскомъ обществѣ. Эти представительныя личности, такъ сказать, двухъ господствующихъ кастъ заслоняли собою другія сословія, которыя, оставаясь въ тѣни, и будучи лишены даровъ просвѣщенія, не принимали участія въ дѣлѣ общаго сотрудничества. Мы, какъ будто упустили изъ виду, что для обезпеченія внутренняго благосостоянія, для оживленія производительной дѣятельности на поприщѣ ремеслъ, фабричныхъ промысловъ, торговыхъ предпріятій, необходимо болѣе или менѣе просвѣщенное содѣйствіе мѣстныхъ сословій; что дѣятельность каждаго гражданина, успѣшно занимающагося своимъ частнымъ трудомъ, есть, въ нѣкоторомъ отношеніи, служеніе государству; что для искорененія тѣхъ вѣковыхъ пороковъ, противъ которыхъ возстаютъ ежедневные ропоты, недостаточно заботиться о

воспитаніи однихъ должностныхъ лицъ, но надо стараться перевоспитать тѣ самыя общества, изъ среды коихъ поступаетъ преобладающая масса чиновниковъ; что для достиженія сей цѣли надо указать каждому свое мѣсто, свое назначеніе въ общественномъ быту и преподать путемъ цѣлеобразнаго образованія средства, которыя бы соотвѣтствовали такому назначенію, не загорождая вмѣстѣ съ тѣмъ пути къ высшей дѣятельности тѣмъ, которые имѣютъ положительное къ ней призваніе. Мы по видимому, не обратили вниманія на то, что, привлекая жизненныя силы къ внѣшнимъ органамъ политическаго тѣла, полагая, что весь успѣхъ государственнаго управленія зависитъ отъ непосредственнаго вмѣшательства орудій правительственной власти во всѣ отношенія народнаго быта, мы лишали внутренніе органы надлежащей дѣятельности равно необходимой какъ для поддержанія ихъ собственныхъ отправленій, такъ и для существованія всего государства; что такое отсутствіе внутренняго политическаго равновѣсія, такое анормальное состояніе, полагаетъ на каждомъ шагу преграды развитію народныхъ силъ, пораждаетъ лѣность, праздность, пороки, — и упрочиваетъ господство грубаго, полуневѣжественнаго права сильнаго, надъ совершеннымъ, рабски-безотвѣтнымъ невѣжествомъ простаго гражданина.

Перехожу къ статистическимъ выводамъ, изображающимъ состояніе учебной части въ Россіи. Валовое число учащихся въ Россіи въ теченіи нынѣшняго столѣтія представляетъ въ различныя эпохи слѣдующіе итоги:

въ 1804	году	было	109,256	учащихся.
„ 1824	„	„	263,224	„
„ 1834	„	„	460,576	„
„ 1851	„	„	354,069	„
„ 1854	„	„	428,490	„

Эти данныя показываютъ: во 1хъ, что съ 1834 г. число учащихся начало уменшаться и во 2хъ что, по послѣднимъ свѣдѣніямъ, мы еще не достигли той цифры, съ которой общая сложность обучающихся обратилась къ убыли. За тѣмъ надлежитъ разсмотрѣть въ какой пропорціи находится число учащихся къ общему народонаселенію, и представляетъ ли эта пропорція удовлетворительное отношеніе, судя по общимъ признакамъ развитія народнаго образованія въ благоустроенныхъ государствахъ? Что касается до перваго обстоятельства, т. е. до относительной пропорціи числа учащихся къ общему народонаселенію, можно вывести заключеніе о степени распространенія образованія въ Россіи, посредствомъ сравненія таковой пропорціи съ данными сего рода, которыя оказываются по другимъ государствамъ. Такимъ образомъ число учащихся относится къ общему народонаселенію:

въ Пруссіи какъ	1 :	7
„ Прочихъ частяхъ Германіи (за исключеніемъ Австріи)	1 :	9
„ Великобританіи и Ирландіи . . .	1 :	11
„ Франціи	1 :	13
„ Австріи	1 :	20
„ Царствѣ Польскомъ	1 :	69

въ Россіи почти какъ . . . . . 1 : 150*)
(по вѣдомству же государственныхъ
Имуществъ . . . . . 1 : 169

Съ другой стороны, такъ какъ, по возрасту способному къ обученію, нормальное количество учащихся составляетъ обыкновенно 16 или 17% всего народонаселенія, то число таковыхъ людей въ Россіи должно представлять цифру 10,240,000 или 10,880,000. Сравнивъ эту цифру съ послѣдними свѣдѣніями о числѣ учащихся, мы придемъ къ тому выводу, что дѣйствительное число обучающихся къ общему количеству дѣтей, способныхъ къ обученію составляетъ въ Россіи 4%**).

Вотъ общее числительное состояніе учебной части въ Россіи. Вмѣсто того, чтобы насчитывать милліонами количество учащихся, мы не досчитываемъ полумилліона, принимая въ томъ числѣ въ расчетъ всѣ пустословныя невѣрности нашихъ оффиціальныхъ свѣдѣній, въ которыхъ весьма часто означаются совершенно нарицательно показанія данныхъ во-все не существующихъ на самомъ дѣлѣ.

Но не можемъ ли мы, въ замѣнъ указанныхъ недостатковъ, похвалиться по крайней мѣрѣ проч-

---

*) По послѣднимъ статистическимъ свѣдѣніямъ считается въ одной Европейской Россіи 64 м. жителей.

**) Срав. Dr. Fr. Wilh. v. Reden — Russland's Kraft-Elemente und Einfluss-Mittel. Frankfurt a. M. 1854 s. 339 u. 340. Пропорція, выведенная Реденомъ не со всѣмъ вѣрна по той причинѣ, что данныя, принятыя имъ въ основаніе относительно общаго числа народонаселенія и числа учащихся въ Россіи не соотвѣтствуютъ настоящимъ свѣдѣніямъ.

ностію образованія, получаемаго въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ? Кажется, что нѣтъ. За исключеніемъ университетовъ и быть можетъ, нѣсколькихъ, но во всякомъ случаѣ весьма не многихъ, Гимназій, — врядъ ли найдутся учебныя заведенія, которыя бы удовлетворяли условіямъ раціональнаго образованія. Обученіе нашего юношества состояло, до сихъ поръ, въ столь же пышномъ сколько и поверхностномъ преподаваніи на скорую руку множества энциклопедическихъ предметовъ, безъ надлежащей связи и послѣдовательности въ ихъ распредѣленіи. Я испыталъ и на себѣ, и видѣлъ на другихъ до какой степени образованіе наше поверхностно и непрочно. Иной напримѣръ, изучаетъ Алгебру и Геометрію, а не въ состояніи сдѣлать дѣленія простыхъ дробей; другой слушаетъ курсъ словесности, а не можетъ написать страницы не сдѣлавъ нѣсколько грубыхъ грамматическихъ ошибокъ; третій переводитъ съ помощью подскащиковъ Горація, а не знаетъ окончанія падежей перваго склоненія и т. д. и нельзя сказать, что

„Мы всѣ учились по немногу
Чему нибудь“ . . . . . .

Нѣтъ, въ большинствѣ, случаевъ, мы учимся весьма многому, да заразъ и какъ нибудь. Эта поверхностность знанія ведетъ весьма естественно къ поверхностности сужденія, въ слѣдствіе чего мы всѣ, болѣе, или менѣе, заслуживаемъ названія верхоглядовъ. Въ уровень образованія умственныхъ способностей, можетъ стать и нравственное воспитаніе, которое ограничивалось болѣе формальными требованіями наружнаго поведенія, и не соотвѣт-

ствовало настоящимъ условіямъ развитія коренныхъ началъ духовной природы человѣка.

Мнѣнія здѣсь выраженныя насчетъ недостатковъ общей системы нашего образованія могутъ показаться отчасти рѣзкими и преувеличенными, но въ сущности, я не полагаю, чтобы они были ошибочны. Если въ народномъ нашемъ быту и встрѣчаются явленіе въ нѣкоторомъ отношеніи противорѣчащія вышеизложеннымъ сужденіямъ, то такія утѣшительныя случаи надо скорѣе отнести къ превосходнымъ свойствамъ русскаго народа, къ его смѣтливости, переимчивости и готовности на исполненіе всего что только возможно, — чѣмъ къ заботливости или предусмотрительности правительства. То-же можно сказать и о степени образованія, получаемаго въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ. Обыкновенно судятъ о достоинствѣ такого, или другаго учебнаго заведенія по достоинству тѣхъ, которые въ нихъ воспитывались. Ни мало, не отрицая, что у насъ много достойныхъ молодыхъ людей, я далеко не согласенъ съ тѣмъ, чтобы слѣдовало судить объ училищѣ, по бывшему ученику; во первыхъ уже по той причинѣ, что нельзя выводить заключенія на счетъ результатовъ общей сложности, по нѣкоторымъ лишь отдѣльнымъ примѣрамъ, какъ это обыкновенно дѣлается въ подобныхъ случаяхъ. Во вторыхъ потому, что „на безрыбіѣ и ракъ рыба, а на безлюдіѣ и баба человѣкъ“: въ безлюдіѣ же, или недостаткѣ людей, о которомъ говорено было недавно, кажется и сомнѣнія нѣтъ; слѣдовательно достоинства замѣчаемыя въ представителяхъ такого или другаго учебнаго заведенія

могутъ быть названы достоинствами скорѣе относительными, чѣмъ положительными. Наконецъ, я замѣчу, что прежде произнесенія подобнаго сужденія, слѣдовало бы удостовѣриться дѣйствительно ли люди, почитаемые хвалою заведенія, въ которомъ они воспитывались, обязаны своимъ образованіемъ именно этому заведенію, или же они сами себя образовали уже впослѣдствіи? По шаткости всѣхъ этихъ аргументовъ я считаю болѣе основательнымъ выводить подобнаго рода заключенія на доказательствахъ менѣе спорныхъ, каковы, напримѣръ, количественное и качественное значеніе предметовъ, входящихъ въ составъ учебной программы; распредѣленіе ихъ на годичные курсы; способъ преподаванія и т. д.; словомъ на такихъ данныхъ, которыя представляютъ объ общемъ достоинствѣ учебнаго заведенія вѣроятно-возможный выводъ. Отлагая болѣе обстоятельное разсмотрѣніе сего предмета до другаго мѣста, заключаю настоящія соображенія тѣмъ твердымъ убѣжденіемъ, что мы не достигнемъ прочнаго успѣха, по части народнаго просвѣщенія, покуда будемъ ограничиваться установленіемъ отдѣльныхъ, какъ бы пальятивныхъ средствъ по той или другой части. Одно только всестороннее разсмотрѣніе сего предмета и соотвѣтствующее сему изысканіе широко обдуманныхъ мѣръ, могутъ какъ уже сказано выше, содѣйствовать къ водворенію того равновѣсія нравственныхъ и матеріальныхъ силъ государства, которое, завися отъ степени образованія подлежащихъ сословій, служитъ вѣрнымъ мѣриломъ общественнаго благосостоянія. — Вотъ истинная цѣль просвѣщенія

народнаго. Только при условіи соразмѣрнаго участія всѣхъ и каждаго въ дѣлѣ общаго образованія, воспитаніе, въ смыслѣ мѣры государственной, охватывая всѣ безъ исключенія слои общества, достигнетъ настоящаго своего значенія. Тогда, и только тогда, образованіе послужитъ благодѣтельнымъ средствомъ къ переобразованію, котораго мы желаемъ, въ которомъ мы нуждаемся. Но это самое условіе всесторонняго разсмотрѣнія требуетъ чтобы забота о распространеніи просвѣщенія во всѣхъ и преимущественно въ низшихъ слояхъ народа, не отвлекала нашего вниманія отъ необходимости улучшенія системы образованія въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, готовящихъ къ служебному поприщу и къ другимъ занятіямъ, требующимъ ученыхъ познаній. Подобныя упущенія довольно свойственны тому добросовѣстному сознанію ошибокъ, въ слѣдствіи коего, человѣкъ, устремляя всѣ свои усилія на устраненіе замѣченнаго имъ недостатка, забываетъ, нерѣдко, другія обстоятельства, заслуживающія одинаковую заботливость. Мы далеко еще не достигли той степени просвѣщенія, чтобы намъ можно было считать себя обезпеченными относительно высшаго образованія; а съ другой стороны множество и важность предстоящихъ трудовъ по всѣмъ частямъ правительственной и гражданской дѣятельности заставляютъ желать наибольшее распространеніе основательныхъ познаній какъ въ смыслѣ общечеловѣческаго, гимназическаго образованія, такъ и по отдѣльнымъ отраслямъ окончательнаго, академическаго изученія наукъ спеціальныхъ. По этому поощреніе высшаго,

ученаго образованія столько же необходимо для Россіи, какъ и распространеніе образованія народнаго; и, слѣдовательно, всякая мѣра, которая имѣла бы цѣлію отвлечь молодыхъ людей отъ ученаго поприща, отнятіемъ нѣкоторыхъ преимуществъ, составляющихъ достойное возмездіе за усиленные труды, неминуемо сопровождающіе ученыя занятія, — былабы столь же несправедлива, сколько и несогласна съ государственною пользою. Многіе того мнѣнія, что настала пора полюбить науку для науки, и что нѣтъ уже болѣе надобности прибѣгать къ средствамъ поощрительнымъ для привлеченія къ ученому поприщу. Я съ этимъ мнѣніемъ не совсѣмъ согласенъ. Всѣ внѣшнія преимущества и выгоды, которыми люди пользуются въ общественномъ и гражданскомъ быту, могутъ казаться ничтожными тому, кто „пришелъ въ зрѣлость мужа, въ мѣру полнаго возраста Христова;“*) но гдѣ же эти блаженные избранники? . . . . Сознаемся, что всѣ мы, болѣе или менѣе, падки къ наружнымъ приманкамъ. Немного найдется людей, которые бы искали награду заслугъ ими оказанныхъ въ своей совѣсти, и довольствовались бы достоинствами сердца и ума, не нуждаясь въ поощреніяхъ. По этому, желаніе возбудить общее стремленіе къ наукѣ до степени совершенной независимости ученыхъ занятій отъ всякихъ личныхъ разсчетовъ на выгоды, которыя могутъ доставить ученыя познанія, есть, по моему мнѣнію, желаніе несбыточное. Въ Пруссіи, могущей безспорно служить лучшимъ образцомъ

*) Еф. IV. 13.

развитія высшаго образованія, и тамъ правительство поощряетъ ученое образованіе, допуская къ занятію извѣстныхъ, болѣе значительныхъ мѣстъ тѣхъ только лицъ, которые обладаютъ высшими познаніями. Между дѣтскою приманкою чина и тѣми преимуществами, которыя должны отличать людей, могущихъ быть истинно полезными по своимъ обширнымъ и неотрицаемо основательнымъ познаніямъ, существуетъ огромная разница,*) Слѣдовательно усилія правительства, въ этомъ отношеніи, должны преимущественно состоять въ томъ, чтобы прочность изученія замѣнила нахватываніе кое-какихъ вершковъ, и чтобы лихорадочная торопливость нашей молодёжи въ скорѣйшемъ окончаніи учебнаго курса, изъ разсчетовъ чинопроизводства, обуздана была съ одной стороны установленіемъ строгихъ условій для поступленія на службу, — условій, независящихъ отъ великолѣпныхъ пергаментныхъ аттестатовъ учебныхъ заведеній, — съ другой же стороны обѣщаніемъ такихъ преимуществъ, которыя бы внушали въ молодомъ человѣкѣ увѣренность, что лишніе годы, посвященные ученію, могутъ только упрочить будущій успѣхъ на предстоящемъ ему поприщѣ; тогда, болѣе продолжительное, и въ зрѣлую пору возраста оконченное образованіе, будетъ содѣйствовать тому, что молодой человѣкъ дѣйствительно слюбится съ наукою, и слюбившись съ нею однажды, останется навсегда вѣрнымъ ея служителемъ и неизмѣннымъ другомъ.

---

*) Объ этомъ предметѣ говорено будетъ въ статьѣ объ университетахъ.

Перехожу къ разсмотрѣнію отдѣльныхъ органовъ образованія. Выше замѣчено было, что воспитаніе народное въ обширномъ значеніи, распадается на три отдѣла: на воспитаніе первоначальное, реальное и ученое. Раздѣленіе это допущено мною для облегченія общаго обзора всѣхъ родовъ училищъ, примѣнительно къ существующимъ въ Россіи тремъ категоріямъ учебныхъ заведеній низшихъ, среднихъ и высшихъ. Но, слѣдуя сему порядку, надлежитъ имѣть въ виду существенное раздѣленіе образованія на народное и ученое. Характеристическое отличіе между тѣмъ и другимъ существуетъ въ окончательной цѣли и направленіи ученія. Тогда какъ образованіе народное имѣетъ предметомъ реальную сторону знанія и приготовленіе людей къ низшимъ поприщамъ служебной и общественной дѣятельности, — образованіе ученое направлено къ болѣе совершенному развитію ума и къ пріобрѣтенію тѣхъ познаній, которыя необходимы для успѣха занятій въ высшей сферѣ государственнаго и гражданскаго поприща.

I. ОБРАЗОВАНІЕ НАРОДНОЕ.

1. УЧИЛИЩА ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЯ.

Распространеніе просвѣщенія въ народномъ быту, (разумѣя въ семъ случаѣ низшіе слои гражданскаго общества), начинается съ простаго обученія грамотѣ и восходитъ до окончательнаго образованія въ

области наукъ реальныхъ. Органами сего образованія служатъ училища, которыя получаютъ различныя наименованія, смотря по мѣстности, по степени и по исключительному своему назначенію. Такъ по мѣстности, эти училища раздѣляются на сельскія и городскія; по степени, — на первоначальныя (Elementar-Schulen), второстепенныя (Mittel- und Bürgerschulen) и высшія (höhere Bürgerschulen);*) по исключительному своему назначенію, — на земледѣльческія, лѣсныя, ремесленныя; училища садоводства, пчеловодства, шелководства и другія, имѣющія спеціальное промышленное направленіе. Сообразно симъ различіямъ, существующимъ между народными училищами, — различіямъ, основаннымъ на мѣстныхъ и бытовыхъ потребностяхъ края, — измѣняется и самая программа обученія. Коренныя же основанія образованія собственно народнаго, состоятъ въ сколькозможно простомъ истолкованіи важнѣйшихъ догматовъ исповѣдуемой вѣры, въ обученіи грамотѣ, первоначальнымъ правиламъ ариѳметики, рисованія и въ практическомъ указаніи пріемовъ какого нибудь ремесла; въ семъ послѣднемъ отношеніи всякое народное училище заслуживаетъ наименованіе реальнаго, хотя въ строгомъ значеніе реальными училищами называются тѣ, въ которыхъ сообщается научное образованіе по предметамъ естественнымъ и математическимъ. Въ недостаткѣ этого реальнаго направленія, составляющаго существенную основу воспитанія простолюдина, и заключается одно изъ главныхъ несовер-

*) Такое раздѣленіе существуетъ въ Пруссіи.

шенствъ нашего народнаго образованія. „Ученье, соединенное съ трудолюбіемъ и нравственно — религіознымъ воспитаніемъ, — вотъ чего требуетъ народное образованіе. Оно необходимо и для земледѣльца, и для ремесленника, и для торговца, и для кого жъ оно не необходимо?“*) — Воспитаніе направленное въ этомъ смыслѣ, должно неминуемо принести пользу и въ матеріальномъ быту нашего народа, и должно, кромѣ того возбудить въ немъ охоту къ ученью. Не всегда бываетъ легко убѣдить простолюдина въ пользѣ доставляемой образованіемъ потому только, что ученье свѣтъ, а неученье тьма. Нѣтъ, этого недостаточно. Отвлеченность сего аргумента не можетъ встрѣтить сочувствія въ умѣ человѣка чисто практическаго. Онъ пойметъ всего легче, что грамотность доставитъ ему возможность читать божественныя книги и это религіозное чувство, къ которому по счастью такъ склоненъ русскій народъ, должно, конечно, облегчить усилія правительства на семъ поприщѣ просвѣщенія. Но все же это не вполнѣ достаточно. Надо объяснить и доказать народу, что ученье, развивая въ немъ основныя понятія объ исповѣдуемой имъ вѣрѣ, объ обязанностяхъ христіанина, о таинствахъ церкви, объ обрядахъ Богослуженія, можетъ кромѣ того имѣть вліяніе на улучшеніе его домашняго, хозяйственнаго быта. А для этого необходимо чтобы обученіе грамотности, въ общемъ значеніи сего слова было сопровождаемо обученіемъ

---

*) О всенародномъ распространеніи грамотности въ Россіи и проч. Москва 1849 г.

тѣхъ ремеслъ, которые свойственны мѣстности и другимъ условіямъ, въ средѣ коихъ находится простолюдинъ. Тогда онъ, увидя практичесую примѣняемость ученья и пользу отъ сего доставляемую постепенно свыкнется съ мыслію объ образованіи, и полюбитъ его.

Въ общемъ разборѣ современнаго состоянія учебной части въ Россіи, я разсмотрѣлъ валовое количество учащихся; теперь же мнѣ слѣдуетъ упомянуть о числѣ учениковъ, значащихся въ нашихъ народныхъ училищахъ. Статистическія свѣдѣнія, которыя мы имѣемъ по сему предмету не вполнѣ удовлетворительны, во первыхъ потому, что раздѣленіе надзора за нашими учебными заведеніями, между четырнадцатью различными вѣдомствами, лишаетъ частнаго труженика возможности имѣть въ виду совокупность всѣхъ данныхъ сюда относящихся; но кромѣ того свѣдѣнія эти не достаточны еще и въ томъ отношеніи, что онѣ не выражаютъ пропорціональнаго содержанія числа учащихся къ числу лицъ къ различнымъ народнымъ сословіямъ принадлежащихъ. По этимъ-то причинамъ я принужденъ ограничиться лишь нѣкоторыми указаніями по двумъ Министерствамъ, которыя завѣдываютъ преобладающимъ числомъ училищъ и воспитанниковъ. По отчету Министерства народнаго просвѣщенія за 1854 г. значится учащихся въ училищахъ: приходскихъ 49,937, въ уѣздныхъ 27,952; по отчету же Министерства государственныхъ имуществъ за 1854 г. числится въ сельскихъ училищахъ 170,573.*) —

*) Въ томъ числѣ собственно государственныхъ

Что касается до распространенія ремесленнаго обученія въ народѣ, то въ томъ же отчетѣ Министерства государственныхъ имуществъ сказано: „Способные изъ сиротъ обучаются въ различныхъ заведеніяхъ и у извѣстныхъ мастеровъ полезнымъ въ крестьянскомъ быту ремесламъ . . . . Число обучаемыхъ такимъ образомъ возросло въ 1854 г. до 39,452. — Сверхъ того ремесламъ обучались: дѣтей колонистовъ 567, Евреевъ-Земледѣльцевъ 6. и калмыковъ 29.*) — Изъ сего слѣдуетъ заключить: 1. что ремесламъ обучаются преимущественно сироты, и 2. что обученіе это есть исключительно механическое, а не научное т. е. несопряжено съ обученіемъ грамотности и съ развитіемъ религіозныхъ началъ. Кромѣ означенныхъ заведеній, по Министерству государственныхъ имуществъ числилось въ томъ году по Горыгорѣцкому Земледѣльческому училищу 80 учениковъ, на 8ми учебныхъ фермахъ 685 учениковъ; въ 5ти училищахъ садоводства и 6ти питомникахъ 89 учениковъ. Сравнимъ эти хотя и неполныя, но приблизительныя данныя съ статистическими цифрами о состояніи народнаго образованія въ Пруссіи. За неимѣніемъ современныхъ указаній, я долженъ руководствоваться свѣдѣніями, помѣщенными въ сочиненіи подъ заглавіемъ Statistik des Preussischen Staats ~~und~~ etc. im Lichte der Gegenwart. Berlin 1845 г. Бо̀льшая

крестьянъ 113,351, колонистовъ 56,291 и Евреевъ-Земледѣльцевъ 869.

*) Мнѣ достовѣрно извѣстно, что нѣкоторыя такъ называемыя ремесленныя училища существуютъ только на бумагѣ.

часть свѣдѣній, собранныхъ неизвѣстнымъ составителемъ означеннаго сочиненія, относится къ 1837 году, самыя же позднія не переступаютъ 1840 г. И такъ за 20 лѣтъ предъ симъ въ Пруссіи считалось: 22,910 училищъ для обученія грамоты (Elementar-Schulen), въ нихъ учителей и наставницъ 27,575; учениковъ 1,109,353; ученицъ 1,062,392, всего 2,171,745 дѣтей. Здѣсь разумѣются общественныя заведенія на содержаніе общинъ (Gemeinde); но кромѣ того существуетъ множество частныхъ училищъ. Далѣе, 734 среднихъ и гражданскихъ училищъ (Mittel- und Bürgerschulen), въ нихъ 2,911 учителей и 90,011 учениковъ. Къ этой категоріи, но независимо отъ 734 показанныхъ школъ принадлежитъ весьма много воскресныхъ училищъ (Sonntagsschulen), число коихъ не показано. Наконецъ сюда же отнести слѣдуетъ ремесленныя училища (Gewerbschulen) по одному въ каждомъ уѣздѣ (Regierungsbezirk) т. е. 25.

Если принять во вниманіе эти данныя и сообразить ихъ съ обстоятельствами выше сего изложенными, — обстоятельствами довольно убѣждающими въ недостаткѣ распространенія народнаго образованія въ Россіи, — то трудно, кажется, несогласиться, что пора позаботиться о дарованіи просвѣщенія милліонамъ нашихъ соотечественниковъ, коснѣющихъ въ жалкомъ, безсознательномъ невѣжествѣ. И чувство уваженія къ достоинству человѣка, и чувство справедливости, и, наконецъ, самая польза государства требуютъ, чтобы благотворное дѣйствіе образованія не останавливалось въ кругу высшихъ сословій, но проникло въ низшіе

слои общества и примѣнено было къ бытовымъ требованіямъ мѣстности. Правда, дѣло это не только не легкое, но, какъ я разумѣю, самое трудное изо всѣхъ современныхъ вопросовъ, касающихся вѣдомства народнаго просвѣщенія. Для установленія необходимыхъ къ сему мѣръ нуженъ обширно обдуманный и систематическій планъ, который, разумѣется, долженъ быть составленъ въ центральномъ управленіи; всѣ же подробныя соображенія относительно числа учреждаемыхъ училищъ, ихъ спеціально-ремесленнаго или промышленнаго назначенія, предстоящихъ по сему предмету расходовъ и т. д., должны быть предоставлены мѣстнымъ общинамъ при содѣйствіи дворянъ подлежащихъ губерній, какъ лицъ, которые сами, будучи болѣе или менѣе образованны, и знакомы съ мѣстными условіями, могутъ своими совѣтами руководить это предпріятіе. Особенно полезно въ этомъ дѣлѣ можетъ быть содѣйствіе такихъ обществъ, которыя учреждены съ цѣлію споспѣшествованія различнымъ отраслямъ промышленности, и которыя, какъ напримѣръ Московское общество сельскаго хозяйства, доказали свое просвѣщенное усердіе къ распространенію народнаго образованія изданіемъ простыхъ руководствъ и многими полезными совѣтами. Предметъ этотъ относится именно къ тѣмъ случаямъ въ которыхъ содѣйствіе правительства должно ограничиваться поощрительнымъ вызовомъ, и благодѣтельнымъ покровительствомъ естественному развитію народныхъ силъ. Одна изъ важнѣйшихъ обязанностей правительства въ этомъ дѣлѣ, заключается въ снабженіи народныхъ школъ

учительями, которые въ состояніи объяснить начатки ученія просто и понятно. Независимо отъ того, что при учрежденіи народныхъ школъ участіе мѣстныхъ сословій должно значительно облегчить усилія правительства, представляются еще другія обстоятельства, заставляющія желать, чтобы ближайшій надзоръ за ходомъ сего, въ общей сложности громаднаго дѣла, предоставленъ былъ подлежащимъ общинамъ. Опытъ доказалъ, что принятіе правительствомъ въ свое непосредственное распоряженіе всѣхъ народныхъ училищъ, имѣетъ множество невыгодныхъ послѣдствій. Во первыхъ оно стòитъ значительныхъ издержекъ, которыя могутъ быть избѣгнуты, если хозяйственное управленіе сими заведеніями предоставится тѣмъ сословіямъ, къ кругу коихъ они принадлежатъ. Во вторыхъ казенное завѣдываніе въ этихъ, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, влечетъ за собою многія злоупотребленія со стороны должностныхъ лицъ; а устраненіе лишняго соблазна тамъ особенно, гдѣ злоупотребленія въ большемъ ходу, должно быть принято за правило. Наконецъ, успѣхъ самаго дѣла, требуетъ, чтобы ближайшее наблюденіе за подобными заведеніями было поручаемо не постороннимъ лицамъ, которыя смотрятъ на это дѣло болѣе или менѣе равнодушно и заботятся только о томъ, чтобы представляемые ими отчеты были удовлетворительны, а тѣмъ обществамъ, которыя не могутъ не принять въ этомъ дѣлѣ живаго участія.

Изложивъ существеннѣйшія условія, отъ коихъ зависитъ успѣхъ сего дѣла, мнѣ остается упомя-

нуть о трехъ обстоятельствахъ, которыя при настоящемъ положеніи вещей, могутъ, если не ошибаюсь, служить камнемъ преткновенія въ учрежденіи народныхъ училищъ въ томъ видѣ и въ тѣхъ размѣрахъ, какъ того требуетъ общественная польза. Выше замѣчено, что народныя училища должны быть учреждаемы и содержимы преимущественно на счетъ подлежащихъ общинъ. Значитъ, завися въ этомъ отношеніи отъ богатства народнаго капитала, это полезное предпріятіе предполагаетъ ту степень развитія промышленныхъ силъ, которой мы далеко еще не достигли. Но съ другой, стороны, нѣтъ сомнѣнія, что капиталъ, употребленный на народныя училища долженъ принести обильные проценты; такъ, что улучшеніе самаго промышленнаго быта находится въ свою очередь въ прямой зависимости отъ умноженія разсадниковъ народнаго образованія. И поэтому всякое посильное пожертвованіе промышленныхъ сословій на это общеполезное дѣло, должно быть несомнѣнно вознаграждено сторицею. Надо надѣяться, что большинство нашихъ соотечественниковъ пойметъ необходимость сего общеполезнаго предпріятія, и что каждый внесетъ охотно свою лепту, слѣдуя пословицѣ: „съ міру по нитнѣ-голому рубашка;“ а господъ обскурантовъ увлечетъ тогда насильно преобладающее сочувствіе къ благимъ видамъ правительства. Да и во всякомъ случаѣ нѣтъ причины отказываться отъ этой мысли потому только, что исполненіе ея встрѣчаетъ затрудненія въ настоящее время. Еслибъ всѣ такъ думали, то пришлось бы обречь себя на вѣчный китаизмъ. — Другая важ-

ная преграда успѣшному ходу сего дѣла состоитъ въ томъ, что мы не имѣемъ людей спеціально приготовленныхъ къ занятію учительскихъ должностей какъ въ народныхъ, такъ и вообще въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ; о чемъ говорено будетъ въ своемъ мѣстѣ. Наконецъ третье, и чуть ли не самое главное затрудненіе заключается въ недостаткѣ хорошихъ сельскихъ священниковъ, которые у насъ, какъ и во всѣхъ другихъ государствахъ, принимаютъ, и должны принимать, самое значительное участіе въ народномъ образованіи. Позволяю себѣ при этомъ случаѣ нѣкоторое отступленіе во вниманіе къ необычайной важности предмета. При образованіи русскаго народа надо стараться о поддержаніи того драгоцѣннаго чувства, которое составляетъ его особенность, и которое при всемъ невѣжествѣ нашего простолюдина, ставитъ его, въ этомъ отношеніи, выше многихъ просвѣщенныхъ его собратій, — это чувство религіи. По этому, правительству предлежатъ двѣ важныя заботы: во первыхъ учрежденіе церквей тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ, — въ тѣхъ захолустьяхъ, куда священникъ пріѣзжаетъ изъ отдаленнаго мѣста по три по четыре раза въ годъ для исполненія нужныхъ требъ; и во вторыхъ улучшеніе духовнаго сословія. Кто не имѣлъ случая удостовѣриться лично въ нравственномъ безобразіи нашихъ сельскихъ священниковъ, — безобразіи, которое, начиная съ пьянства и безчинства, оканчивается святотатствомъ, — (horresco referens!) — тотъ не въ состояніи вообразить себѣ до какой степени можетъ унизить свое достоинство служитель Алтаря. — Непостижимо какъ нашъ народъ,

лишенный всякаго образованія, дѣйствующій, можно сказать, болѣе наглядно, осязательно, неимѣющій, я не говорю понятія, но представленія о самыхъ простыхъ догматахъ Вѣры *), — какъ, говорю, не взирая на это совершенное невѣжество въ дѣлѣ религіи, и видя предъ собою отвратительные примѣры безнравственности въ лицѣ священнослужителей, онъ не утратилъ до сихъ поръ теплоты религіознаго чувства; явленіе весьма замѣчательное **). Что есть возможность достигнуть путемъ образованія значительнаго улучшенія въ сословіи духовенства, какъ и во всякомъ другомъ сословіи, тому служитъ доказательствомъ новое поколѣніе священниковъ, удостоенныхъ ученой степени Магистра Богословія. Я знаю человѣкъ десять такихъ Іереевъ, которые всѣ заслуживаютъ полнаго уваженія, и не только не могутъ быть сравнены съ сельскими, но со многими городскими священниками прежняго времени. Но сколь ни значительно вліяніе высокаго образованія, сколь ни велико различіе въ степени умственнаго развитія Магистра Академіи и простаго семинариста, нѣтъ сомнѣнія, что существуетъ много другихъ обстоятельствъ, которыя

---

*) Мнѣ достовѣрно извѣстно, что весьма многіе изъ нашихъ мужиковъ и бабъ не знаютъ какое было имя Матери Божіей. А есть и такіе, которые переиначиваютъ слова Символа Вѣры: „при Понтійстемъ Пилатѣ“ въ припотиснемъ пилата (sic).

**) Впрочемъ, если справедливо, что въ теченіи послѣднихъ 15ти лѣтъ число раскольниковъ возросло отъ 7м. до 13мил. то надо полагать, что недостатокъ въ хорошихъ священникахъ не остается безъ послѣдствій и въ этомъ отношеніи.

бываютъ виною безнравственности нашего деревенскаго духовенства. — Во первыхъ уже то, что въ сёла отсылаются, весьма часто, за наказаніе, священники предосудительнаго поведенія. Находясь внѣ всякаго надзора, они, вмѣсто исправленія, достигаютъ крайнихъ предѣловъ распутства и остаются очень часто при ввѣренной имъ паствѣ до конца жизни, къ великому прискорбію помѣщика и крестьянъ; или же переводятся въ другія сёла, гдѣ такъ-же безчинствуютъ; а на прежнія ихъ мѣста назначаются другіе тоже по слезной просьбѣ прихожанъ переведенные священники. Словомъ здѣсь повторяется то самое, что происходитъ такъ часто въ чиновничьемъ быту; и тяжко виновные, которые заслуживали бы примѣрно-грознаго наказанія спокойно доживаютъ свой вѣкъ. Другая причина та, что сельскій священникъ, находясь внѣ общества, въ которомъ онъ могъ бы встрѣтить полезное развлеченіе, не имѣя при томъ средствъ къ развитію, или, покрайней мѣрѣ къ поддержанію однажды пріобрѣтеннаго развитія ума, братается съ мужиками, раздѣляетъ ихъ чарку водки на праздничныхъ сходкахъ, бранится, ссорится и дерется съ ними; а когда настанетъ томительно долгая пора осенняго и зимняго времени, онъ прибѣгаетъ къ пьянству, которое составляетъ его единственную отраду .... Однако я забрёлъ слишкомъ далеко на околѣную дорогу; пора возвратится къ прямому пути.

Среднія учебныя заведенія.

Подъ средними учебными заведеніями разумѣются въ Россіи такія училища, которыя по

свойству преподаваемаго въ нихъ обученія составляютъ какъ бы переходное звѣно между первоначальнымъ и высшимъ образованіемъ. Слѣдуя сему порядку въ распредѣленіи органовъ народнаго просвѣщенія у насъ установленному, я предполагаю соединить въ настоящемъ отдѣлѣ два рода учебныхъ заведеній: тѣ, которыя сообразно общей системѣ образованія принадлежатъ къ второклассным народнымъ училищамъ, каковы училища реальныя и учительскія семинаріи, и тѣ, съ которыхъ начинается собственно ученое поприще готовящее къ высшей государственной и гражданской дѣятельности.

---

2. ВТОРОСТЕПЕННЫЯ НАРОДНЫЯ УЧИЛИЩА.

а) Училища реальныя.

Эти училища имѣютъ предметомъ приготовленіе юношества для промышленнаго, или художественнаго, или же высшаго ремесленнаго поприща, равно какъ и для тѣхъ отраслей военной и гражданской службы, которыя не требуютъ ученаго образованія. Открывая свободный доступъ ко всѣмъ путямъ практической жизни, реальныя училища учреждены съ цѣлію удовлетворить будущему призванію лицъ къ низшимъ и среднимъ сословіямъ принадлежащихъ, которыя не чувствуютъ въ себѣ расположенія къ ученой дѣятельности. Говоря о реальныхъ училищахъ, я долженъ обратить вниманіе на весьма важное обстоятельство. Изъ всѣхъ учебныхъ заведеній, не принадлежащихъ къ разряду высшаго

академическаго образованія, одни реальныя училища допускаютъ спеціальность въ направленіи учебнаго курса. Опытъ подтвердилъ въ этомъ случаѣ то, что можетъ быть доказано по самымъ началамъ раціональнаго воспитанія. Всякое реальное образованіе, ограничиваясь развитіемъ низшихъ познавательныхъ способностей, не требуетъ того строгаго приготовленія въ постепенномъ направленіи умственныхъ силъ, безъ котораго прохожденіе наукъ, принадлежащихъ къ ученому поприщу не можетъ принести никакой существенной пользы. Кромѣ того, имѣя предпочтительно въ виду приготовленіе людей къ ремесленной и промышленной дѣятельности, и, составляя въ большинствѣ случаевъ высшую ступень для образованія народнаго, реальныя училища удовлетворяютъ въ надлежащей мѣрѣ бытовымъ требованіямъ тѣхъ сословій, образованіе коихъ составляетъ преимущественную цѣль сего рода заведеній. Первоначальное учрежденіе реальныхъ училищъ относится къ той эпохи прошедшаго столѣтія, когда развитіе промышленныхъ силъ привело къ убѣжденію, что прежнее воспитаніе юношества, чисто схоластическое, не вполнѣ соотвѣтствовало этимъ болѣе матеріальнымъ условіямъ. Тогда началась борьба между новою и старою системою образованія, — борьба, окончившаяся примиреніемъ обѣихъ противныхъ сторонъ. Признано было необходимымъ удовлетворить духу времени, направленному къ промышленнымъ и коммерческимъ предпріятіямъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ общественный голосъ поддержалъ мнѣніе защитниковъ гимназическаго образованія, которые видѣли въ этомъ разсадникѣ высшаго духов-

наго просвѣщенія необходимое начало противоборства возникающему матеріализму. Такимъ образомъ на ряду съ гимназіями учреждены были реальныя школы, во многомъ сходныя по учебному курсу съ первыми, но отличающіяся отъ нихъ тѣмъ, что преподаваемыя здѣсь науки направлены болѣе къ практическимъ цѣлямъ. Въ нѣкоторыхъ германскихъ городахъ по недостатку денежныхъ средствъ для основанія особыхъ реальныхъ училищъ, учреждены при двухъ старшихъ гимназическихъ классахъ, два другіе паралельные класса для преподаванія наукъ реальныхъ, такъ что ученики, слѣдующіе сначала однообразнымъ путемъ обученія, раздѣляются потомъ, смотря по способностямъ и собственному призванію, на двѣ категоріи, изъ коихъ одни оканчиваютъ собственно гимназическое образованіе, другіе же поступаютъ въ реальные классы для исключительнаго изученія математическихъ и естественныхъ наукъ *). Это раздѣленіе воспитанниковъ одного училища на два означенные разряда, удовлетворяя современнымъ требованіямъ на счетъ реальнаго образованія, сохраняетъ съ тѣмъ вмѣстѣ существованіе гимназій, безъ которыхъ не можетъ быть и университетовъ, и не наноситъ притомъ ущерба чисто гимназическому курсу вреднымъ смѣшеніемъ предметовъ двухъ различныхъ учебныхъ поприщъ; а между тѣмъ раздѣленіе юношества на гимназистовъ, и реалистовъ совпадаетъ съ тѣмъ возрастомъ, когда юноша, достигнувъ извѣстнаго

---

*) Извѣстно, что этотъ способъ введенъ въ Гановерскомъ королевствѣ и оказываетъ самые успѣшные результаты.

развитія, въ состояніи опредѣлить выборъ того поприща, къ которому онъ себя чувствуетъ болѣе способнымъ. Реальныя училища можно считать въ нѣкоторомъ отношеніи пріуготовительными заведеніями высшихъ институтовъ сего рода, каковъ напримѣръ Берлинскій Ремесленный Институтъ.

б) Учительскія Семинаріи.

Семинаріи, называемыя учительскими, имѣютъ назначеніемъ образованіе будущихъ учителей и наставниковъ для народныхъ училищъ. Эти учебныя заведенія руководствуются въ общихъ началахъ гимназическимъ кусромъ наукъ, принаровленнымъ къ цѣли ихъ учрежденія. Въ Пруссіи существуютъ двоякаго рода Семинаріи. Однѣ имѣютъ назначеніемъ приготовленіе учителей для сельскихъ училищъ, другія для городскихъ. Сообразно сему раздѣленію, существуетъ нѣкоторое различіе въ самомъ учебномъ курсѣ. Сельское хозяйство и предметы технологическіе составляютъ неотъемлемое условіе образованія народнаго педагога.

Унасъ не существуетъ собственно ни реальныхъ училищъ, ни педагогическихъ семинарій. А между тѣмъ въ нихъ ощущается настоятельная надобность. Въ послѣднее время правительство, понявъ вѣроятно необходимость существованія реальныхъ училищъ, приступило къ измѣненію гимназическаго курса: въ слѣдствіи чего ослаблено было, въ нѣкоторыхъ изъ сихъ заведеній, обученіе древнихъ языковъ и усилено преподаваніе естественныхъ наукъ и сельскаго хозяйства; да кромѣ того чуть

ли не во всѣхъ гимназіяхъ введено преподаваніе законовѣдѣнія. Такое искуственное смѣшеніе двухъ различныхъ курсовъ, ведетъ неминуемо къ энциклопедическому смѣшенію понятій, къ шатности образованія и слѣдовательно болѣе вредитъ, чѣмъ содѣйствуетъ успѣху прочнаго воспитанія. Другая попытка, — совершенное переобразованіе гимназій въ реальныя училища несообразна съ общими условіями раціональнаго образованія такъ какъ гимназіи служатъ необходимою основою собственно ученаго поприща, въ которомъ мы нуждаемся въ одинаковой степени. Соображая съ одной стороны необходимость одновременнаго существованія реальныхъ училищъ и гимназій, съ другой же стороны, имѣя въ виду недостатокъ денежныхъ средствъ въ настоящее время, я полагою, что единственное средство, могущее согласовать, на первый случай, всѣ эти условія состоитъ въ присоединеніи къ двумъ или тремъ послѣднимъ классамъ существующихъ уже гимназій, двухъ же или трехъ паралельныхъ классовъ для реалистовъ, съ отнесеніемъ расходовъ по устройству и содержанію реальныхъ классовъ на счетъ дворянъ и купцовъ подлежащихъ губерній, какъ тѣхъ сословій, коихъ интересы прямо сопряжены съ пользою ожидаемою отъ сей отрасли образованія. Но успѣхъ сего дѣла зависитъ отъ цѣлеобразнаго распредѣленія предметовъ какъ общаго курса, такъ и спеціальныхъ классовъ гимназическихъ и реальныхъ. По этому здѣсь требуется строгое разсмотрѣніе программъ при совокупномъ участіи особенно опытныхъ и знающихъ педагоговъ.

Не меньшая надобность ощущается у насъ въ такихъ учебныхъ заведеніяхъ, которыя бы въ состояніи были приготовлять людей способныхъ къ занятію мѣстъ учителей въ народныхъ училищахъ. Отъ педагога, предназначеннаго для народнаго образованія требуются особенныя условія, хотя и не столь сложныя, но принаровленныя къ быту и складу ума простолюдина, и предполагающія въ образѣ мыслей и въ способѣ преподаванія наставника нѣкоторое направленіе, сообразное съ требованіями обучаемаго имъ сословія. — Въ качествѣ преподавателя, недоучившійся или дурно занимавшійся студентъ нашего педагогическаго института, не можетъ быть столь полезенъ для какого нибудь народнаго училища, какъ человѣкъ спеціально и прочно приготовленный для распространенія простыхъ и болѣе практическихъ знаній. Съ другой же стороны, что еще хуже, нравственные недостатки, за которые студенты означеннаго института назначаются по недостоинству наставниками въ низшія учебныя заведенія, должны непремѣнно отразиться въ ихъ отношеніяхъ съ юношествомъ, въ воспитаніи коего они принимаютъ участіе *). Слѣдовательно учрежденіе подобныхъ разсадниковъ народныхъ педагоговъ, составляетъ для насъ, въ настоящее время, условіе, безъ котораго почти невозможно и самое народное образованіе. Въ обыкновенномъ порядкѣ, такія семинаріи содержатся на счетъ каз-

*) Въ продолженіи 22хъ лѣтняго существованія Педагогическаго Института, выпущено изъ сего заведенія по 1856 годъ 575 студентовъ. Въ томъ же году находилось въ институтѣ 105 студентовъ; выпущено 37 человѣкъ.

ны на томъ основаніи, что снабженіе учебныхъ заведеній преподавателями входитъ въ кругъ непосредственныхъ обязанностей правительства. Такъ какъ въ Россіи вовсе не существуетъ сихъ заведеній, обойтиться же безъ нихъ нельзя, а между тѣмъ не представляется возможности обратить гимназіи въ семинаріи по многимъ, выше объясненнымъ причинамъ, то мнѣ кажется, что единственный въ семъ случаѣ, исходъ есть переобразованіе, на первый разъ, нѣкоторыхъ уѣздныхъ училищъ согласно сему требованію съ измѣненіемъ, разумѣется, самаго учебнаго ихъ курса.

Предположивъ руководствоваться въ сравнительныхъ посылкахъ состояніемъ народнаго образованія въ Пруссіи, могущимъ служить образцемъ устройства сего рода администраціи, привожу слѣдующія статистическія указанія объ учебныхъ заведеніяхъ къ этой категоріи относящихся. Въ 1837 году, время къ которому относится большая часть сихъ свѣдѣній, въ Пруссіи считалось: 90 высшихъ гражданскихъ училищъ (Höhere Bürgerschulen), въ нихъ 567 учителей и 11807 учениковъ. 34 Про-гимназій (Pro-Gymnasien), въ нихъ учителей 108, помощниковъ учителей 61, учениковъ 1896. Про-гимназіи соотвѣтствуютъ высшимъ гражданскимъ училищамъ; болѣе усиленное изученіе Латинскаго языка составляетъ единственное отличіе между сими заведеніями; какъ тѣ, такъ и другія достигаютъ по курсу наукъ до 2го класса курса гимназическаго. 46 Семинарій для образованія учителей (Schullehrer-Seminare), въ нихъ 2721 ученикъ.

И такъ, примѣняя изложенныя здѣсь соображенія къ нынѣшнему состоянію народнаго образованія въ Россіи, можно вывести слѣдующія два заключенія: 1е, что по недостатку такихъ органовъ просвѣщенія, которые бы прямо содѣйствовали развитію духовныхъ силъ народа сообразно относительнымъ требованіямъ низшихъ слоевъ гражданскаго общесва, можно сказать утвердительно, что у насъ еще не существуетъ народнаго образованія; и 2е, что въ настоящее время болѣе, чѣмъ когда либо, ощущается настоятельная надобность въ распространеніи разсадниковъ простонароднаго обученія и техническихъ свѣдѣній. Дѣло это столь очевидно-ясно, необходимость этой мѣры столь велика, что считаю излишнимъ входить въ подробное объясненіе всѣхъ причинъ, заставляющихъ желать успѣшное развитіе сей отрасли просвѣщенія. Чтожъ касается до органовъ народнаго образованія, то мнѣ кажется, что первая и неупустительная обязанность правительства должна состоять въ учрежденіи учительскихъ семинарій, и въ приготовленіи учениковъ духовнаго вѣдомства къ поприщу духовныхъ наставниковъ; ибо пока у насъ не будетъ людей, способныхъ обучать народъ, нельзя подумать и о настоящемъ народномъ образованіи. Съ тѣмъ вмѣстѣ слѣдуетъ сдѣлать вызовъ подлежащимъ сословіямъ на счетъ пожертвованій для основанія капиталовъ въ пользу народныхъ школъ и реальныхъ училищъ (или же паралельныхъ классовъ для реальнаго образованія). Независимо отъ посильныхъ пожертвованій сословныхъ общинъ, можно было бы пригласить всѣ общества, съ коммерческою цѣлію

учрежденныя, и учреждаемыя, что бы онѣ вносили извѣстный процентъ съ получаемыхъ ими барышей на это полезное предпріятіе. Завѣдываніе сими капиталами слѣдуетъ предоставить подлежащимъ сословіямъ, или обществамъ съ тѣмъ, что бы онѣ поручили ближайшее наблюденіе за ходомъ сего дѣла избраннымъ изъ своей среды старшинамъ, при участіи представителей дворянскаго сословія, по причинамъ выше изложеннымъ. Правительство же обязано назначить особыхъ чиновниковъ (попечителей, или ревизоровъ), которые бы сообщали нужные совѣты на счетъ приведенія въ устройство учебной части, и имѣли бы надзоръ за ходомъ преподаванія, отнюдь не вмѣшиваясь въ хозяйственныя распоряженія. Ихъ роль должна ограничиваться инспекторскимъ наблюденіемъ надъ состояніемъ училищъ, и въ тѣхъ случаяхъ, когда оказались бы какія нибудь неисправности, эти представители правительства должны поставлять о томъ въ извѣстность прежде всего уполномоченныхъ старшинъ и требовать отъ нихъ исправленія замѣченныхъ недостатковъ. Если же бы подобные протесты не были приняты во вниманіе, въ такомъ только случаѣ вмѣнить ревизорамъ въ обязанность жаловаться начальству мѣстнаго учебнаго округа. Учителя и надзиратели (смотрители), должны разумѣется получать содержаніе отъ общества. Такое, или подобное сему устройство, удовлетворяя, сколько мнѣ кажется, главнѣйшимъ условіямъ раціональной организаціи народнаго образованія, моглобы вѣроятно обезпечить и успѣхъ самого дѣла. Наконецъ я замѣчу, что не безполезно было бы ввести первое

устройство новаго, прочнаго народнаго образованія въ Петербургскомъ Округѣ, дабы центральное управленіе могло удобнѣе слѣдить за успѣхомъ сего дѣла. Вотъ нѣкоторыя соображенія, которыя я счелъ нужнымъ присовокупить къ тѣмъ, которыя уже изложены въ своемъ мѣстѣ.

Изобразивъ въ краткомъ очеркѣ значеніе главнѣйшихъ народныхъ училищъ, мнѣ предстоитъ разсмотрѣть органы высшаго образованія, составляющаго преимущественное достояніе лицъ, принадлежащихъ къ верхнимъ слоямъ общества, и тѣхъ, которые готовятъ себя къ занятіямъ, требующимъ ученыхъ познаній. Но прежде изложенія сего важнаго отдѣла, я намѣренъ, для полноты предмета, предпослать нѣсколько словъ относительно нѣкоторыхъ учебныхъ нашихъ заведеній, предназначенныхъ для высшаго образованія, и на счетъ той стороны домашняго воспитанія, которая касается приготовленія дѣтей для поступленія въ сіи общественныя заведенія.

Выше сказано, что всѣ мѣры нашего правительства по части народнаго просвѣщенія были до сихъ поръ направлены почти исключительно къ образованію должностныхъ лицъ. Правительство принимая въ учебныя заведенія дѣтей, надѣется образовать изъ нихъ способныхъ служителей, подчиняя ихъ съ ранняго возраста непосредственному своему вліянію. Родители охотно разстаются съ своими дѣтьми въ надѣждѣ, что участь ихъ на

предстоящемъ служебномъ поприщѣ упрочена. Эта обоюдная готовность, это взаимносогласное желаніе, основанное на убѣжденіи, что всякій порядочный человѣкъ обязанъ служить, и что внѣ службы онъ не можетъ быть полезенъ ни себѣ, ни отечеству, объясняется кромѣ того недостаточностію средствъ большей части родителей доставить дѣтямъ своимъ въ домашнемъ кругу приличное воспитаніе. При крайне ограниченной степени развитія нашихъ промышленныхъ силъ, при столь же неудовлетворительной степени просвѣщенія самихъ родителей, понятно, что весьма немногіе изъ нихъ предпочитаютъ воспитаніе дѣтей подъ благотворнымъ вліяніемъ родительскаго крова, тому пышному, многостороннему образованію, которое сообщается въ казенныхъ заведеніяхъ. Къ тому же родители находятся весьма часто въ совершенной невозможности принять на себя обязанности воспитателей, а нанять таковыхъ лицъ и дорого и сопряжено съ большими затрудненіями. Воспитательницъ или наставницъ (гувернанокъ) пріискать еще несравненно легче, ибо для неимущихъ ученицъ нашихъ женскихъ заведеній другаго поприща не представляется; но найти хорошаго воспитателя (гувернера), основательно приготовленнаго къ важному призванію образованія юношества, почти невозможно, по той причинѣ, что студенты университетовъ и Педагогическаго Института, слѣдуя общему стремленію, предпочитаютъ выгоды казенной службы. Отъ сего происходитъ, что молодые люди, рѣшающіеся принять участіе въ домашнемъ воспитаніи, дѣтей, стараются согласовать эти частныя

занятія съ обязанностями службы (что бываетъ обыкновенно въ столицахъ) и требуютъ притомъ за свои труды весьма возвышенную, не для многихъ родителей доступную, плату.*) Но и въ этихъ случаяхъ, участіе принимаемое ими въ дѣлѣ воспитанія ограничивается преподаваніемъ, и то не всѣхъ требуемыхъ отъ нашего юношества наукъ; нравственнымъ же воспитаніемъ дѣтей они рѣдко занимаются, да и столь же рѣдко бываютъ къ тому способны. Кромѣ того, такъ какъ при нашей неутомимой жаждѣ къ полиглотизму, изученіе иностранныхъ языковъ составляетъ неотъемлемое условіе образованія, то родители принуждены нанимать для сихъ предметовъ иностраннныхъ учителей; или же взвѣшивая всѣ эти затрудненія, предпочитаютъ нанимать иностранныхъ наставниковъ-воспитателей, которые вселяютъ въ юношество чуждые его самобытной природѣ понятія. Все это приводитъ насъ къ тому заключенію, что по сіе время на Русси еще не существуетъ настоящаго домашняго воспитанія, составляющаго первоначальную и самую важную основу того нравственнаго развитія, отъ котораго въ большей степени зависитъ будущее значеніе человѣка.

Болѣе обстоятельныя замѣчанія на счетъ неудовлетворительности нашего домашняго воспитанія сообщены будутъ въ другомъ мѣстѣ. Разсматривая въ настоящемъ случаѣ этотъ вопросъ съ внѣшней его стороны, мнѣ остается присовокупить, что домашнее воспитаніе въ Россіи ограничивается приготовленіемъ дѣтей на скорую руну къ поступленію

*) По 100 р. сер. въ мѣсяцъ и болѣе.

въ казенныя заведенія. Главнѣйшій недостатокъ сихъ заведеній заключается преимущественно въ томъ, что они неимѣютъ назначеніемъ преподаваніе предметовъ общечеловѣческаго знанія. Въ этомъ отношеніи наши гимназіи, при всей неполнотѣ ихъ курса, болѣе всего удовлетворяютъ требованіямъ приготовительнаго образованія. — Всѣ остальныя наши заведенія, принимая дѣтей съ ранняго возраста, обрекаютъ ихъ съ той уже поры какому нибудь исключительному поприщу учебной и служебной дѣятельности, весьма часто на перекоръ природнымъ способностямъ ребенка и будущему проявленію его наклонностей. Цѣль всякаго благоразумнаго воспитанія состоитъ въ преподаніи коренныхъ правилъ и началъ науки, необходимыхъ для каждаго человѣка находящагося на извѣстной ступени общественнаго быта, и въ дарованіи тѣмъ самымъ средствъ къ свободному, непринужденному развитію индивидуальныхъ способностей. У насъ же всякое подобное развитіе подавляется такою или другою формою школьной указки. Это отсутствіе раціональной системы въ воспитаніи юношества, кромѣ тѣхъ прямыхъ послѣдствій, которыя выражаются въ искуственности и непрочности образованія, — поставляетъ самихъ родителей при опредѣленіи дѣтей въ казенныя заведенія въ весьма затруднительное положеніе, и вселяетъ въ нихъ часто невольное равнодушіе къ будущей участи ихъ сыновей. При существованіи нѣсколькихъ учебныхъ заведеній, принимающихъ дѣтей извѣстнаго возраста, но различествующихъ между собою по цѣли воспитанія, многія изъ нихъ имѣютъ свои

особенныя программы, и, согласно сему, свои особенныя условія относительно познаній требуемыхъ при вступленіи. Не будь у насъ среднихъ учебныхъ заведеній съ спеціальнымъ направленіемъ, а въ смыслѣ общечеловѣческаго образованія никто не подумалъ бы загадывать и вымышлять напредъ будущее назначеніе ребенка, и не испытывалъ бы тѣхъ затрудненій, которыя предстоятъ нынѣ для приготовленія къ пріемному экзамену. По нашему выходитъ за частую, что ребенка готовили сначала, положимъ, въ училищѣ правовѣдѣнія, потомъ въ лицей, и опредѣлили окончательно въ какой нибудь корпусъ. Въ сущности оказывается, что онъ не годенъ ни въ правовѣды, ни въ бюрократы, ни въ офицеры, а изъ него вышелъ бы отличный врачъ, или не менѣе замѣчательный архитекторъ или же превосходный агрономъ. Это значитъ мѣтить въ ворону, а попасть въ корову. Наконецъ одинъ изъ главныхъ недостатковъ заведеній сего рода состоитъ въ томъ, что они, соединяя въ себѣ два курса, курсъ гимназическій, или общечеловѣческихъ познаній, съ курсомъ академическимъ т. е. высшимъ окончательнымъ изученіемъ спеціальной отрасли наукъ, посвящаютъ на прохожденіе всѣхъ наукъ сюда относящихся, время предназначаемое въ обыкновенномъ порядкѣ вещей на изученіе одного гимназическаго курса. Таковы напримѣръ училище правовѣдѣнія и Александровскій лицей. Послѣдствіемъ сей торопливости бываетъ то, что ни гимназическій, ни академическій курсъ не изучены основательно. Науки недокончены, или же нахватаны на скорую руку одни вершки, представляющіе

въ понятіяхъ молодаго человѣка несвязную пестроту, ученую арлекинаду, состоящую изъ номенклатуры звонкихъ и пышныхъ названій и фразъ, имѣющихъ для ученича-скороспѣлки значеніе какого то баснословнаго миѳа.

Указавъ на нѣкоторыя несообразности нашего домашняго воспитанія и среднихъ учебныхъ заведеній, перехожу къ подробнѣйшему разсмотрѣнію сихъ послѣднихъ.

II. УЧЕНОЕ ОБРАЗОВАНІЕ.

„На поприщѣ ума нельзя намъ отступать."

Пушкинъ.

Дѣятельность всѣхъ органовъ общественнаго образованія представляетъ, какъ сказано выше, два существенно различные вида: образованіе народное и ученое. Первый изъ сихъ видовъ разсмотрѣнъ въ предъидущей половинѣ сего отдѣла; остается разсмотрѣть вторый. Образованіе ученое, въ противоположность образованію народному, означаетъ совокупность познаній, принадлежащихъ къ области высшихъ наукъ. Но кому неизвѣстно, что одно громкое названіе такой, или другой, науки, и самое ея значеніе еще не составляютъ сущности хорошаго образованія. Свѣдѣнія сами по себѣ самыя полезныя и важныя, могутъ содѣлаться совершенно безполезными и беззнаменательными, если духовная почва учащагося не приготов-

лена для ихъ воспріятія и усвоенія, если они представляютъ быстрый скачокъ, за которымъ остался не пополненный пробѣлъ, и если наконецъ, ученикъ не чувствуетъ ни малѣйшаго влеченія къ предназначенному ему поприщу. Естественно, что чѣмъ возвышеннѣе сфера изучаемаго предмета, тѣмъ настоятельнѣе оказывается соблюденіе сихъ условій. По этому для того, чтобы изученіе высшихъ наукъ принесло истинную пользу, для того, чтобы ученое образованіе пошло̀, какъ говорится, въ прокъ, — для этого требуются три коренныя условія: запасъ предварительно нужныхъ свѣдѣній, извѣстная степень умственнаго развитія, и нѣкоторое расположеніе къ предметамъ изученія. Ученое образованіе, оканчивающееся университетскимъ или академическимъ поприщемъ, имѣетъ предметомъ строго-научное изученіе какого нибудь отдѣла, составляющаго по отношенію къ общности человѣческихъ познаній спеціальную отрасль вѣдѣнія. Между спеціальностію ученаго поприща и спеціальностію реалиста существуетъ огромная разница. Тогда какъ прохожденіе реальнаго курса не требуетъ обширныхъ приготовительныхъ познаній, и предполагаетъ лишь знаніе необходимо нужныхъ вспомогательныхъ предметовъ изъ области наукъ точныхъ, — ученое изученіе какой бы то ни было спеціальной отрасли невозможно безъ основательнаго знанія наукъ, составляющихъ общее достояніе всякаго болѣе или менѣе образованнаго человѣка и именуемыхъ, по этому самому, науками общечеловѣческими. Совокупность всѣхъ предметовъ сюда относящихся и входящихъ въ сферу образованія общечеловѣческаго

или гуманнаго, образуетъ ту прочную основу познаній, на которой зиждется спеціальность ученая. Вотъ первое условіе успѣшнаго прохожденія ученаго поприща. Но кромѣ того занятіе высшими науками требуетъ, чтобы познавательныя способности учащагося соотвѣтствовали важности изучаемыхъ предметовъ, чтобы, выражаясь просто, наука пришлась человѣку по силамъ. Такое согласіе, такая равномѣрность между продметомъ познаваемымъ и духомъ познающимъ бываетъ послѣдствіемъ стройнаго развитія умственныхъ силъ, — развитія, обусловливающаго возможность сознательнаго пріобрѣтенія и совершеннаго усвоенія учащимся, сообщаемыхъ ему познаній, и долженствующаго съ тѣмъ вмѣстѣ составлять неотъемлемое достояніе человѣка, который готовитъ себя къ высшей дѣятельности. Наконецъ третье условіе, отъ котораго зависитъ успѣхъ ученаго образованія, есть болѣе или менѣе опредѣлительное расположеніе къ той части наукъ, которой человѣкъ себя посвящаетъ. Къ чему охота, къ тому и смыслъ, говоритъ пословица. Прекословить природному расположенію, или предназначать ребенка съ раннихъ лѣтъ такому либо другому поприщу, сопряженному съ соотвѣтствующимъ сему ученымъ образованіемъ значитъ идти на перекоръ естественному саморазвитію человѣка. Развѣ можно сказать достовѣрно, что такой-то мальчикъ способенъ къ военной службѣ потому, что онъ охотно играетъ въ солдаты? или что сынъ Манилова Ѳемистоклюсъ годенъ для дипломатической части потому, что на вопросъ отца: „хочеть ли быть посланникомъ?“ Ѳемистоклюсъ отвѣчаетъ со

всѣмъ простодушіемъ глупаго ребенка: „хочу;“ или, что сынъ Добчинскаго обѣщаетъ быть хорошимъ механикомъ потому, что онъ, по удостовѣренію Петра Ивановича, фабрикуетъ при простомъ пособіи ножичка и саночки, и дрожечки, и разныя замысловатыя вещицы? Нѣтъ; плохія доказательства расположенія или нерасположенія, основанныя на преждевременныхъ, безотчетныхъ фантазіяхъ дѣтской мечты. Есть, правда, примѣры самостоятельнаго проявленія особенныхъ наклонностей къ извѣстному поприщу съ ребяческаго возраста, но примѣры эти выходятъ изъ разряда обыкновенныхъ случаевъ; они встрѣчаются въ жизни тѣхъ немногихъ замѣчательныхъ людей, которые одарены геніальными способностями или, по крайней мѣрѣ, высокимъ талантомъ; а потому примѣры эти, какъ рѣдкія исключенія, не могутъ быть приняты въ соображеніе тамъ, гдѣ рѣчь идетъ объ общихъ условіяхъ. Обыкновенно же расположеніе къ такому или другому поприщу, къ той или другой отрасли наукъ выражается опредѣлительно и окончательно въ переходную эпоху отъ юношества къ мужеству, и обнаруживается особенно ясно въ слѣдствіе раціональнаго развитія господствующихъ силъ духовной природы, когда воспитаніе ума не стѣснено преждевременно-одностороннимъ настроеніемъ, а направлено къ совокупному пробужденію всѣхъ основныхъ сторонъ мышленія, съ соблюденіемъ на пути развитія умственныхъ силъ строгой постепенности отъ низшихъ свойствъ познавательныхъ способностей къ послѣдовательно-высшей ихъ дѣятельности. И такъ успѣхъ ученаго

образованія требуетъ во 1хъ основательное знаніе наукъ, составляющихъ область познаній общечеловѣческихъ; во 2хъ, достаточное развитіе умственныхъ силъ; и въ 3хъ своевременное обнаруженіе природнаго расположенія къ предстоящимъ занятіямъ. — Этимъ-то тремъ условіямъ, безъ соблюденія коихъ изученіе высшихъ наукъ, равно какъ и дальнѣйшая дѣятельность человѣка за предѣлами учебнаго поприща, не представляютъ ручательства въ успѣхѣ, — этимъ то условіямъ, говорю, и соотвѣтствуетъ въ полной мѣрѣ образованіе гимназическое. Но независимо отъ того, что гимназическій курсъ служитъ необходимымъ искусомъ и преддверіемъ для желающаго посвятить себя окончательному изученію наукъ, образованіе гимназическое, само по себѣ, признается образованіемъ высшимъ именно по законченности учебной системы и по важному ея вліянію на развитіе и настроеніе умственныхъ силъ; а слѣдовательно и польза доставляемая гимназическимъ воспитаніемъ имѣетъ свою положительную сторону, возвышающую значеніе гимназіи на ту степень уваженія, которымъ пользуются заведенія сего рода въ Германіи, отечествѣ наукъ и образцѣ образованія. Хорошо учившійся гимназистъ, какъ человѣкъ обладающій основательнымъ запасомъ свѣдѣній, и достаточно развитый въ умственномъ отношеніи, способенъ ознакомиться въ короткое время съ занятіями его ожидающими въ служебномъ и гражданскомъ быту, и можетъ быть полезенъ на всякомъ поприщѣ.

---

1. ГИМНАЗІИ.

„Ars longa, vita brevis."
Cicero.

Опредѣливъ значеніе гимназіи и цѣль гимназическаго обученія, перехожу къ ближайшему разсмотрѣнію учебнаго поприща сего разсадника высшаго образованія. Гимназическій курсъ наукъ, долженъ быть направленъ къ равномѣрно-стройному развитію всѣхъ духовныхъ силъ, къ пробужденію мысли и сужденія, и ко взаимному согласованію главнѣйшихъ отраслей человѣческаго знанія подъ вліяніемъ путеводительной нити научнаго мѐтода. Тогда какъ реальныя школы имѣютъ въ виду, почти исключительно, матеріально — практическую сторону жизни, — образованіе гимназиста должно имѣть цѣлію верховную дѣятельность духа. Умственныя способности техника могутъ ограничиваться кругозоромъ познаванія разсудочнаго; понятія человѣка, готовящагося къ ученому поприщу должны быть настроены къ мышленію разумному. Роль техника есть подчиненіе своему искуству грубаго матеріала; его цѣль заключена въ предѣлахъ матеріализма; призваніе ученаго есть познаніе идеи, которой принадлежитъ господство надъ матеріею, — его стремленіе заключается въ осуществленіи различныхъ сторонъ сего господства. Изъ сего слѣдуетъ, что выборъ предметовъ, входящихъ въ программу гимназическаго курса долженъ соотвѣтствовать предположенному развитію ума, — развитію направленному къ болѣе возвышенной сферѣ познаванія.

Гимназическое образованіе, будучи съ давнихъ поръ основано преимущественно на изученіи древнихъ языковъ греческаго и латинскаго, какъ такихъ предметовъ, которые въ эпоху учрежденія гимназій, составляли главное условіе раціональнаго воспитанія, получило наименованіе классическаго. Съ того времени, школа реалистовъ произвела въ системѣ образованія, какъ замѣчено выше, весьма важный переворотъ. Возставъ противъ крайностей прежней схоластики не отвѣчавшей требованіямъ времени, она проложила себѣ новый путь между органами общественнаго просвѣщенія. Это противудѣйствіе вновь проявившагося направленія умовъ имѣло тотъ полезный исходъ, что, обнаруживъ недостатки гимназическаго образованія, оно подѣйствовало на исправленіе сихъ несообразностей, и сблизивъ, примиривъ эти двѣ враждующія стороны человѣческаго образованія, показало необходимость существованія той и другой въ общей системѣ народнаго просвѣщенія. Стремленіе къ развитію и улучшенію промышленной дѣятельности путемъ научнымъ, нашло себѣ исходъ въ учрежденіи реальныхъ училищъ, а между тѣмъ уцѣлѣло и упрочилось окончательнымъ приговоромъ общественнаго мнѣнія, вѣковое требованіе воспитанія гуманнаго, открывающаго доступъ ко всякому поприщу. Разсмотримъ нѣсколько обстоятельнѣе сущность и условія воспитанія гимназическаго.

Образованіе человѣка имѣетъ предметомъ развитіе двухъ господствующихъ силъ его духа: — ума и воли. Развитіе это совершается подъ влія-

ніемъ тѣхъ началъ, которыя составляютъ главную основу духовной нашей природы. Изъ нихъ, первое мѣсто занимаетъ религія и неразлучныя съ нею, предписанія нравственности; это есть не гибнущее и лучшее сокровище христіанина, служащее къ образованію душевныхъ его свойствъ. За тѣмъ слѣдуютъ науки, которыя имѣютъ цѣлію воспитаніе ума. Въ семъ послѣднемъ отношеніи главная задача гимназическаго образованія состоитъ не столько въ обогащеніи воспитанника множествомъ наукъ, сколько въ цѣлеобразномъ упражненіи умственныхъ силъ, необходимыхъ для пріобрѣтенія какихъ бы то ни было свѣдѣній. Съ тѣмъ вмѣстѣ науки, составляющія гимназическій курсъ должны, по самому ихъ свойству, заключать въ себѣ условія общей примѣняемости къ важнѣйшимъ отраслямъ человѣческой дѣятельности. И такъ, учебный курсъ гимназіи имѣетъ какъ бы двоякую цѣль: развитіе тѣхъ способностей, которыя составляютъ умственный капиталъ, равно необходимый для всякаго человѣка, и преподаваніе такихъ предметовъ, знаніе коихъ можетъ быть примѣнено ко всякому дѣлу. Это произвольное раздѣленіе по цѣли, составляетъ въ сущности одно цѣлое. Программа гимназическаго ученія должна быть составлена въ томъ видѣ, чтобы оба эти требованія могли быть одновременно согласованы и удовлетворены. Какія же науки удовлетворяютъ ближе всего означеннымъ требованіямъ? Для обстоятельнаго разрѣшенія сего вопроса надлежитъ предварительно обратиться къ существенной основѣ умственныхъ силъ, развитіе и упражненіе коихъ обусловливаетъ достиженіе главной

цѣли ученаго образованія. Сфера умственной дѣятельности есть мышленіе. Таясь, какъ зародышъ, въ природной почвѣ нашего духа, мышленіе требуетъ ухода и воздѣлыванія, облегчающаго процессъ его развитія, и дающаго ему надлежащее направленіе. Правильное и ясное мышленіе служитъ главною основою и руководителемъ ума на всѣхъ путяхъ его обширнаго поприща. Въ числѣ научныхъ способовъ служащихъ къ постепенному образованію умственныхъ силъ, первое мѣсто принадлежитъ несомнѣнно наукамъ математическимъ, которыя, изощряя разсудочную сторону ума, пріучаютъ его быть опредѣлительнымъ, точнымъ и послѣдовательнымъ въ частныхъ выводахъ. Второю ступенью для развитія умственныхъ способностей служитъ языкознаніе, посредствомъ коего мы познаемъ, такъ сказать, эмпирически законы мышленія. — Языкъ есть живой органъ, одушевленная форма, въ которой отражается и выливается мысль. Ознакомленіе съ сею формою ведетъ къ уразумѣнію тѣхъ пріемовъ, той наружной оболочки внутренняго духовнаго процесса, посредствомъ коихъ высказывается мышленіе, выражается понятіе. Чѣмъ языкъ обработаннѣе, чѣмъ степень его развитія совершеннѣе, тѣмъ большей надо ожидать отъ него пользы въ дѣлѣ умственнаго развитія. Вотъ почему латинскій и греческій языки служили, и служатъ по сіе время, одною изъ главныхъ основъ гимназическаго курса. Первый по необыкновенно строгой послѣдовательности и отчетливости словопроизводства и словосочиненія; вторый, по неимовѣрному богатству и разнообразію своихъ формъ. По симъ то

причинамъ эти несокрушимые памятники, свидѣтельствующіе объ умственной и словесной дѣятельности древняго Рима и Греціи, признаны образцовыми, и удостоены наименованія классическихъ. Но польза, доставляемая изученіемъ латинскаго и греческаго языка не ограничивается однимъ этимъ какъ бы наружнымъ ихъ достоинствомъ. Не забудемъ, что съ красотою, изяществомъ и опредѣлительностію древняго слова, мы почерпаемъ результаты зрѣло обдуманныхъ понятій, изъ коихъ весьма многія сохранили и въ нашъ вѣкъ права гражданственности, не взирая на отдаленность времени, къ которому они относятся. Значитъ, и въ этомъ отношеніи изученіе латинскаго и греческаго языка способствуетъ развитію умственныхъ силъ, и составляетъ, слѣдовательно, неотъемлемое условіе гимназическаго образованія.*) Далѣе, академическое поприще, коему гимназія служитъ преддверіемъ, требуетъ основательнаго знанія древнихъ языковъ, или по крайней мѣрѣ одного латинскаго. Не говоря уже о филологическомъ факультетѣ, въ которомъ классическіе языки играютъ важнѣйшую роль, оба отдѣленія юридическаго факультета, медицинскій и восточныхъ языковъ не могутъ обойтиться безъ прочнаго знанія латинскаго языка.

---

*) Извѣстно, что обнаружившееся на западѣ мнѣніе о возможности исключенія изъ учебнаго курса латинскаго языка не только не оправдалось, но что преподаваніе сего предмета признано необходимымъ даже въ реальныхъ училищахъ. Въ Англіи, гдѣ умственная дѣятельность исключительно направлена къ матеріализму, изученіе древнихъ языковъ играетъ весьма важную роль въ системѣ высшаго образованія.

Наконецъ собственно для насъ, строгое изученіе грамматическихъ формъ древнихъ языковъ должно пополнить пробѣлъ существующій въ Русскомъ языкѣ. При неустановившейся еще опредѣлительности въ самыхъ коренныхъ началахъ нашего языка, мы не имѣли бы основательнаго понятія о грамматикѣ вообще, если бы лишены были знанія языковъ, служащихъ прототипами правильности и законченности словесной науки. Но нѣтъ сомнѣнія, что еще бо́льшее вниманіе должно быть обращено на изученіе отечественнаго языка. Возможно-основательное знаніе отечественаго языка, пріобрѣтаемое въ извѣстной степени самымъ навыкомъ, ознакомляетъ съ свое-образнымъ складомъ рѣчи и съ тѣми оттѣнками слова, которые выражаютъ отголосокъ народныхъ понятій. Для того, чтобы быть въ состояніи передать ясно и опредѣлительно свою мысль на какомъ либо языкѣ, недостаточно имѣть точное объ ней представленіе, но надо ее обдумать въ духѣ того именно языка, накоторомъ хочешъ ее выразить. Это законъ непреложный, — лингвистическая аксіома отрицательно доказываемая у насъ сплошъ да рядомъ. Русское юношество, не познавъ основательно ни по теоріи, ни на практикѣ своего природнаго слова, обучается съ ранняго возраста и одновременно нѣсколькимъ иностраннымъ языкамъ. Отъ сего языкосмѣшенія происходитъ то смѣшеніе понятій; въ слѣдствіе коего отзывается въ русской рѣчи нашего общества чуждый ея народности складъ и ладъ, свидѣтельствующій, что одинъ мыслитъ по французски, другой по нѣмецки, третій по англійски, четвертый по Италіански. Это же обстоятельство

есть одна изъ причинъ безхарактерности, или лучше сказать, недостатка своеобразности нашего образованнаго сословія. Не мѣшало бы намъ, столь наклоннымъ къ подражанію иностранцамъ, руководствоваться въ этомъ отношеніи стойкостію ихъ національнаго характера. — И такъ, для того чтобы быть въ состояніи передать опредѣлительно свою мысль на языкѣ отечественномъ, необходимо свыкнуться со всѣми его пріемами и особенностями; а для пріобрѣтенія этихъ условій надо усилить изученіе русскаго языка какъ путемъ теоріи, такъ и практическимъ навыкомъ въ чтеніи образцовыхъ произведеній отечественной словесности, и упражненіемъ письменнымъ и изустнымъ.*) Послѣднее, т. е. изустное упражненіе должно быть послѣдствіемъ письменнаго изложенія мыслей. — „Stylus magister dicendi" сказалъ Цицеронъ. Письменное упражненіе должно состоять, во первыхъ, въ переводахъ; сличеніе подлиннаго текста съ способомъ его переложенія на другую рѣчь облегчаетъ изученіе обоихъ языковъ. Главнымъ подлинникомъ для переводовъ должны служить языки классическіе, какъ по причинѣ положительнаго ихъ достоинства, такъ и по значительному ихъ сходству съ русскимъ и церковнославянскимъ языками. По этому желательно, чтобы преподаватели классическихъ языковъ были достаточно свѣдущи въ языкѣ отечественномъ для того, чтобы они могли слѣдить не только за вѣрностію смысла, но и за

*) Во всѣхъ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ существуютъ библіотеки; но многіе ли воспитанники ими пользуются?

правильностію его изложенія. Другое упражненіе въ языкознаніи составляетъ самостоятельное изложеніе мыслей на заданный предметъ. Это упражненіе, кромѣ изученія языка въ практическомъ его примѣненіи, доставляетъ еще и ту пользу, что пріучаетъ къ самодѣятельному мышленію, и удовлетворяетъ, слѣдовательно, прямой цѣли гимназическаго образованія, — развитію сужденія. При разборѣ сихъ трудовъ вниманіе преподавателя должно быть обращено прежде всего на послѣдовательность и логическую стройность изложенныхъ мыслей, потомъ уже на построеніе рѣчи и на грамматическія формы, въ которыя облечена мысль.*)

---

*) Говоря о необходимости болѣе основательнаго изученія отечественнаго языка, нельзя не выразить желанія, чтобы нашъ языкъ былъ постепенно обогащаемъ какъ въ словосочинительномъ (синтаксическомъ), такъ и въ словопроизводномъ (этимологическомъ) отношеніи замѣненіемъ иностранныхъ словъ и оборотовъ, выраженіями собственно русскими, которыя могутъ и должны быть почерпнуты изъ самороднаго источника разработкою древнихъ памятниковъ нашей письменности, и критическимъ поясненіемъ выраженій доселѣ темныхъ, неразгаданныхъ. Извѣстно, что этимъ путемъ обогатились многіе Европейскіе языки, особенно романскаго корня. Всякое новое слово и выраженіе вводитъ въ сферу мышленія новое понятіе, которое тогда только получаетъ законную гражданственность въ народномъ духѣ, когда оно заимствовано изъ языка отечественнаго. Степень развитія народныхъ понятій отражается въ языкѣ, служащемъ орудіемъ мысли; это близкое отношеніе мысли къ рѣчи ея выражающей, объясняетъ слова Гегеля, который сказалъ, что онъ почерпнулъ свои философскія начала въ духѣ нѣмецкаго языка. Пока мы не будемъ въ состояніи выражать на нашемъ природномъ нарѣчіи понятій, занимаемыхъ нами у западныхъ народовъ, до тѣхъ поръ эти понятія

Смотря на гимназическое воспитаніе съ той общечеловѣческой стороны, о которой говорено въ началѣ сего отдѣла, т. е. съ точки зрѣнія образованія гуманнаго, состоящаго въ развитіи понятій, составляющихъ общее достояніе, общую основу духовной нашей природы, я старался объяснить необходимость основательнаго изученія языковъ, такъ какъ слово и рѣчь служатъ живыми проводниками представленія и понятія. Но для того, чтобы предполагаемая цѣль была вполнѣ достигнута, образованіе гимназиста, въ этомъ отношеніи, не можетъ ограничиваться однимъ языкознаніемъ; знаніе языка ознакомляетъ только со внѣшнею стороною мышленія и понятій, но не ведетъ еще къ положительному вѣдѣнію законовъ мышленія и свойства понятій. Для этого существуетъ другая наука, — философія. Польза сей науки столь велика, что обстоятельное и всестороннее изслѣдованіе необходимости преподаванія сего предмета, повело бы къ обширнымъ разсужденіямъ несовмѣстнымъ съ узкою рамою предлежащаго труда. По этому я долженъ ограничить мои соображенія одними намёками на существеннѣйшіе стороны сего вопроса. Во первыхъ слѣдуетъ замѣтить, что по вышеизложенному плану гимназическаго образованія, исключеніе философіи изъ учебной программы гимназиста,

---

не будутъ нами вполнѣ усвоены. Заимствуя у иностранцевъ плоды просвѣщенія, мы должны выработывать ихъ въ горнилѣ самобытнаго духа и отечественнаго языка. Въ противномъ случаѣ добытыя наукою сокровища будутъ въ постоянномъ разладѣ съ началами народности, или же будутъ только искуственно пріурочены къ нашей природной почвѣ. —

оставило бы незамѣнимый пробѣлъ въ общей системѣ сего воспитанія; незаконченность же въ образованіи, нарушая должную гармонію въ цѣломъ его составѣ, останавливаетъ успѣхъ дѣла на половинѣ пути. Далѣе, надо имѣть въ виду, что курсъ гимназическій служитъ, для многихъ, приготовленіемъ къ высшему академическому образованію. А тотъ, кто посвящаетъ себя окончательному, ученому поприщу, по какой бы то ни было отрасли наукъ, не ознакомившись предварительно съ общими философскими началами оживляющими фактическія свѣдѣнія, связующими и соблюдающими всѣ отрасли человѣческаго вѣдѣнія въ стройномъ, согласномъ созвучіи, тотъ врядъ ли будетъ въ состояніи усвоить себѣ понятія предмета имъ изучаемаго и общее его значеніе въ системѣ другихъ наукъ. Наконецъ; мнѣ кажется, что въ настоящее время предстоитъ особенная, настоятельная необходимость усилить преподаваніе философіи уже потому, что намъ приходится противоборствовать вѣковымъ нашимъ порокамъ, и стараться о возвышеніи общественной нравственности въ такую пору, когда западное образованіе уклоняется отъ пути духовной дѣятельности къ грязному матеріализму. По этому, если мы, желая обновить и возсоздать наше общество, послѣдуемъ слѣпо современному уровню Европейскаго просвѣщенія, то врядъ ли мы достигнемъ нашей цѣли. Съ другой же стороны отказаться вовсе отъ дальнѣйшихъ успѣховъ просвѣщенія, окружить мысль магическою чертою извѣстной сферы понятій, сказавъ ей: ни шагу далѣе; обречь её на застой когда ей уже данъ толчекъ, дано движеніе

поступательное, — трудно, чтобы не сказать невозможно. Значитъ, рѣшившись идти впередъ путемъ науки, мы должны искать въ ней ту сторону, ту разумную среду, которая въ состояніи согласовать враждующія начала духа и плоти, — которая можетъ противупоставить надежный оплотъ исключительно — матеріальному направленію нашихъ западныхъ современниковъ.

Допустивъ, что преподаваніе философіи въ нашихъ гимназіяхъ необходимо, остается рѣшить вопросъ: въ какомъ объемѣ долженъ быть изложенъ этотъ предметъ? *) Соображая условія гимназическаго образованія съ важнѣйшими отдѣлами философскихъ

*) Въ первой четверти нынѣшняго столѣтія обращено въ Германіи особенное вниманіе на изученіе этой науки въ гимназіяхъ. Еще въ 1808 г. Гегель, замѣтя недостаточность философскаго образованія въ гимназистахъ и молодыхъ людяхъ, поступающихъ въ университеты, занялся составленіемъ краткаго руководства для изученія основныхъ началъ философіи по всѣмъ отраслямъ сей науки. Этотъ сжатый очеркъ всей системы его обширнаго ученія, предназначенный для гимназическаго курса, извѣстенъ подъ названіемъ философской пропедевтики (Philosophische Propädeutik. Berlin 1840) и раздѣленъ на три курса, изъ коихъ низшій имѣетъ предметомъ основныя понятія о правахъ, обязанностяхъ и религіи (Rechts-Pflichten- und Religionslehre) т. е. необходимыя начала нравственной философіи; средній курсъ посвященъ феноменологіи духа (Phänomenologie des Geistes und Logik) и первой, объэктивной, части логики, верхній курсъ предназначенъ второй, субъэктивной части логики, ученію объ идеѣ, и энциклопедіи философіи (Begriffslehre, Ideenlehre, Philosophische Encyklopädie). Признавая вполнѣ высокое достоинство этого творенія, я не смѣлъ бы однако предложить его въ руководство для нашихъ гимназій, ибо считаю этотъ компендіумъ почти недоступнымъ безъ пособія вполнѣ свѣдущихъ истолкователей, которыхъ у насъ, вѣроятно, не много.

наукъ, мнѣ кажется, что гимназическій курсъ философіи долженъ въ себѣ заключать: 1. формальную часть логики, 2. эмпирическую психологію и 3. краткое изложеніе нравственной философіи. Эти вполнѣ доступные для юношескаго возраста предметы, удовлетворятъ достаточно требованіямъ умственнаго воспитанія какъ въ смыслѣ образованія общечеловѣческаго, такъ и въ смыслѣ пріуготовительнаго поприща для слушанія курса академическаго.*)

Упомянувъ въ предъидущихъ замѣчаніяхъ о математикѣ, языкознаніи и философіи, я имѣлъ въ виду преимущественную пользу сихъ наукъ въ дѣлѣ постепеннаго и раціональнаго развитія умственныхъ способностей въ юношескомъ возрастѣ. За тѣмъ мнѣ слѣдуетъ присовокупить нѣсколько словъ относительно распредѣленія учебнаго курса. Успѣшное прохожденіе всякаго учебнаго поприща зависитъ во многомъ отъ соразмѣрнаго распредѣленія наукъ, согласно назначенію всего курса, и отъ соблюденія въ преподаваніи предметовъ той постепенности, которая отвѣчаетъ естественному развитію способностей учащихся. Другое условіе успѣха не менѣе важное, состоитъ въ томъ, чтобы главные отдѣлы учебнаго курса представляли ученикамъ извѣстныя точки опоры, на которыя бы вниманіе ихъ могло быть преимущественно направлено, и вокругъ которыхъ могли бы группироваться остальные предметы при-

*) Я вошелъ въ нѣсколько подробное разсмотрѣніе на счетъ преподаванія языковъ и философіи собственно потому, что на эти предметы, которые должны занимать важное мѣсто въ гимназическомъ курсѣ наукъ, у насъ не было обращаемо до сихъ поръ надлежащаго вниманія.

даточнаго, второстепеннаго значенія. Это правило должно быть соблюдаемо и при обученіи каждой науки въ особенности. Пренебреженіе сихъ условій составляетъ одну изъ главныхъ причинъ неосновательности нашего умственнаго воспитанія. Большая часть преподавателей, не понимая всей важности сего дѣла, останавливается на мелочахъ, не давая себѣ труда запечатлѣть предварительно въ памяти учениковъ существенные моменты науки. Отъ сего, вниманіе учащихся, будучи преждевременно обременено излишними подробностями, и разсѣяно между множествомъ предметовъ, блуждаетъ ощупью въ этомъ лабиринтѣ правилъ, исключеній, фактовъ, чиселъ, не имѣя руководительной нити для выхода; а между тѣмъ умственныя силы, разбросанныя, при первоначальномъ ихъ развитіи, теряютъ свѣжесть соображенія, бодрость и охоту къ ученію.

Примѣняя упомянутыя аксіомы учебной педагогіи къ разсматриваемому здѣсь случаю, я нахожу, что въ низшихъ классахъ гимназическаго курса должно преобладать обученіе математики, въ среднихъ преподаваніе языковъ, въ верхнихъ же преподаваніе философскихъ предметовъ. Такимъ же образомъ можно было бы согласовать эти условія умственной діететики и при соединеніи въ одномъ училищѣ реальнаго курса съ гимназическимъ посредствомъ паралельныхъ классовъ. Математическіе предметы, составляя общее требованіе какъ для реалиста, такъ и для гимназиста, не могутъ представить затрудненія. Преподаваніе латинскаго языка реалистамъ, можетъ быть ограничено однимъ кур-

сомъ; въ остальное же время, употребляемое гимназистами на изученіе сего предмета, реалисты могутъ быть заняты одною изъ наукъ къ ихъ курсу принадлежащихъ и необязательныхъ для курса гимназическаго, какъ напримѣръ сельское хозяйство, или технологія. Наконецъ преподаваніе философіи, принадлежащее собственно къ высшимъ классамъ гимназіи, совпадаетъ съ окончательнымъ раздѣленіемъ курса на паралельные классы, и, слѣдовательно, вовсе до реалистовъ не касается. Не входя въ болѣе подробное разсмотрѣніе сего предмета, я замѣчу однако, что упомянутое правило на счетъ распредѣленія предметовъ, должно быть наблюдаемо равнымъ образомъ по отношенію къ каждому классу (полному годовому курсу) учебнаго заведенія, дабы воспитанники занимались по перемѣнно однимъ изъ главныхъ предметовъ въ болѣе усиленныхъ размѣрахъ, сообразно значенію такого предмета въ общей системѣ гимназическаго образованія и примѣнительно къ общимъ условіямъ возраста и степени умственнаго развитія учащихся.*) Затѣмъ, прочія науки должны быть распредѣляемы по относительной ихъ важности, и по разсчету остающагося времени, но безъ излишняго отягощенія умственныхъ силъ. Лучшее довольствоваться нѣсколько сжатымъ изложеніемъ, которое могло бы оставить неизгладимые слѣды въ памяти и соображеніи воспитанника, чѣмъ обременять его чрезъ чуръ

---

*) По разсчету времени, преподаваніе какого нибудь предмета называется усиленнымъ, когда на то посвящается отъ 6ти до 7ми часовъ въ недѣлю.

подробными мелочами, имѣющими обыкновенно весьма эфемерное существованіе въ умѣ учащагося. Еще надо замѣтить, что успѣхъ ученія зависитъ равнымъ образомъ отъ распредѣленія уроковъ въ такомъ порядкѣ, который бы не допускалъ напрасной траты времени, ничѣмъ не вознаградимаго, особенно въ юношескую пору жизни. Какъ число предметовъ, такъ и самый объёмъ ихъ преподаванія, должны быть разсчитаны съ математическою точностію, дабы ни въ одномъ изъ нихъ не оказалось ни промежутковъ времени, въ теченіи коихъ позабывается выученное, ни скачковъ, прерывающихъ нить науки. Самое число предметовъ должно соотвѣтствоватъ требованіямъ пріемнаго экзамена въ университеты съ присовокупленіемъ философскихъ наукъ, нынѣ исключенныхъ изъ гимназическаго курса, но которыя, помнится мнѣ, были прежде обязательны. Теперь обращаюсь къ настоящему положенію учебнаго курса нашихъ гимназій.

Сколько могу судить по нѣкоторымъ мною собраннымъ свѣдѣніямъ, мнѣ кажется, что наши гимназіи далеко не отвѣчаютъ истинному значенію сихъ учебныхъ заведеній. Вотъ примѣры, на которыхъ основано мое сужденіе. Беру на удачу двѣ программы наукъ, требуемыхъ для поступленія въ первые четыре класса Петербургскихъ гимназій Iй и IIIй. Для поступленія въ Iю гимназію требуется нѣкоторое знаніе нѣмецкаго и французскаго языка съ самаго перваго класса; въ IIIи гимназіи знаніе этихъ языковъ дѣлается обязательнымъ лишь со 2го класса. Вмѣсто того, для поступленія въ 3й классъ IIIй гим-

назіи надо выдержать испытаніе въ латинскомъ языкѣ, а для поступленія въ 4й классъ тоге же заведенія требуется испытаніе въ греческомъ языкѣ. Въ 1й же гимназіи преподаваніе латинскаго языка начинается съ 4го класса, а греческій языкъ, кажется вовсе не входитъ въ программу этого заведенія. На оборотъ, въ 1й гимназіи преподается естественная исторія и общія понятія этой науки требуются при поступленіи во 2й классъ, въ программѣ же IIIй гимназіи предметъ этотъ вовсе не обозначенъ. Каное вывести заключеніе изъ этого разногласія въ курсѣ наукъ двухъ заведеній имѣющихъ одинаковое значеніе? Одно изъ двухъ: либо это разногласіе есть дѣло случайности, зависящей отъ индивидуальнаго воззрѣнія того или другаго директора гимназіи; либо оно доказываетъ, что во мнѣніи высшаго начальства на счетъ цѣли и условій учебнаго курса сихъ заведеній еще не установилась положительная оцѣнка. Но вотъ еще одно замѣчаніе основанное на тѣхъ же двухъ программахъ. Знаніе исторіи становится обязательнымъ лишь для поступленія въ 4й классъ обѣихъ упомянутыхъ гимназій. Эти историческія свѣдѣнія ограничиваются общимъ очеркомъ исторіи Русской съ хронологическимъ указаніемъ главныхъ событій, и древнею исторіею Африканскихъ и Азіатскихъ народовъ. Значитъ, судя потому, что преподаваніе исторіи начинается съ 3го класса, и судя по возрасту требуемому для поступленія въ первые 4 класса гимназіи, можно сказать съ достовѣрностію, что гимназистъ приступаетъ къ изученію сего предмета по 15му году, или даже съ 15ти лѣтъ! Съ 15ти

лѣтъ гимназистъ принимается изучать первые историческіе азы о томъ, кѣмъ введена Христіанская вѣра въ Россію? въ которомъ году? какими походами прославился Киръ? чѣмъ были знамениты Египтяне? и проч. о Грекахъ и Римлянахъ, этихъ первообразахъ древняго гражданскаго общества, еще и рѣчи нѣтъ. Словомъ все это такъ сказать, присказка, той сказки, которая еще впереди; между тѣмъ времени остается не очень много, а сказка-то долгонька. Пока же гимнасистъ твердитъ эти начатки гражданской исторіи, онъ уже прошелъ всю ариѳметику, часть алгебры, а именно: четыре дѣйствія надъ алгебраическими количествами, и въ состояніи рѣшать вопросы, приводящіе къ уравненію 1й степени съ одною неизвѣстною. Изъ геометріи познанія его простираются до понятій о кругѣ, о хордахъ, сѣкущихъ, касательныхъ и углахъ вписанныхъ, а, по естествовѣдѣнію кромѣ общихъ свѣдѣній о физической природѣ, отъ него требуется нѣкоторое знаніе зоологіи, т. е. главныя понятія о строеніи тѣла животныхъ; раздѣленіе животнаго царства на отдѣленія, классы и разряды; описаніе важнѣйшихъ животныхъ изъ класса млекопитающихъ и птицъ; знаніе важнѣйшихъ животныхъ изъ классовъ гадовъ, животныхъ безпозвоночныхъ. Гдѣ же тутъ соотносительность, гармонія въ познаніяхъ, требуемая отъ гимназическаго образованія и не долженъ ли подобный безпорядокъ въ распредѣленіи учебныхъ предметовъ отразиться въ самыхъ понятіяхъ, коихъ стройное развитіе составляетъ цѣль гимназическаго курса. Вѣдь гимназія не есть реальная школа, имѣющая исклю-

чительно въ виду образованіе техника; да и съ точки зрѣнія реальнаго курса упомянутое распредѣленіе предметовъ не выдержитъ строгой критики. А при такомъ направленіи наукъ, если гимназистъ захочетъ, какъ весьма вѣроятно, занять мѣсто въ бюрократіи, то надо опасаться какъ бы онъ не вздумалъ привести къ одному математическому знаменателю гражданское общество съ тѣми семействами животныхъ безпозвоночныхъ и пресмыкающихся, которыя съ ранняго возраста составляли главные предметы его обученія. Но возвращаюсь еще разъ къ исторіи, не потому чтобы этотъ предметъ меня болѣе интересовалъ, а потому что я хочу высказать мое мнѣніе о неудовлетворительности гимназическаго курса по тѣмъ примѣрамъ, которые мнѣ случайно попались подъ руку. Между многими руководствами изданными для низшихъ учебныхъ заведеній существуетъ книга подъ заглавіемъ: „Кратная Всеобщая исторія" и проч. Н. Берте, съ замѣчаніемъ: по распоряженію Министра народнаго просвѣщеніе принята руководствомъ въ уѣздныхъ училищахъ. Сколько мнѣ извѣстно, подобное же краткое руководство составлено для тѣхъ же училищъ, и по части отечественной исторіи. Если сравнить это обстоятельство съ тѣмъ, что въ гимназіяхъ курсъ исторіи въ томъ видѣ, въ какомъ мы имѣли случай замѣтить, начинается съ 3го класса, и принявъ при томъ во вниманіе, что курсъ гимназическій составляетъ, или по крайней мѣрѣ долженъ составлять продолженіе курса уѣздныхъ училищъ, то выходитъ, что бывшій воспитанникъ уѣзднаго училища, посту-

пающій въ гимназію имѣетъ достаточно времени для того, чтобы забыть то, что онъ зналъ изъ исторіи (это въ порядкѣ вещей), и забывъ выученное за-два за-три года, онъ приступаетъ снова къ изученію того же предмета и, вѣроятно, почти въ томъ же размѣрѣ. Замѣтимъ при этомъ, что подобная трата времени и прерваніе однажды начатой науки, вредитъ не только изученію самаго предмета, но, что важнѣе, всей духовной діететикѣ учащагося. Подобные примѣры попадаются въ нашихъ учебныхъ программахъ сплошь, да рядомъ. Не идя далѣе приведу еще два примѣра все таки изъ тѣхъ же программъ. Для поступленія въ 1й классъ гимназіи требуется: изъ закона Божія необходимыя молитвы и начатки христіанскаго ученія; изъ Русскаго языка чтеніе и письмо; изъ ариѳметики первыя 4 дѣйствія; тогда какъ въ уѣздныхъ училищахъ преподается грамматика; ариѳметика, чуть ли не до тройнаго правила, если не вся; исторія, географія. Наконецъ изъ обѣихъ программъ Iй и IIIй гимназій видно, что грамматическое преподаваніе французскаго языка въ одномъ классѣ оканчивается спряженіемъ глаголовъ вспомогательныхъ, а въ слѣдующемъ за тѣмъ классѣ преподается грамматика до неправильныхъ глаголовъ (sic), это напоминаетъ не много французскую поговорку: bonnet blanc, blanc bonnet.

Вотъ замѣчанія, которыя мнѣ представились при разсмотрѣніи программъ четырехъ низшихъ классовъ Iй и IIIй С. Петербургскихъ гимназій. Сужу о томъ, что́ видѣлъ, и что́ знаю; но полагаю, что эти два, совершенно, на удачу взятые

примѣра достаточны для удостовѣренія въ нѣкоторой несообразности нашихъ гимназическихъ курсовъ. Не могу при этомъ случаѣ пройти молчаніемъ еще одно обстоятельство. Во многихъ нашихъ гимназіяхъ преподаются два предмета вовсе не принадлежащіе къ курсу наукъ сихъ учебныхъ заведеній: я разумѣю сельское хозяйство и законовѣдѣніе. Я уже имѣлъ случай замѣтить, что чисто гимназическій курсъ не терпитъ спеціальнаго направленія, которое отличаетъ обѣ поименованные науки. Языкознаніе и философскіе предметы, о которыхъ говорено выше, не имѣютъ здѣсь значенія спеціальности; они служатъ, какъ уже объяснено, средствами вспомогательными для того умственнаго развитія, которое составляетъ главную цѣль образованія гимназиста. Ни законовѣдѣніе, ни сельское хозяйство не могутъ доставить этой пользы. Законовѣдѣніе, какъ наука, принадлежитъ къ курсу юридическаго факультета, и не ограничивается буквальнымъ изученіемъ важнѣйшихъ статей свода законовъ; а изученіе одной буквы положительнаго законодательства, безъ тѣхъ придаточныхъ свѣдѣній, которыя даютъ ей настоящее значеніе, не заслуживаетъ названія науки и не должно входить въ программу учебнаго курса. „Scire leges non hoc est verba earum tenere, sed vim ac potestatem.“ 17. D. I. 3. (Законовѣдѣніе состоитъ не въ знаніи буквы закона, а въ уразумѣніи его смысла и духа законодательства.) Трудно предполагать, чтобы гимназистъ, не прошедшій университетскаго поприща, имѣлъ право при поступленіи на службу предъявлять одинаковыя требованія на равнѣ съ кандида-

томъ, а еще менѣе съ магистромъ или же докторомъ специальнаго факультета. Съ другой же стороны, для того, кто, получилъ прочное гуманное образованіе, облегчающее изученіе всякаго новаго предмета, пріобрѣтеніе буквальныхъ свѣдѣній въ области дѣйствующаго законодательства не можетъ представить ни малѣйшаго затрудненія. Вотъ отъ чего изученіе законовѣдѣнія въ продолженіи гимназическаго курса есть безполезная потеря времени, сопряженная съ ущербомъ общей гармоніи нормальнаго размѣра сего учебнаго поприща. Что же касается до сельскаго хозяйства, то обученіе сего предмета въ гимназіяхъ окажется совершенно безполезнымъ съ учрежденіемъ реальныхъ училищъ, или съ образованіемъ при гимназіяхъ паралельныхъ классовъ реальныхъ наукъ, или же наконецъ съ окончательнымъ переобразованіемъ нѣкоторыхъ гимназій въ реальныя школы.

Обозначивъ въ главныхъ чертахъ сущность гимназическаго курса, неизлишнимъ считаю сказать нѣсколько словъ о самомъ способѣ обученія вообще. Преподаваніе наукъ ученикамъ, принадлежащимъ къ дѣтскому и юношескому возрасту, представляетъ въ нѣкоторомъ отношеніи несравненно болѣе затрудненія, чѣмъ чтеніе академическихъ лекцій. Въ университетѣ или въ академіи, профессоръ не долженъ стѣсняться мелочными условіями учебной педагогіи; самое достоинство академической аудиторіи и важность предметовъ требуютъ, чтобы профессоръ читалъ свои лекціи безостановочно, не прерывая нити своихъ мыслей вопросами и замѣчаніями, которые можно было бы назвать въ семъ случаѣ

неумѣстными. Совершенно въ другомъ положеніи находится преподаватель низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній. Онъ обязанъ согласовать изложеніе предмета, имъ обучаемаго, съ возможночастою повѣркою участія, принимаемаго воспитаниками въ сообщаемомъ имъ преподаваніи, и съ надлежащею оцѣнкою ихъ знанія въ томъ, что уже пройдено. Здѣсь требуется отъ преподавателя не одно знаніе дѣла, но и снаровка искуснаго педагога. Онъ долженъ, своевременно предлагаемыми вопросами, поддерживать постоянно вниманіе учениковъ и вызывать ихъ тѣмъ самымъ къ самодѣятельному участію. Опытный и смѣтливый преподаватель имѣетъ возможность услѣдить такимъ образомъ за всѣми воспитанниками своего класса. Напримѣръ, желая испытать соображеніе, либо память ученика, или же подмѣтя, что одинъ изъ воспитанниковъ не обращаетъ должнаго вниманія на урокъ онъ озадачиваетъ слушателя неожиданнымъ вопросомъ, предложеннымъ въ связи съ излагаемымъ предметомъ; если тотъ, къ кому относится вопросъ во-все не въ состояніи отвѣтить, или отвѣчаетъ неудовлетворительно, учитель обращается съ тѣмъ же вопросомъ къ другому, третьему и т. д. Такое неожиданное испытаніе принуждаетъ воспитанниковъ по неволѣ слѣдить за урокомъ со всевозможнымъ вниманіемъ; съ другой же стороны, этотъ способъ доставляетъ преподавателю случай оцѣнить и прилежаніе и способности учениковъ. Наконецъ особенно важное достоинство сего способа преподаванія заключается въ томъ, что онъ, возбуждая одновременно участіе памяти,

соображенія и сужденія, ведетъ прямымъ путемъ къ главной цѣли прочнаго раціональнаго воспитанія, — къ самодѣятельному развитію умственныхъ силъ. По мѣрѣ достиженія сего результата, этотъ способъ обученія можетъ получить характеръ небольшихъ диспутовъ подъ руководствомъ преподавателя, который, не досказавъ, напримѣръ, своей мысли, или коснувшись предмета, прежде уже объясненнаго, прерываетъ свое изложеніе вопросомъ, и пользуется симъ случаемъ, для того чтобы возбудить между учениками небольшія пренія. Подобные вопросы могутъ быть обращаемы либо ко всѣмъ воспитанникамъ, и заключаютъ въ себѣ тогда добровольный вызовъ на разрѣшеніе предложеннаго случая, либо они относятся къ одному именно воспитаннику, потомъ къ другому, третьему и т. д., изъ коихъ каждый, ежели онъ не согласенъ съ мнѣніемъ товарища, обязанъ подтвердить выраженное имъ опроверженіе основательными доводами. Преподаватель, направляющій такіе диспуты имѣетъ возможность разнообразить ихъ до безконечности, но онъ долженъ постоянно наблюдать, чтобы споръ веденъ былъ не только съ надлежащимъ приличіемъ, но чтобы какъ мнѣнія, такъ и возраженія удовлетворяли требованіямъ науки. Кромѣ тѣхъ выгодъ, о которыхъ говорено выше, эти состязанія приносятъ еще ту пользу, что возбуждаютъ между учениками благородное соревнованіе, вселяютъ въ нихъ интересъ къ изучаемымъ предметамъ, а между тѣмъ пріучаютъ ихъ постепенно выражать свои мысли и отстаивать свои убѣжденія ясно, опредѣлительно и послѣдовательно;

а „даръ выражаться“, есть, по словамъ Карамзина, „лучшее достояніе человѣка“; но, какъ всякій даръ, онъ требуетъ упражненія и научнаго навыка. Нѣтъ сомнѣнія, однако, что предлагаемый здѣсъ способъ не можетъ быть предметомъ ежедневнаго преподаванія; если бы всѣ уроки посвѣщены были на пренія, тогда преподаватель не имѣлъ бы ни времени, ни возможности окончить въ теченіи учебнаго курса то, что входитъ въ составъ его годичной программы.

Кромѣ того не всѣ науки могутъ быть подчинены условіямъ подобныхъ состязаній. Но отъ времени до времени, и при удобныхъ случаяхъ, упражненія сего рода необходимы и всячески могутъ замѣнить съ несравненно бо̀льшею пользою наши, такъ называемыя, репетиціи, или повторенія пройденнаго. Всѣмъ, конечно, извѣстно какимъ образомъ происходятъ эти временныя испытанія. Учитель спрашиваетъ отъ доски до доски, прочитанное имъ въ теченіи извѣстнаго отдѣла учебнаго курса. Пока отвѣчаетъ вызванный воспитанникъ, тѣ изъ его товарищей, до которыхъ очередь еще не дошла твердятъ и прочитываютъ на скорую руку не спрошенные еще вопросы; многіе же, полагаясь на Русское авось и на свои быстрыя способности, во-все не готовятся передъ урокомъ, а зачитываютъ впередъ пока отвѣчаетъ ихъ товарищъ, и не рѣдко такое изученіе, какъ говорится, на шарамышку, увѣнчано бываетъ болѣе блистательнымъ, хотя и кратковременнымъ успѣхомъ, чѣмъ добросовѣстное приготовленіе ученика, не обладающаго ни счастливою памятью, ни бойкимъ умомъ. Само

собою разумѣется, что спрошенный однажды воспитанникъ обращается къ постороннимъ занятіямъ, или же погружается въ умственную дремоту. Вообще эти репетиціи или частныя испытанія имѣютъ ту важную невыгоду, что не возбуждаютъ къ самодѣятельному участію ума, а ограничиваются стереотипнымъ повтореніемъ вызубреннаго по примѣру попугаевъ урока, нѣсколько обширнаго, но не переходящаго за казенную черту того, что сказано въ такой то тетради, или въ такомъ то учебномъ руководствѣ. Наконецъ, заключаясь въ предѣлахъ извѣстнаго лишь отдѣла науки, и при томъ пассивномъ состояніи ума, которое сопровождаетъ испытанія сего рода, этотъ способъ повторенія лишаетъ науку общаго ея интереса, и представляетъ ее въ впечатлѣніи учащихся какъ бы сшитою изъ отдѣльныхъ, отрывочныхъ эпизодовъ.

Наконецъ къ изложеннымъ здѣсь замѣчаніямъ относительно курса наукъ въ гимназіяхъ и всѣхъ вообще среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, мнѣ остается присовокупить слѣдующее соображеніе. Учебный годъ въ Россіи соразмѣряется вычетомъ, изъ 365ти дней, Господскихъ, Царскихъ праздниковъ, и другаго времени, въ продолженіи коего не происходитъ преподаванія. По приблизительному, по довольно вѣрному расчету, такихъ дней въ теченіи года я насчитываю 150.*) Значитъ учебный годъ равняется

---

*) Выводъ этотъ основанъ на слѣдующемъ разсчетѣ:

Праздничныхъ дней, въ которые судебныя мѣста свободны отъ присутствія, а ученики граждан-

215ти днямъ, а общая сложность дней, подлежащихъ вычету въ продолженіи 7ми лѣтъ, составитъ 2 года и 10ть мѣсяцевъ. Слѣдовательно учебный курсъ, вмѣсто 7ми лѣтняго оказывается состоящимъ изъ 4хъ лѣтъ и 2хъ мѣсяцевъ. Этотъ разсчетъ, а также и собственныя воспоминанія о моей школьной жизни, приводятъ меня къ тому заключенію, что преподаваніе предметовъ входящихъ въ

скихъ учебныхъ заведеній освобождаются отъ уроковъ 39

(Здѣсь не сочтены праздничные дни, приходящіеся на Іюль мѣсяцъ, который я считаю вакантнымъ.)

День пріобщенія Св. Тайнъ	1
Храмовый праздникъ учебнаго заведенія	1
Каникулярный мѣсяцъ (Іюль)	31

(Каникулярное время продолжается обыкновенно 6ть недѣль, я считаю 4.)

Воскресныхъ дней за исключеніемъ Іюля мѣсяца . . .	48
Время, употребляемое на годичный экзаменъ	30
Итого .	150

Послѣднее обстоятельство требуетъ поясненія. Я вычитаю время годичныхъ экзаменовъ потому, что имѣю въ виду опредѣлить число мѣсяцовъ и дней употребляемыхъ собственно на преподаваніе, а не на повтореніе, и сравнить приблизительно число и объемъ наукъ съ временемъ дѣйствительно употребляемымъ на ихъ прохожденіе. Хотя годичный экзаменъ продолжается обыкновенно отъ 6ти недѣль до 2хъ мѣсяцевъ; но я беру въ разсчетъ 1 мѣсяцъ на томъ основаніи, что иногда при началѣ годичныхъ экзаменовъ продолжается преподаваніе неоконченныхъ курсовъ; чего впрочемъ не слѣдовало бы допускать, ибо приготовленіе къ экзамену само по себѣ уже весьма обременительно, особенно когда число предметовъ неумѣренно-велико.

программу учебнаго курса, и самое ихъ изученіе, терпятъ отъ сего значительный ущербъ. По этому я полагалъ бы необходимымъ продлить цѣлымъ годомъ нынѣ существующій 7ми лѣтній курсъ гимназическаго поприща. Кромѣ матеріальнаго выигрыша времени, предполагаемая мѣра должна оказать еще другую, не менѣе существенную, пользу. Одна изъ главныхъ причинъ непрочности нашего образованія заключается въ раннемъ его окончаніи, особенно если мы примемъ въ соображеніе нѣсколько позднее развитіе нашего юношества, зависящее отчасти отъ климатическаго вліянія, и если мы представимъ себѣ ту внѣшнюю обстановку свѣтской и будничной жизни, ту пустоту и отсутствіе умственной дѣятельности, то заразительное расположеніе къ бездѣлью, которыя составляя отличительный характеръ русскаго общества, прививаются на первыхъ порахъ къ новобранному его члену, весьма поверхностно приготовленному къ дѣльнымъ занятіямъ, и готовому на предательское забвеніе пріобрѣтенныхъ имъ познаній при первомъ столкновеніи съ обворожительными чарами свѣтскаго существованія. Не будучи надлежащимъ образомъ развиты какъ въ умственномъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи, не достигнувъ той зрѣлости возраста, которая переработываетъ и претворяетъ, въ самостоятельныя убѣжденія складъ мыслей и понятій постепенно пріобрѣтаемыхъ путемъ цѣлеобразнаго воспитанія, наши образованные скороспѣлки становятся на поприщѣ внѣ-школьной жизни людьми дѣловыми бо́льшею частію по одной лишь рутинѣ, въ сущности же весьма немногіе за-

служиваютъ наименованія людей дѣльныхъ. А чтобы отвратить это зло на будущее время, надо прибѣгнуть къ средствамъ прямо противодѣйствующимъ нынѣ существующему порядку вещей. По этому существенные недостатки настоящаго образованія, искуственность, поверхностность и торопливость, должны уступить мѣсто естественности въ развитіи духовныхъ силъ, основательности обученія и своевременности въ окончаніи учебнаго поприща . . . .

Но если, руководимый пользою, которую надо ожидать отъ прочнаго образованіе юношества, я выражаю желаніе, что бы время, предназначенное для полнаго курса наукъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, было продолжено, то что должно заключить о тѣхъ училищахъ, которыя, пользуясь правами перваго разряда, пытаются совмѣстить, въ продолженіи тѣхъ же 7ми и 6ти лѣтъ, *) оба курса, — гимназическій и академическій! Вѣдь одна обширность учебной программы не можетъ служить мѣриломъ образованіе; напротивъ, чѣмъ программа обширнѣе, а время ограниченнѣе, тѣмъ, значитъ, неосновательнѣе преподаваніе и самое изученіе; лучше знать поменьше, но твердо, чѣмъ много, да кое-какъ. Я замѣтилъ предъ симъ, хотя, быть можетъ, мнѣ и неудалось того доказать, что семилѣтній срокъ не достаточенъ для одного гимназическаго курса. Какъ-же согласовать два курса, общаго и спеціальнаго образованіе, въ продолженіи того же 7ми лѣтняго или даже 6ти лѣтняго срока. Да предполагая, что

*) Училище правовѣдѣнія и Александровскій лицей.

воспитанники, обучающіеся въ сихъ заведеніяхъ все юноши геніальные и степенные, а не тѣ легкомысленные и шаловливые школьники, которые изъ домашняго ~~нуфса~~ круга выносятъ расположеніе къ бездѣлью и суетности, то и въ такомъ случаѣ врядъ ли бы вышло, что нибудь путное; энциклопедизмъ въ образованіи, неумѣренное обремененіе познавательныхъ способностей юноши тьмою предметовъ въ теченіи самаго короткаго времени, должны подѣйствовать разрушительно на умственныя силы, и хоть кого собьютъ съ толку. Правда, что отъ поступающихъ въ упоминаемыя заведенія дѣтей требуется болѣе познаній, чѣмъ отъ тѣхъ, которые поступаютъ въ гимназіи; но справедливо и то, что эти болѣе строгія требованія установлены отчасти для затрудненія доступа числу кандидатовъ, превышающему въ огромномъ размѣрѣ число ваканцій. Самый же курсъ низшихъ классовъ сихъ заведеній не отвѣчаетъ этимъ условіямъ пріемнаго испытанія, и мнѣ извѣстны многіе случаи, въ которыхъ хорошо приготовленные и прилежные дѣти позабывали, что знали прежде, дѣлались лѣнтяями и получали отвращеніе къ наукамъ собственно потому, что въ стѣнахъ сихъ заведеній имъ приходилось слушать повтореніе давно извѣстныхъ имъ азовъ.

Предомною лежитъ программа училища правовѣдѣнія. Въ ней означенъ 31 предметъ!*) Но я

---

*) 1. Законъ Божій. 2. Энциклопедія законовѣдѣнія. 3. Римское право. 4. Государственное право. 5. Уголовное право. 6. Гражданское право. 7. Межевые законы. 8. Мѣстные законы.

дѣлаю уступку и скидываю съ этого счета упражненія во французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, которыя, не знаю почему, составляютъ по этой программѣ особую науку. Въ замѣнъ этого предмета, я позволю себѣ присоединить къ валовому итогу 30ть, нѣкоторыя науки слитыя вмѣстѣ. Такъ напримѣръ, говоря о законѣ Божіемъ мы разумѣемъ обыкновенно катихизисъ краткій и пространный, священную исторію, и пожалуй, истолкованіе обрядовъ Богослуженія; хотя этотъ предметъ, занимая самъ по себѣ цѣлый годовой курсъ, могъ бы быть сочтенъ отдѣльно. Но исторія вѣры и церковное право, совключенныя въ родовое наименованіе Закона Божія, составляютъ, конечно, двѣ самостоятельныя науки. Вотъ уже 32 предмета. Такимъ же образомъ слѣдуетъ, по моему мнѣнію, считать отдѣльно минералогію и ботанику. Другое дѣло, если эти двѣ отрасли естественныхъ наукъ, вмѣстѣ съ зоологіею, преподаются въ общемъ очеркѣ подъ родовымъ наименованіемъ естественной исторіи, тогда отчего не слить ихъ въ одинъ предметъ. Но

---

9. Судебная медицина. 10. Законы о финансахъ. 11. Гражданская практика. 12. Уголовная практика. 13. Исторія Россійскаго законадательства. 14. Юридическая палеографія. 15. Психологія. 16. Логика. 17. Физика. 18. Зоологія. 19. Ботаника и минералогія. 20. Геометрія. 21. Алгебра и ариѳметика, 22. Исторія. 23. Статистика. 24. Географія. 25. Русскій языкъ и словесность. 26. Церковно-Славянскій языкъ. 27. Латинскій языкъ и словесность. 28. Нѣмецкій. 29. Французскій. 30. Англійскій языкъ, въ VII классѣ преподается для всѣхъ воспитанниковъ, а въ прочихъ классахъ только для желающихъ учиться сему языку, и притомъ въ рекреаціонное время, и 18. упражненія во французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ.

если эти три науки обозначены въ программѣ отдѣльно, то я имѣю право считать вмѣсто двухъ, три науки; такимъ образомъ можно было бы разумѣть подъ однимъ предметомъ философіи, логику и психологію; или подъ общимъ названіемъ гражданскаго законовѣдѣнія право государственное и гражданское, или еще и межевые законы, которые помѣщаются въ одномъ томѣ свода законовъ съ законами гражданскими. И такъ, отдѣливъ минералогію отъ ботаники, я досчитываю 33 предмета. Наконецъ, отдѣливъ на тѣхъ же основаніяхъ алгебру отъ ариѳметики, мы получимъ въ общемъ итогѣ 34 науки, не считая разумѣется 7 искуствъ. По всей справедливости слѣдовало бы присоединить къ сему числу еще четыре предмета, а именно словесность русскую, французскую, нѣмецкую и латинскую, такъ какъ предметъ словесности, — разборъ литературныхъ произведеній извѣстнаго народа, — составляетъ особую науку, которую нельзя считать за одно съ изученіемъ грамматическихъ правилъ языка. Но ограничимся итогомъ 34хъ наукъ; довольно и того. Тридцать четыре предмета для семилѣтняго курса, соотвѣтствующаго, по прежнему моему расчету, 4мъ годамъ и 2 мѣсяцамъ!!!... Столь сжатое составленіе общаго учебнаго плана училища правовѣдѣнія причиняетъ весьма естественно чрезмѣрное накопленіе наукъ въ каждомъ годовомъ курсѣ. Примѣромъ тому служитъ программа 2го и 1го классовъ сего училища, въ коихъ преподается по 16ти предметовъ въ каждомъ; это происходитъ именно отъ того, что при несоразмѣрномъ со временемъ числѣ наукъ, трудно соблюсти раціональное

ихъ распредѣленіе. Лишь бы только пройти всѣ предметы, внесенные въ программу, а о правильномъ ихъ размѣщеніи не только по годичнымъ курсамъ, но и между младшимъ и старшимъ курсами, и подумать нельзя. Такимъ образомъ науки собственно юридическія (спеціальныя) перемѣшаны съ науками гимнизическими (вспомогательными, или пріуготовительными), и выходитъ ни то, ни сё; ни гимназическій ни академическій курсы не пройдены основательно, а нахватаны одни вершки того и другаго.

Столь же еффектна по обилію предметовъ программа Александровскаго лицея съ тою замѣчательною разницею, что почти тоже число наукъ, что въ училищѣ правовѣдѣнія, совмѣщается въ лицеѣ въ 6ти лѣтнемъ курсѣ. По программѣ сего заведенія значится всего 29 предметовъ;*) но по причинамъ выше изложеннымъ приразсмотрѣніи учебнаго курса училища правовѣдѣнія, я позволю себѣ отдѣлить алгебру отъ геометріи, логику отъ психологіи, и кромѣ того финансовое право, которое

---

*) 1. Законъ Божій. 2. Математика. 3. Зоологія. 4. Исторія. 5. Географія. Языки. 6. Русскій. 7. Славянскій. 8. Латинскій. 9. Нѣмецкій. 10. Французскій. 11. Англійскій (и столько же курсовъ словесности). 12. Чистописаніе. 13. Рисованіе. 14. Физика. 15. Архитектурное черченіе. 16. Психологія и Логика. 17. Химія. 18. Статистика. 19. Энциклопедія права. 20. Римское право. 21. Государственные законы Россійской ИМПЕРІИ, 22. Исторія Русскаго права. 23. Гражданская архитектура 24. Каноническое право. 25. Практическая механика. 26. Политическая экономія. 27. Сельское хозяйство. 28. Гражданское право и судопвоизводство, и финансовое право. 29. Уголовное право и судопроизводство. Просто рука устала, выписывая эту нескончаемую программу.

неизвѣстно почему слито въ одинъ предметъ съ гражданскимъ правомъ и судопроизводствомъ. Итого выходитъ 32 предмета; а за исключеніемъ чистописанія и рисованія, все же останется не 29, а 30 предметовъ, не считая курсовъ словесности, которая здѣсь, какъ и въ училищѣ правовѣдѣнія, признается за одинъ предметъ съ грамматическимъ изученіемъ языка. И такъ 30ть предметовъ на 6ти лѣтній курсъ; или 30ть предметовъ на 3 года и 7 мѣсяцевъ собственно учебнаго курса; легко сказать но не легко себѣ представить возможность основательнаго изученія при такихъ условіяхъ. Слѣдовательно, по числу предметовъ, и по ограниченности времени, предназначеннаго на ихъ изученіе, лицей можетъ быть поставленъ на одну доску съ училищемъ правовѣдѣнія. Но во многихъ отношеніяхъ лицей перещеголялъ. Такъ напримѣръ во 2мъ классѣ сего заведенія число преподаваемыхъ предметовъ доходитъ до 17ти. Далѣе, въ программѣ лицея значится, что зоологія читается на французскомъ языкѣ (съ присовокупленіемъ слѣдующихъ словъ) и составляетъ 4й урокъ на семъ языкѣ; надо полагать, что въ этомъ заключается особенное достоинство, въ противномъ случаѣ не было бы, вѣроятно сдѣлано такого примѣчанія. Но болѣе всего замѣчателенъ общій конспектъ всего курса, въ которомъ всѣ науки, преподаваемыя въ семъ заведеніи, распредѣлены на отдѣленія, какъ бы для показанія, что учебный курсъ лицея вмѣщаетъ въ себѣ нѣсколько факультетовъ, составляющихъ здѣсь общее достояніе всѣхъ воспитанниковъ; кажется не чѣмъ бы хвалиться: qui trop embrasse,

mal étreint. Не могу не обозначить эти отдѣленія и предметы къ нимъ относящіеся, не взирая на то, что приходится снова переписывать эту непомѣрно-длинную программу. Всѣхъ отдѣленій считается шесть: 1. Богословское и философское (Законъ Божій, логика, психологія), 2. Математико-Физическое, (математика, физика, химія, практическая механика), 3. Словесное (языки русскій, славянскій, латинскій, французскій, нѣмецкій и англійскій), 4. Камеральное (исторія, географія, статистика, политическая экономія, сельское хозяйство), 5. Юридическое (энциклопедія права. Римское право. Исторія Русскаго права. Государственные законы Россійской ИМПЕРІИ. Гражданскіе законы и судопроизводство. Финансовое право), 6. Графическое?! (гражданская архитектура, черченіе, рисованіе, чистописаніе).*) Графическаго отдѣленія, сколько мнѣ извѣстно, не существуетъ ни въ какомъ университетѣ, и по какой причинѣ гражданская архитектура отнесена въ графическое отдѣленіе, тогда какъ обыкновенно она входитъ въ составъ камеральныхъ наукъ. Правда, что безъ помѣщенія сего предмета въ ту категорію, къ которой онъ отнесенъ въ лицейской программѣ, трудно было бы составить наукообразное отдѣленіе.

Итъ этого краткаго очерка курса наукъ училища правовѣдѣнія и Александровскаго лицея оказывается, что существенный недостатокъ, свой-

*) См. Памятная книжка Императорскаго Александровскаго лицея на 1856—1857 годъ. Стр. 68.

ственный учебному плану обоихъ сихъ заведеній заключается въ усиліи соединить образованіе гимназическое и университетское въ промежуткѣ времени, которое едва, едва достаточно для сколько нибудь основательнаго изученія наукъ гимназическихъ; — желаніе неудобоисполнимое, не сбыточное, неестественное. Кромѣ того, учебное поприще училища правовѣдѣнія, приготовляя воспитанниковъ дѣтскаго возраста спеціально-ученому назначенію, противорѣчитъ условіямъ раціональнаго воспитанія, о которыхъ говорено выше. За то это заведеніе можетъ похвалиться тѣмъ, что оно преслѣдуетъ, хотя и ошибочнымъ путемъ извѣстную цѣль опредѣлительно выраженную въ названіи сего училища и въ самой его программѣ. Тогда какъ Александровскій лицей, совмѣщая гимназическій курсъ съ университетскимъ въ течени 6ти лѣтняго учебнаго поприща обнимаетъ общность наукъ, входящихъ въ составъ 5ти самостоятельныхъ отдѣленій университетскаго курса, съ присовокупленіемъ еще какого-то графическаго отдѣленія. Недостаетъ еще военныхъ наукъ, для того чтобы образовать изъ лицеистовъ людей, какъ говорится, на всѣ руки.

Я знаю что какъ изъ училища правовѣдѣнія, такъ и изъ Александровскаго лицея вышло много людей, которые по умственнымъ и нравственнымъ своимъ качествамъ оправдали ожиданія попечительнаго начальства сихъ заведеній. Но я личностей не касаюсь, а разбираю исключительно одни условія учебнаго курса, и ссылаюсь при этомъ случаѣ на то, что уже сказано мною по поводу разсмо-

трѣнія общихъ недостатковъ нашей системы образованія. *)

Окончивъ изложеніе главнѣйшихъ замѣчаній, которыя я счелъ нужнымъ сдѣлать на счетъ среднихъ учебныхъ заведеній, мнѣ предстоитъ разсмотрѣть существеннѣйшія стороны образованія университетскаго, но прежде сего надлежитъ пополнить весьма важный пробѣлъ настоящаго труда; я разумѣю вопросъ о воспитаніи нравственномъ, которое въ смыслѣ руководства подъ надзоромъ наставника, должно быть окончено предъ вступленіемъ молодаго человѣка на академическое поприщѣ. Это обстоятельство оправдываетъ причину, побудившую меня отложить разсмотрѣніе сего вопроса до окончанія настоящаго отдѣла, заключающаго собою основу самыхъ коренныхъ началъ всей системы общечеловѣческаго образованія.

Вопросъ о нравственномъ воспитаніи принадлежитъ къ числу тѣхъ обширныхъ предметовъ, о которыхъ сколько ни думай и не говори, все еще останется много недодуманнаго и недосказаннаго, Это объясняется тѣмъ, что не только всякій воспитатель занимающійся этимъ дѣломъ ex professo; но всякій отецъ семейства, всякая мать имѣютъ множество случаевъ подмѣтить нѣкоторые оттѣнки, нѣкоторые для постронних лицъ почти неуловимые черты изъ характера своихъ дѣтей, и сообщить

*) Отъ чего бы, кажется, не переобразовать училище правовѣдѣнія и Александровскій лицей въ два самостоятельные факультета юридическихъ и камеральныхъ наукъ, отдѣливъ совершенно классы академическаго курса отъ классовъ гимназическихъ.

результатъ подобныхъ наблюденій которыя служатъ весьма часто поводомъ столь же разнообразнымъ и совершенно противуположнымъ теоріямъ, сколь разнообразны и противуположны индивидуальныя воззрѣнія сихъ лицъ и частныя явленія, изъ которыхъ они почерпаютъ свои взгляды. Особенная пестрота мнѣній по этому предмету существуетъ у насъ на Руси, гдѣ по недостатку основнаго начала народности, къ личнымъ воззрѣніямъ каждаго примѣшивается еще разнохарактерность чуждыхъ русскому духу элементовъ, какъ бы насильно привитыхъ къ отечественной почвѣ. Другая существенная причина такого разлада во мнѣніяхъ по сему предмету происходитъ отъ того, что мысли о воспитаніи направлены большею частію къ указанію средствъ, а не цѣли, къ которой такія и другія средства вести могутъ. Мнѣ кажется, что слѣдовало бы дѣйствовать на оборотъ. Доколѣ исходъ нашихъ стремленій, нашихъ усилій не опредѣленъ, безполезно толковать о способахъ къ достиженію того, чего мы не знаемъ или о чемъ мы имѣемъ туманное представленіе. Это выходитъ, какъ говорятъ нѣмцы in's Blaue reden. Напротивъ того, если, отрѣшившись отъ всякихъ случайныхъ впечатлѣній, мы постараемся вникнуть въ сущность вопроса и установить коренныя положенія задачи, если, однимъ словомъ, мы опредѣлимъ цѣль нравственнаго воспитанія, тогда, я полагаю, уяснятся и упростятся въ нашихъ понятіяхъ и самыя способы, коими цѣль сія можетъ быть достигнута. Вотъ точка зрѣнія, съ которой я намѣриваюсь обсудить этотъ предметъ, составляющій въ ряду всѣхъ соображеній о народ-

номъ образованіи только часть цѣлаго, а не цѣлое. И такъ оставляя въ сторону неисчислимыя подробности, которыя составляютъ придаточныя аттрибуты сего вопроса, обратимся къ самому дѣлу.

Нравственная дѣятельность человѣка заключаетъ въ себѣ двѣ стороны, — внутреннюю и внѣшнюю; первая выражается въ намѣреніи, вторая въ дѣйствіи. Каждая изъ сихъ сторонъ, отдѣльно взятая, еще не удовлетворяетъ требованіямъ нравственности. Намѣреніе, какъ бы оно хорошо ни было неимѣетъ значенія, если оно не обнаружилось въ дѣйствительности; такъ точно и дѣйствіе самое похвальное по окончательному результату, теряетъ настоящее свое достоинство, если оно произошло случайно, а не въ слѣдствіе намѣренія, которое послужило ему поводомъ. Слѣдовательно, истинное, полное понятіе о нравственности предполагаетъ непремѣнную связь между намѣреніемъ и дѣйствіемъ. Въ этомъ переходномъ движеніи отъ намѣреній къ дѣйствію заключается вся діалектика, посредствомъ которой выработывается понятіе о нравственномъ поступкѣ. Примѣняя этотъ неизмѣнный законъ нашей духовной природы къ воспитанію мы убѣдимся, что воспитаніе нравственное должно имѣть цѣлію; во 1хъ пробужденіе сознанія, и во 2хъ развитіе воли.

Всякій человѣкъ способенъ распознавать хорошее отъ дурнаго; чувство это есть общій, свойственный всему человѣчеству, даръ Божій, который возрастаетъ или глохнетъ въ нашемъ духѣ, смотря потому воздѣланъ ли онъ, или оставленъ въ небреженіи. Значитъ первая забота воспитанія состоитъ

въ развитіи этого свойства, въ упражненіи, такъ сказать духовнаго слуха къ ясному воспріятію внутренняго голоса, всегда готоваго, какъ Ангелъ Хранитель, предостеречь человѣка отъ дурной мысли, отъ дурнаго поступка. До воплощенія Божественнаго учителя, сознаніе нравственнаго достоинства не было опредѣлено положительно, ясно, точно; мнѣнія колебались за неимѣніемъ общей точки опоры, общаго начала, могущаго примирить всякое разногласіе. Но явилось воплощенное Слово;" безъ Него ничто-же бысть, еже бысть" и разогнало мракъ невѣдѣнія. Ученіе христіанское заключаетъ въ себѣ тѣ истины, которымъ неминуемо должны покориться и подчиниться всѣ личные взгляды и убѣжденія. Вотъ на какой почвѣ должно возрастать сознаніе. Слѣдовательно, внушеніе истинъ христіанской Вѣры составляетъ тотъ краеугольный камень нравственнаго зданія, который долженъ лечь „во главу угла." Но развитіе религіозныхъ чувствъ входитъ въ число первѣйшихъ обязанностей родителей и преимущественно матерей, которыя какъ по ближайшему сочувствію къ нѣжнымъ ощущеніямъ дѣтскаго возраста, такъ и по самому своему положенію въ семействѣ, суть лучшіе, самою природою данныя, наставницы своихъ дѣтей въ эпоху первоначальнаго ихъ развитія. Мать выражаетъ собою нѣжнѣйшую сторону родительской любви, и потому всего болѣе способна сочувствовать столь же нѣжной, чистой, невинной любви ребенка, который въ первомъ еще нѣмомъ лепетѣ ищетъ теплой, безкорыстной привязанности, и, внимая материнскимъ ласкамъ познаетъ въ нихъ

то чувство, которое составляетъ основу Христіанскаго ученія. Его непорочное и воспріимчивое къ чистымъ впечатлѣніямъ сердце внемлетъ охотно Божественному слову и несравненно живѣе пріемлетъ вѣрованіе въ святую истину, чѣмъ тотъ, который уже утратилъ первоначальную простоту дѣтскаго возраста. Однако и въ воспитаніи юноши изустное поученіе не достаточно; оно должно быть подкрѣплено примѣромъ. Благой примѣръ несравненно краснорѣчивѣе всякаго наставленія, особенно въ глазахъ ребенка, который, небудучи въ состояніи постигнуть силою ума сокровенный смыслъ понятія, требуетъ неоспоримаго доказательства на дѣлѣ, нуждается въ опытномъ, наглядномъ подтвержденіи внушенныхъ ему истинъ. Здѣсь то и обнаруживается обыкновенно тотъ разладъ, то противорѣчіе между предписаніями Христіанской Вѣры и самою жизнію, между поученіемъ и примѣромъ, которые потрясаютъ основу нравственнаго воспитанія и оставляютъ въ дѣтяхъ на долгое время, если не на всю жизнь, самыя вредныя впечатлѣнія. По этому мы должны желать, чтобы родители и особенно матери, которымъ Создатель вручилъ семена будущаго духовнаго благополучія дѣтей, будущаго значенія человѣка, поняли важность своихъ семейныхъ обязанностей, святость долга, отъ исполненія коего зависитъ нравственное благосостояніе гражданскаго общества, долга, въ которомъ они даютъ отчетъ предъ самимъ Богомъ! Слѣдовательно, если, заботясь объ улучшеніи нравственной стороны общественнаго быта, мы сосредоточимъ исключительно все наше вниманіе на образованіе мужскаго

пола народонаселенія, благія намѣренія и усилія на ши не достигнутъ вполнѣ ожидаемаго результата. По этому мы должны столь же ревностно и неусыпно стараться о направленіи женскаго воспитанія къ той же преимущественно нравственной цѣли. Цѣль эта заключается не въ мишурномъ блескѣ ума, не въ наружномъ лоскѣ обращенія, отъ коихъ зависитъ успѣхъ въ свѣтѣ, а въ простотѣ, естественности понятій на счетъ истиннаго назначенія женщины, въ теплотѣ и полнотѣ чувствъ, сего перла женскаго сердца, отъ коихъ зависитъ благополучіе семейное, согласіе супруговъ, прочность первоначальнаго воспитанія дѣтей, и — вѣроятный залогъ будущаго ихъ счастія.

Обстоятельное разсмотрѣніе вопроса о воспитаніи женщины, требующее само по себѣ обширныхъ соображеній, увлекло бы меня за предѣлы, которыми, по недостатку времени, я принужденъ ограничить мои замѣчанія. По этому довольствуясь по неволѣ не многими, уже высказанными, намеками, перехожу ко второму условію нравственнаго образованія, къ развитію воли. Подъ этимъ выраженіемъ разумѣется согласованіе съ предписаніями религіи и нравственности той силы духа, которая опредѣляетъ намѣренія и движитъ ихъ къ исполненію. По этому развитіе воли и подчиненіе воли высшимъ требованіямъ разума, суть два выраженія совершенно тождественныя. Но первое опредѣляетъ точнѣе предметъ нашего изслѣдованія, и кромѣ того вполнѣ соотвѣтствуетъ самому духовному процессу, посредствомъ коего воля достигаетъ окончательно своей цѣли. Процессъ

сего развитія представляетъ въ своей постепенности слѣдующія три ступени. Первоначальное состояніе воли выражается совершенною неопредѣлительностію стремленій. Духъ рвется и мечется безсознательно, блуждая во всеобщности пожеланій и побужденій, не избравъ еще предмета для своей дѣятельности. Далѣе, ознакомившись со всѣми побужденіями ея развлекавшими, воля начинаетъ взвѣшивать ихъ относительное достоинство, даетъ предпочтеніе одному предъ другимъ, и, согласно сей цѣли, опредѣляетъ свою дѣятельность. Воля безсознательно всеобщая принимаетъ характеръ особенной самостоятельности. Но самостоятельность эта не есть положительная, а только отрицательная, ибо въ этомъ состояніи, воля особенная находится въ зависимости отъ внѣшнихъ впечатлѣній; она испытываетъ вліяніе различнаго рода побужденій, которыя существуютъ внѣ духовной ея природы и противорѣчатъ разумной ея цѣли. Воля, не возвысившись до степени полной, положительно-самостоятельной свободы, вращается еще въ сферѣ произвола. Дѣятельность человѣка ограничивается личными его видами и не переходитъ за черту своей индивидуальности. Наконецъ послѣдняя ступень развитія воли есть та, когда, отрѣшившись отъ всѣхъ стремленій, изъ-внѣ опредѣлявшихъ ея направленіе, она обращается къ самой себѣ, ищетъ проявить свое разумное назначеніе. Достигнувъ такой самостоятельности, воля перестаетъ покоряться внушеніямъ, которыя ею руководили, и подчиняетъ ихъ своему господству; она возвышается надъ тѣми приманчивыми наслажденіями,

которыя составляли всю ея цѣль. Въ этомъ періодѣ развитія воли, въ этомъ состояніи полной независимости и свободы, человѣкъ познаетъ, что всякое ограниченіе его дѣятельности видами конечными, до личныхъ его выгодъ относящимися, несовмѣстно съ достоинствомъ разумной его природы, высшимъ достояніемъ души безсмертной, оживленной искрою Божественнаго духа. Кругозоръ его стремленій расширяется. За предѣлами своей личности, прежде ограничивавшей сферу его дѣятельности, человѣкъ обозрѣваетъ безконечную область общихъ интерессовъ. Туда направляетъ онъ свои усилія, и, рѣшившись на это дѣло, онъ постигаетъ необходимость самоотверженія. Воля особенная принимаетъ сознательно характеръ общей, свободной воли. Соразмѣряя свою дѣятельность съ пользою общею, человѣкъ стремится подражать Божеству, и въ этомъ стремленіи онъ оправдываетъ истинное свое назначеніе. Между свободною волею и произволомъ, понятія о коихъ безразлично смѣшанныя, такъ часто подаютъ поводъ къ недоразумѣніямъ, существуетъ, то же различіе, что между дѣятельностію самостоятельною и зависимою. Свободная воля проявляетъ въ своемъ стремленіи обнаруженіе своего чисто разумнаго бытія, произволъ же подчиняетъ дѣйстія человѣка вліянію побужденій, несовмѣстныхъ съ указаніями его духовной природы, и дѣлаетъ его рабомъ страстей. Свободная воля указываетъ человѣку на его достоинство; произволъ обнаруживаетъ жалкую сторону его ничтожества. Свободная воля выражаетъ положительную, — произволъ отрицательную сторону

свободы. Если мы говоримъ, что человѣкъ есть существо свободное, то подъ этимъ разумѣтся свобода воли, — эта царственная принадлежность его господства надъ окружающею его природою и, что важнѣе еще, надъ самимъ собою. Можно не имѣть свободы дѣйствій и обладать притомъ свободою воли. Въ семъ смыслѣ свобода воли тождественна понятію самоотверженія. Человѣкъ приноситъ въ жертву удобства, выгоды, наслажденія своей матеріальной природы для достиженія разумной цѣли своего призванія. Высшій примѣръ самоотверженія и свободной воли оставилъ намъ Божественный Искупитель, который, испытавъ немощи плоти, поработилъ и вознесъ ее на крестъ для исполненія предвѣчнаго завѣта. Не надо тоже смѣшивать свободу воли съ безсознательною, неразумною силою воли. Это ограниченное состояніе духа, и другое однородное ему свойство, которое называютъ упрямствомъ, составляютъ одну лишь формальную, внѣшнюю сторону воли свободной, къ которой онѣ относятся какъ изображеніе предмета, къ самому предмету. — Упрямство преслѣдуетъ настойчиво задуманную мысль, иногда даже съ кажущимся самоотверженіемъ, но дѣятельность его ограничена узкою чертою одной мысли; тогда какъ свободная воля стремится высвободить себя изъ тѣснаго круга односторонности. — Можно обладать силою воли, быть способнымъ и готовымъ на изумительные, блистательные подвиги, (но именно только ради этихъ подвиговъ), и не имѣть свободной воли, которая идетъ далѣе, не останавливаясь на одномъ безсмысленномъ фактѣ, а если и совершаетъ под-

вигъ, то не для одного, такъ сказать, сценическаго эффекта, а для достиженія иной, болѣе возвышенной цѣли, для удовлетворенія предписаній разума, коего она есть живое воплощеніе.

Примѣняя діалектическій процессъ саморазвитія воли къ тремъ возрастамъ человѣческаго развитія, я нахожу, что дѣтскій возрастъ соотвѣтствуетъ первому состоянію проявленія воли: слѣпое и неопредѣленное стремленіе ко всеобщности пожеланій. Возрастъ юношескій представляетъ вторую ступень: неопредѣленное влеченіе безсознательно-всеобщей воли, начинаетъ останавливать свой выборъ на томъ или другомъ предметѣ; въ этомъ стремленіи обозначается характеръ особенности, или самостоятельности, отрицательной, зависящей отъ впечатлѣній, изъ-внѣ её опредѣляющихъ. Наконецъ возрастъ мужества есть тотъ, когда, воля, освободивъ себя отъ всякихъ внѣшнихъ побужденій, обращается къ себѣ самой и ищетъ осуществить въ дѣйствительности себя самую: человѣкъ направляетъ свои дѣйствія къ этой общей цѣли, дабы, по словамъ Апостола, придти въ зрѣлость мужа, въ мѣру полнаго возраста Христова (Еф. IV. 13.): состояніе положительной, разумной самостоятельности и полной свободы.

Всѣ эти соображенія приводятъ меня къ тому заключенію, что развитіе воли должно служить главною, самою природою данною, основою нравственнаго воспитанія. Педагогъ обязанъ руководить сей естественный процессъ саморазвитія духа, а не подавлять его мѣрами искуственными. Онъ долженъ направлять волю къ избранію предметовъ

достойныхъ ея дѣятельности, и упражнять ее постепенно въ подчиненіи матеріальныхъ удобствъ и наслажденій главнымъ цѣлямъ ея дѣятельности; но не преслѣдовать безразсудно всякое ея движеніе, безъ котораго неможетъ выработаться и опредѣлиться самостоятельность человѣка. Подобнаго рода мелочныя придирки имѣютъ вредное вліяніе не только на успѣхъ самого дѣла, но и на взаимныя отношенія воспитателя къ воспитаннику. Воспитатель, который искренно желаетъ быть полезенъ своими наставленіями, долженъ стараться завладѣть довѣріемъ воспитанника. Цѣль эта можетъ быть достигнута постоянно ровнымъ, справедливымъ и возможно кротким обращеніемъ. Къ наказаніямъ надо прибѣгать въ крайнихъ случаяхъ, съ соблюденіемъ благоразумной соразмѣрности къ степени вины. Наказаніе, несправедливо опредѣленное раздражаетъ, а не исправляетъ; но и самыя справедливыя наказанія не достигаютъ своей цѣли, если воспитатель, подвергая воспитанника такому взысканію, обнаруживаетъ злобу или хотя нѣкоторое личное нерасположеніе. Тѣже наказанія, которыя, унижая достоинство человѣка могутъ имѣть вліяніе на ослабленіе чувства самолюбія, должны быть употребляемы съ величайшею осмотрительностію; надо дорожить самолюбіемъ воспитанника, какъ однимъ изъ важнѣйшихъ двигателей въ дѣлѣ нравственнаго улучшенія. При содѣйствіи этого чувства, свидѣтельствующаго о нѣкоторомъ благородствѣ души, — чувства, составляющаго какъ въ ребенкѣ, такъ и въ юношѣ, неиспорченныхъ ложнымъ направленіемъ, правило въ ряду немно-

гихъ исключеній, — при содѣйствіи, говорю этаго чувства, искусный педагогъ можетъ во многихъ случаяхъ обойтиться безъ наказанія, а это выгода не маловажная. Чѣмъ менѣе употреблено строгихъ средствъ для достиженія желаемой цѣли, тѣмъ дѣло воспитанія прочнѣе, ибо такой результатъ доказываетъ, что не столько угроза, сколько внушеніе, не столько страхъ наказанія, сколько убѣжденіе, не столько внѣшнія побужденія, сколько искреннее сочувствіе, послужили поводомъ нравственнаго улучшенія.

Таково мое мнѣніе на счетъ цѣли и средствъ воспитанія нравственности, — мнѣніе во многомъ несогласное съ преобладающимъ воззрѣніемъ нашихъ школьныхъ педагоговъ. Главная забота русскихъ воспитателей заключается въ томъ, чтобы воспитанники ходили, какъ говорится, по стрункѣ; что бы поведеніе наружнаго человѣка соотвѣтствовало этимъ требованіямъ школьной формальности; о внутреннемъ человѣкѣ имъ дѣла нѣтъ. Наше нравственное воспитаніе состоитъ болѣе въ дрессировкѣ, во внѣшней выучкѣ, чѣмъ въ образованіи воли. Всѣ оттѣнки свойствъ и наклонностей подводятся въ нашихъ общественныхъ заведеніяхъ, подъ одну мѣрку и представляютъ какую-то искусственно слитую, сплошную массу, въ которой исключительное проявленіе особенности почитается проступкомъ. Всякая шалость, сама по себѣ невинная, но нарушающая сколько нибудь условія единожды установленнаго порядка, служитъ законнымъ поводомъ къ замѣчаніямъ, выговорамъ, а иногда и къ наказаніямъ. Чувство самолюбія вмѣ-

сто поощренія подавляется не рѣдко, въ самомъ его зародышѣ грубымъ невѣжественнымъ, оскорбительнымъ, обращеніемъ наставниковъ. Въ слѣдствіи такого анормальнаго порядка вещей, воля подавляемая въ своемъ развитіи, принимаетъ ложное направленіе. Порывы юныхъ силъ, встрѣчая упорныя преграды, либо утаиваются въ скрытности, подобострастіи, лицемѣріи, или же переходятъ въ строптивость, явное неповиновеніе и буйные поступки, для обузданія коихъ необходимость заставляетъ прибѣгать къ героическимъ средствамъ въ самыхъ сильныхъ размѣрахъ.

Наконецъ не могу не коснуться одной мѣры, составляющей характеристическую черту нашихъ учебныхъ заведеній, и которая, по моему мнѣнію, есть важный недостатокъ; а именно система затворничества. Въ большинствѣ случаевъ, наше учащееся юношество содержится въ заключеніи, безо всякаго различія возраста и предполагаемой степени умственнаго развитія по изучаемымъ наукамъ. Такъ молодые люди 18ти, 19ти, 20ти лѣтъ и даже 21 года, слушающіе преподаваніе наукъ, которыя входятъ въ программу академическаго курса, остаются въ затворѣ вмѣстѣ съ малолѣтними воспитанниками. Эта стѣснительная мѣра заключаетъ въ себѣ тотъ важный недостатокъ, что служитъ насильственною преградою къ развитію самостоятельности, которая, особенно въ нѣкоторомъ уже зрѣломъ возрастѣ, образуется въ слѣдствіи столкновенія съ людьми, непринадлежащими къ обычному вседневному кругу молодаго человѣка, и въ слѣдствіи постепеннаго ознакомленія съ жизнію заучилищною. У насъ же

выходитъ на оборотъ. Молодой человѣкъ, выйдя изъ затвора, неопытный въ самыхъ простыхъ условіяхъ жизни, не пріобрѣтшій ни малѣйшей самостоятельности, не свыкнувшійся постепенно съ мыслію о свободной, безотчетной дѣятельности внѣ надзора воспитателей, либо боязненно озирается вокругъ себя, не зная, что̀ дѣлать ка̀къ ступить на этомъ новомъ, невѣдомомъ поприщѣ; либо испытывая очарованіе разгула и простора, бросается опрометью во всѣ наслажденія куда влекутъ его внезапно пробудившіяся страсти, предается имъ безъ мѣры и губитъ цвѣтъ своей молодости. Окончательный результатъ тотъ, что въ свѣтъ и на службу поступаютъ люди незрѣлые, коихъ нравственное образованіе еще только начинается, а то что имъ по видимому внушили или старались внушить въ стѣнахъ учебнаго заведенія, оказывается мыльнымъ пузыремъ.

Окончивъ отдѣлъ предназначенный для гимназическаго образованія, я долженъ, руководствуясь принятымъ мною порядкомъ, присовокупить числительныя данныя, свидѣтельствующія о состояніи гимназій въ Россіи и въ Пруссіи. По послѣднимъ мнѣ извѣстнымъ свѣдѣніямъ у насъ считается 74 гимназіи и 3 дворянскіе института, въ коихъ обучается всего 17,868 воспитанниковъ. Число это къ общему итогу всего народонаселенія представляетъ приблизительное отношеніе 1:3582. Въ Пруссіи по статистическимъ указаніямъ Дитерици*) считалось 114 гимназій, въ коихъ обучалось 24,664 воспитанника.

*) Die statistischen Tabellen des Preussischen Staats nach der

Отношеніе собственно гимназистовъ къ общему народонаселенію Пруссіи представляетъ пропорцію 1:640.*)

---

2. УНИВЕРСИТЕТЫ.

„Въ мірѣ нравственномъ университеты дѣлаютъ у насъ тоже, что государство дѣлаетъ въ жизни общественной."

Кавелинъ.

Первоначальное значеніе университета выражаетъ понятіе общности. Происходя отъ латинскаго слова universitas, университетъ означаетъ общество людей, посвящающихъ себя наукѣ (universitas doctorum et scholarum), а также и всеобщность вѣдѣнія, составляющаго предметъ ученыхъ занятій (universitas scientiarum). Первое значеніе относится къ сословнымъ правамъ, которыя дарованы были членамъ университетовъ при самомъ установленіи сихъ органовъ просвѣщенія въ XIII. столѣтіи; второе-выражаетъ собою учрежденіе, объемлющее всю сферу наукъ, космосъ знанія и мысли, въ коемъ всѣ вопросы, до человѣческаго вѣдѣнія относящіяся, находятъ разрѣшеніе, сообразное условіямъ

---

amtlichen Aufnahme des Jahres 1843 herausgegeben von W. Dieterici Berlin 1845.

*) Отношеніе 1:603, признаваемое за нормальную пропорцію гимназистовъ къ народонаселенію Пруссіи должно, я полагаю быть основанно на совокупномъ счисленіи гимназистовъ съ воспитанниками прогимназій и семинарій, которыхъ я исключилъ изъ вышеприведеннаго разсчета.

науки. Таковъ смыслъ университетскаго образованія по тѣмъ средневѣковымъ понятіямъ, которыя послужили основою его установленія. Сообразно симъ понятіямъ и первоначальной цѣли учрежденія университетовъ, — цѣли, состоявшей преимущественно въ возстановленіи и разработкѣ познаній, завѣщанныхъ древнимъ Римомъ и Греціею, науки, входившія въ программу университетскаго курса, ограничивались сначала самымъ тѣснымъ кругомъ. Но по мѣрѣ возраставшихъ потребностей общественнаго быта, кругъ университетской дѣятельности получалъ постепенно бо̀льшій объемъ, принаравливаемый къ уровню мѣстныхъ и современныхъ условій гражданскаго общества; а съ тѣмъ вмѣстѣ науки, составлявшія предметъ преподаванія распредѣлены были между отдѣленіями, или факультетами, коихъ было сначала четыре: богословскій, юридическій, медицинскій и философскій.*) Самое раздѣленіе университетскаго курса на факультеты, — которые, по увеличившемуся въ настоящее время, числу и объему наукъ, въ свою очередь раздѣлены на разряды, — служитъ указаніемъ на то обстоятельство, что тѣ, которые посвящаютъ себя университетскому образованію, занимаются исключительно изученіемъ одной какой нибудь отрасли наукъ, составляющихъ отдѣльную область знанія, и что всеобщность вѣдѣнія есть только цѣль совокупнаго участія всѣхъ членовъ сего верховнаго

---

*) Раздѣленіе на факультеты начинается съ XIII. столѣтія; означенные 4 факультета введены были въ то время въ Парижскомъ Университетѣ, и если не ошибаюсь въ Болонскомъ.

органа просвѣщенія. Съ другой же стороны, смотря на обширность и полноту, съ которою изучаются науки по каждому разряду университетскаго образованія, можно сказать, что то же значеніе всеобщности выражается и во всякой отдѣльной отрасли познаній здѣсь пріобрѣтаемыхъ, но только не въ количественномъ, а въ качественномъ смыслѣ не столько по числу предметовъ, сколько относительно мѣры ихъ изученія. Университетскому образованію вполнѣ приличествуетъ нѣмецкое выраженіе durch und durch. Здѣсь на прочной основѣ образованія общечеловѣческаго изучаются существеннѣйшія отрасли наукъ въ полномъ ихъ объемѣ. Спеціальность предмета совмѣщаетъ въ себѣ универсальность его изученія: чаша познанія испивается до дна. Значитъ, весь запасъ свѣдѣній до той, или другой науки относящійся, все богатство познаній добытыхъ учеными изслѣдованіями и указаніями опыта, познаній, содѣлавшихся достояніемъ науки, всѣ эти дары вѣдѣнія и мысли должны быть вносимы въ сокровищницу университетскаго образованія; и притомъ познанія эти не должны ограничиваться сообщеніемъ фактовъ на вѣру, но путемъ критики. Критика отличаетъ образованіе академическое отъ гимназическаго. По этому въ область академическаго курса должны входить съ одной стороны всѣ фактическія свѣдѣнія до подлежащаго предмета относящіяся, съ другой же стороны ученая ихъ оцѣнка. Знаніе фактовъ не есть еще знаніе совершенное, человѣкъ обладающій подробными свѣдѣніями, но неумѣющій сдѣлать изъ нихъ никакого вывода, можетъ быть названъ въ

нѣкоторой степени ученымъ, но еще не вполнѣ заслуживаетъ названія образованнаго. Обладаніе однимъ запасомъ научныхъ матеріаловъ представляетъ еще нѣкоторое обособленіе, разъединеніе между предметомъ познаваемымъ и духомъ познающимъ. Мысль же, почерпнутая изъ существа самаго предмета, — эта жизненная струя, воплощающая мертвую букву, дающая ей плоть и кровь, связуя духовными узами рядъ голыхъ фактовъ, вводитъ учащагося въ сферу понятій, возводитъ познанное до степени сознаннаго. Слѣдовательно пріобрѣтеніе однихъ фактическихъ свѣдѣній не составляетъ главную задачу курса академическаго; свѣдѣнія эти могутъ быть всегда пріобрѣтены внѣ университетской аудиторіи, и съ тѣмъ бо́льшею легкостію, когда желающій ими обогатиться обладаетъ прочною основою. Существенная же цѣль университетскаго поприща состоитъ въ высшемъ образованіи ума, въ изощреніи духовнаго взгляда, который привыкаетъ проникать предлежащій ему предметъ до коренной основы, подвергать его критическому разбору и опредѣлять настоящій его смыслъ. Это настроеніе ума, эта осмотрительность въ оцѣнкѣ изслѣдуемаго предмета, эта основательность сужденія и составляютъ лучшее достояніе человѣка вполнѣ образованнаго, самое надежное пріобрѣтеніе умственнаго его капитала. Запасъ матеріальныхъ познаній можетъ истощиться по недостатку возможности въ обогащеніи, или въ поддержаніи его на извѣстномъ, однажды достигнутомъ уровнѣ; тогда какъ прочное настроеніе ума приноситъ обильную пользу на всякомъ поприщѣ и,

подобно истинѣ Евангельской въ сферѣ нравственности, напутствуетъ человѣка на всю жизнь. — Вотъ цѣль, къ которой должно стремиться университетское и вообще всякое академическое образованіе, Цѣль эта достигается во первыхъ спеціальностію изученія одной отрасли наукъ на твердой основѣ познаній пріуготовительныхъ или общечеловѣческихъ. Но успѣхъ спеціальнаго изученія зависитъ во многомъ отъ цѣлеобразнаго выбора и послѣдовательнаго распредѣленія предметовъ, принадлежащихъ по ихъ свойству къ области наукъ извѣстнаго факультета. Такъ напримѣръ было бы безполезно изученіе финансоваго права безъ предварительнаго знанія политической экономіи, такъ точно какъ былобы неосновательно изученіе фармацевтики до пріобрѣтенія нужныхъ познаній въ химіи, или изученіе энциклопедіи законовѣдѣнія безъ предварительнаго ознакомленія съ философскими началами, служащими основою юридическихъ понятій и т. д. Не входя въ обстоятельное изслѣдованіе сего вопроса, составляющаго предметъ методологіи, перехожу къ способу академическаго преподаванія, который равнымъ образомъ, имѣетъ большое вліяніе на успѣхъ высшаго образованія. Лекція не должна ограничиваться диктовкою ученыхъ матеріаловъ; для пріобрѣтенія такихъ свѣдѣній существуютъ книги, которыя могутъ замѣнить изустное преподаваніе. Настоящая же польза, доставляемая академическою лекціею заключается въ томъ, что профессоръ, сообщая своимъ слушателямъ послѣдній результатъ постоянныхъ своихъ трудовъ въ сферѣ изслѣдываемой имъ науки, и указывая на

предшествовавшія изысканія, ознаменовавшія постепенный ходъ ея развитія, подвергаетъ ихъ сравнительной оцѣнкѣ и объясняетъ достоинство различныхъ мнѣній или теорій. Этимъ способомъ профессоръ, въ тоже время, знакомитъ своихъ слушателей съ литтературною стороною науки, и, слѣдовательно, сокращаетъ будущіе ихъ труды при дальнѣйшемъ изслѣдованіи предмета. Далѣе, подвергая свѣдѣнія фактическія ученой критикѣ, онъ указываетъ на способъ извлеченія общихъ выводовъ изъ множества разнообразныхъ и, по видимому, разрозненныхъ явленій, пріучаетъ умъ къ самодѣятельному сужденію и возбуждаетъ критическое воззрѣніе. Кромѣ того, излагая науку въ логической послѣдовательности, опредѣляя главныя основныя положенія, и развивая ихъ въ стройную систему, профессоръ сообщаетъ уму слушателей раціональный мѐтодъ, безъ котораго ни литтературныя познанія, какъ бы обширны они ни были, ни самыя счастливыя проблески мысли никакой существенной пользы доставить не могутъ. Наконецъ значеніе академической лекціи весьма важно еще и потому, что любовь и уваженіе, одушевляющія профессера къ излагаемому имъ предмету, не замѣтно переходятъ и на слушателей, которые чрезъ это общеніе становятся болѣе и болѣе, воспріимчивы и ревностны къ обогащенію себя плодами науки. Но, независимо отъ всѣхъ этихъ условій, составляющихъ неотъемлемое свойство университетскаго образованія, нельзя не упомянуть о тѣхъ нравственныхъ преимуществахъ, которыя, составляя исключительное достояніе университета,

придаютъ ему особенно важное значеніе и имѣютъ огромное вліяніе на успѣхъ высшаго образованія. Я разумѣю духъ единства, благороднаго рвенія и братской любви, связующій студентовъ въ общемъ, магическомъ созвучіи мыслей, стремленій и чувствъ. Здѣсь, подъ вліяніемъ сего духа единенія, каждый студентъ, занимаясь своимъ предметомъ пріобрѣтаетъ сознаніе въ томъ, что онъ составляетъ часть того цѣлаго, къ которому принадлежатъ прочіе его товарищи. Такое сознаніе, возрастая и укрѣпляясь на плодотворной почвѣ науки и товарищеской дружбы, вселяетъ въ молодомъ человѣкѣ уваженіе къ другимъ отраслямъ умственной дѣятельности и предохраняетъ его отъ замкнутости и односторонности взгляда на будущее его званіе. При всемъ разнообразіи предметовъ отличающихъ одинъ разрядъ наукъ отъ другаго, и не взирая на неизбѣжное несогласіе въ личныхъ мнѣніяхъ теплое сочувствіе и единодушіе въ общемъ направленіи связуетъ и съединяетъ въ университетскомъ быту всѣхъ сотрудниковъ и сподвижниковъ на поприщѣ умственнаго труда и духовнаго братства; юристъ и филологъ, медикъ и камералистъ, философъ и математикъ братски пожимаютъ другъ другу руки, зная, что они составляютъ одну семью, одинъ тѣсный, неразрывный союзъ. Особенности, исключительности, односторонности примиряются, дружатся, сродняются подъ сѣнію святилища наукъ, при общемъ призывномъ, всеоживляющемъ словѣ истина, къ познанію которой стремятся купныя усилія питомцевъ науки. И въ этомъ дружномъ общеніи выражается отголосокъ того единства и согласія которыя,

соблюдая въ дивномъ созвучіи всѣ разнообразныя явленія природы, указываютъ на единодушіе, долженствующее руководить и направлять совокупныя усилія всѣхъ членовъ гражданскаго общества сколь ни многосторонны и ни различны, по частной цѣли и дѣятельности каждаго, случайныя особенности и условія его жизни. Всѣ эти свойства и преимущества университетскаго образованія и нравственнаго его быта даютъ сему разсаднику просвѣщенія несравненное превосходство предъ тѣми заведеніями, которыя пытаются стать на одинъ съ нимъ уровень; скажу болѣе въ дѣлѣ высшаго окончательнаго образованія нѣтъ и быть не можетъ другаго пути, кромѣ университетскаго поприща. Издавна уваженный эпитетомъ alma mater своихъ питомцевъ, и будучи верховнымъ органомъ образованія по всѣмъ отраслямъ науки, университетъ заслуживаетъ особеннаго вниманія правительства, усердно стремлящагося къ успѣху, и принадлежитъ de facto къ составу государственныхъ учрежденій, какъ важнѣйшее орудіе его видовъ и предначертаній въ области всеобщаго народнаго образованія. Въ этихъ чертахъ заключаются главныя условія, свойства и цѣль университетскаго поприща вообще. За тѣмъ я имѣю въ виду сказать нѣсколько словъ на счетъ современнаго значенія университетовъ въ Россіи и пользы, которую ожидать должно отъ сихъ разсадниковъ высшаго образованія; но по довольно близкой связи этихъ вопросовъ съ предъидущими мѣрами правительства по сему предмету, считаю нужнымъ обозрѣть въ бѣгломъ очеркѣ судьбу нашего университетскаго образо-

ванія въ теченіи второй четверти нынѣшняго столѣтія.

Въ началѣ Царствованія ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА, правительство наше обратило особенное вниманіе на распространеніе просвѣщенія между сословіями, посвящающими себя государственной службѣ. Это стремленіе совпадаетъ современъ первыхъ законодательныхъ трудовъ по составленію свода законовъ. Сколько мнѣ извѣстно, ГОСУДАРЬ въ слѣдствіе представленной ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ всеподданнѣйшей записки академика Паррота въ 1830 г., повелѣлъ Графу Сперанскому заняться выборомъ и приготовленіемъ нѣсколькихъ молодыхъ людей для посылки за границу съ цѣлію окончательнаго тамъ образованія. Ближайшее намѣреніе правительства состояло въ томъ, чтобы эти молодые люди, по окончательномъ изученіи правовѣдѣнія въ первѣйшихъ Германскихъ университетахъ, преимущественно въ Берлинскомъ, могли быть употреблены на пересоставленіе, въ болѣе систематическомъ порядкѣ перваго изданія свода законовъ*), и на занятіе каѳедръ въ университетахъ по разнымъ отраслямъ законовѣдѣнія. Это предпріятіе увѣнчано было самымъ блистательнымъ успѣхомъ. Выборъ палъ на нѣкоторыхъ студентовъ духовныхъ академій, Московскаго университета и существовавшаго въ Дерптѣ профессорскаго института. Къ этой первой посылкѣ принадлежали: Неволинъ, Колмыковъ,

*) Подобнаго рода переработкѣ подвергнуты были въ послѣдствіи Уголовные законы въ новомъ ихъ изданіи 1845 г.

Рѣдькинъ, Благовѣщенскій, Знаменскій, Баршевъ Орнадскій. Особою инструкціею, данною Графомъ Сперанскимъ, они обязаны были прослушать полный курсъ юридическихъ наукъ въ Берлинскомъ университетѣ, подъ наблюденіемъ Савиньи, и посѣщать въ тоже время лекціи философіи Гегеля. По окончаніи же сего учебнаго поприща, они должны были ознакомиться со способомъ преподаванія лучшихъ профессоровъ другихъ германскихъ университетовъ, дабы подъ вліяніемъ философскихъ началъ пріобрѣсти возможно полное воззрѣніе на общую методологію составляющую необходимѣйшій предметъ для строго-ученаго образованія. Тогдашнее состояніе правовѣдѣнія въ Германіи содѣйствовало какъ нельзя лучше видамъ нашего правительства. Это было то цвѣтущее время науки, въ которое законовѣдѣніе достигло высшаго своего развитія подъ знаменами двухъ противныхъ школъ исторической и философской. Изучивъ, въ полномъ ихъ объемѣ, предметы къ области сей науки относящіеся подъ руководствомъ знаменитѣйшихъ правовѣдовъ нашего столѣтія, когда блистали во всей славѣ имена Савиньи, Ганса, Гуго, Цахаріэ', Тибо, Вангерова, Фейербаха*), Миттермейера, Варенкёнига, Пухты, Россирта и другихъ свѣтилъ науки, наши достойные труженики, возвратившись въ Россію, выдержали самымъ торжественнымъ образомъ труднѣйшее испытаніе на степень доктора законовѣдѣнія. Составленная самимъ Графомъ Сперанскимъ на сей предметъ программа, удостоена была ВЫСО-

*) Криминалиста.

ЧАЙШАГО утвержденія. Послѣ того, наши ученые правовѣды опредѣлены были во IIе Отдѣленіе Собственной ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА Канцеляріи съ причисленіемъ къ Министерству Народнаго Просвѣщенія для занятія академическихъ каѳедръ. Со смертію же Графа Сперанскаго, вскорѣ за тѣмъ послѣдовавшего, эти молодые люди, которые могли быть весьма полезными сотрудниками по кодификаціоннымъ работамъ, не были уже къ нимъ призваны, но остались профессорами при университетахъ, гдѣ пролили новый свѣтъ познаній только что заимствованныхъ ими изъ обильнаго источника науки; и въ этомъ отношеніи они вполнѣ оправдали ожиданія правительства, которое слѣдуя сему примѣру, увѣнчанному столь благимъ успѣхомъ, снарядило въ послѣдствіи нѣсколько подобныхъ посылокъ, изъ коихъ послѣдняя, если не ошибаюсь, состоялась въ 1840 году. Нѣсколько лѣтъ спустя, обнаружились въ Россіи преступныя покушенія противъ общественнаго порядка, бывшія какъ бы отголоскомъ безначалій, потрясшихъ спокойствіе Западныхъ Европейскихъ державъ. — Обстоятельство это, возбудивъ опасенія нашего правительства, подало ему поводъ, въ видахъ предупрежденія подобныхъ безпорядковъ на будущее время, положить преграду дальнѣйшимъ успѣхамъ просвѣщенія. Съ сею цѣлію исключено изъ университетскихъ программъ названіе философіи, преподаваніе которой, въ двухъ главнѣйшихъ отрасляхъ сей науки, — логикѣ и психологіи, стѣснено въ самые сжатые предѣлы и подвергнуто строгости духовной цензуры; значитъ та часть философіи, — азбука мы-

шленія и сознанія, которая должна быть проходима въ гимназіяхъ, содѣлалась достояніемъ университетскаго курса и притомъ заключена въ возможно-узку юраму; самый философскій факультетъ переименованъ въ историко-филологическій. Изъ предметовъ, принадлежащихъ къ курсу наукъ юридическаго факультета, отмѣнено преподаваніе государственныхъ учрежденій Европейскихъ державъ, съ тѣмъ, конечно, намѣреніемъ, дабы не возбудить посредствомъ изученія сего предмета невыгоднаго, быть можетъ, сравненія между административнымъ порядкомъ существующимъ въ другихъ государствахъ и тѣмъ, что дѣлается въ нашемъ административномъ быту. Но въ такомъ случаѣ слѣдовалобы начать отступательную въ дѣлѣ успѣха реформу съ исключенія изъ университетской программы политической Исторіи, статистики и, пожалуй, могихъ другихъ наукъ, сколько нибудь относящихся къ области государствовѣдѣнія. Въ опасеніяхъ подобнаго рода трудно опредѣлить границу опасности и мѣру вреда. Такимъ то образомъ и начальство училища правовѣдѣнія изгнало въ тоже самое время преподаваніе политической экономіи изъ мнимаго страха къ пропагандѣ коммунистовъ; тогда какъ надлежало бы напротивъ усилить изученіе сей науки и посвятить нѣсколько лекцій на истолковательное и догматическое опроверженіе коммунистическихъ утопій. Съ тѣмъ вмѣстѣ чтеніе академическихъ лекцій политическаго содержанія подчинено было строжайшему, можно сказать, полицейскому надзору, вмѣненному въ неупустительную обязанность попечителей, ихъ помощниковъ, ректоровъ и дека-

новъ, снабженныхъ на сей конецъ тайными инструкціями. Профессора обязаны были, предъ начатіемъ каждаго годичнаго курса, представлять по предметамъ занимаемыхъ ими кафедръ, подробныя программы, которыя должны были быть просматриваемы сначала въ собраніи факультета, потомъ возносимы на одобреніе высшаго начальства, по всѣмъ ступенямъ служебной іерархіи. Двѣ послѣднія мѣры были особенно стѣснительны. Кому это дѣло сколько нибудь извѣстно, тотъ легко пойметъ, что ежегодное представленіе, на просмотръ, программъ университетскихъ лекцій, сопряжено съ неимовѣрными затрудненіями, съ безполезною тратою времени и съ явнымъ ущербомъ для преподаваемаго предмета. Достоинство хорошаго профессора опредѣляется, между прочимъ, тѣмъ, когда онъ слѣдитъ за современнымъ ходомъ науки и обогащаетъ съ каждымъ годомъ преподаваніе своего предмета новѣйшими изслѣдованіями. Естественно, что подъ вліяніемъ системы терроризма, исполненіе подобнаго условія дѣлается невозможнымъ. Съ другой же стороны, самое чтеніе лекцій по предметамъ признаваемымъ опасными, должно ограничиться общими мѣстами, безо всякаго истиннаго значенія; а профессоръ, вмѣсто того, чтобы слѣдить за послѣдовательностію своихъ мыслей, поставленъ въ крайне затруднительное положеніе взвѣшивать каждое слово, которое можетъ быть истолковано во вредномъ смыслѣ. Наконецъ слѣдуетъ замѣтить, что ни попечитель, ни его помощникъ, ни ректоръ, ни деканъ при всей добросовѣстности, не могутъ повѣрять профессора на каждомъ шагу, и по этому

преподаватель неблагонамѣренный всегда найдетъ случай высказать то, о чемъ онъ не смѣетъ заикнуться при представителяхъ учебной цензуры. Къ этимъ же стѣснительнымъ мѣрамъ относится ограниченіе числа студентовъ и стараніе ввести въ университеты и нѣкоторыя другія гражданскія учебныя заведенія военную дисциплину, подъ тѣмъ предлогомъ, что многіе изъ молодыхъ людей, готовившихся тогда къ гражданскому поприщу, вступали въ ряды воиновъ для защиты отечества.

Вызванныя не столько дѣйствительною опасностію, сколько призрачнымъ опасеніемъ безпорядковъ не настоящихъ, а будущихъ, всѣ эти стѣснительныя мѣры имѣли какою-то неопредѣлительною цѣлію нанести чувствительный ударъ успѣхамъ просвѣщенія, не упраздняя притомъ самыхъ его органовъ. Здѣсь, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, выразилось колебаніе и нѣкоторое противорѣчіе правительства, доказывавшія, что намѣренія его были часто шатки и неопредѣлительны. Существованіе университета на началахъ до такой степени стѣсняющихъ дѣйствія профессоровъ и слушателей, какія установлены были въ 1848 г., теряетъ свое истинное значеніе. Вообще я считаю подобнаго рода строгости если не вредными, то безполезными; во первыхъ потому, что усилія задержать распространеніе познаній путемъ науки не представляютъ еще ручательства ни въ томъ, что распоряженія правительства не будутъ предметомъ осужденія, ни въ томъ, что общественый порядокъ не будетъ нарушенъ. Напротивъ, чѣмъ человѣкъ образованнѣе, тѣмъ менѣе онъ склоненъ къ осуж-

денію, къ праздной болтливости и къ буйству. Посмотрите, много ли вы найдете людей науки между вѣчно недовольными крикунами и мятежными коноводами. Исключенія подобнаго рода весьма рѣдки, тогда какъ большинство громогласныхъ порицателей всего и всѣхъ, составляютъ трактирные трибуны, праздношатающіеся лѣнтяи, или же люди глубоко оскорбленные вопіющими несправедливостями. Я знаю, что многіе смотрятъ на университеты какъ на разсадники безпорядковъ и вольнодумства, а на студентовъ, какъ на сборище кутилъ, готовыхъ на всякаго рода безчинства. Не будемъ смѣшивать студенческія шалости, съ преступными покушеніями противъ государственнаго существованія. Первыя свойственны болѣе или менѣе молодымъ лѣтамъ; и тамъ, гдѣ находится многочисленное общество молодыхъ людей, связанныхъ узами дружнаго товарищества, подобнаго рода безпорядки, въ сущности безвредные для общественнаго спокойствія, составляютъ явленія довольно обыкновенныя. Но я убѣжденъ и въ томъ, что частое повтореніе сихъ случаевъ можетъ быть предупреждаемо благоразумнымъ надзоромъ за поведеніемъ студентовъ, а еще болѣе степенью нравственнаго на нихъ вліянія лицъ, составляющихъ непосредственное начальство университета; вліяніе же это зависитъ отъ довѣрія и привязанности студентовъ къ ихъ начальникамъ, и отъ умѣнья сихъ послѣднихъ обращаться съ молодыми людьми, заслуживающими, въ общемъ по крайней мѣрѣ составѣ, нѣкотораго уваженія. Что же касается до мятежныхъ волненій, то они, равнымъ образомъ,

не имѣютъ, по моему мнѣнію, ничего общаго съ распространеніемъ ученыхъ познаній, и зависятъ совершенно отъ другихъ причинъ, изъ коихъ главныя заключаются въ неудовольствіи, возбуждаемомъ безпечностію правительства, мало заботящагося о благосостояніи подданныхъ, и смотрящаго равнодушно на злоупотребленія установленныхъ отъ него властей. Въ такихъ случаяхъ наука, какъ говорится, не причемъ. — По этому-то тѣ случаи, въ которыхъ студенты и сами профессора иностранныхъ университетовъ принимали участіе въ мятежахъ, не могутъ еще служить достаточнымъ доказательствомъ тому, что ученость вредна; да и кромѣ того подобнаго рода вмѣшательства иностранныхъ университетовъ въ общественныя дѣла объясняется самостоятельнымъ и политическимъ ихъ положеніемъ въ государственномъ организмѣ, — положеніемъ, которымъ они пользуются съ самаго ихъ основанія, и которое имѣетъ историческое значеніе, — чего у насъ нѣтъ. Я счелъ нужнымъ упомянуть объ этомъ обстоятельствѣ потому, что мнѣ самому случалось слышать подобнаго рода сужденія, въ которыхъ обнаруживался смыслъ уже приведеннаго мною стиха Грибоѣдова:

„Ученье-вотъ чума; ученость-вотъ причина.“

Слѣдовательно, ученыя занятія ни мало не способствуютъ къ умноженію числа недовольныхъ и буйныхъ порицателей правительственныхъ дѣйствій. Съ другой же стороны правительство, старающееся органичить распространеніе политическихъ и философскихъ познаній, не въ силахъ запретить ни чтеніе разныхъ книгъ и журналовъ, ни остано-

вить движеніе мысли, которая, находясь въ процессѣ развитія, проситъ, такъ сказать, пищи и исхода для своей дѣятельности; а между тѣмъ впечатлѣнія, которыя могутъ произвести на человѣка полуобразованнаго понятія схваченыя на лету изъ источниковъ рѣдко удовлетворяющихъ всѣмъ требованіямъ истиннаго знанія, во сто кратъ опаснѣе основательнаго изученія предмета, изложеннаго въ догматическомъ порядкѣ, съ надлежащею полнотою и съ критическою повѣркою разныхъ мнѣній. Независимо отъ такъ называемыхъ запрещенныхъ книгъ, существуетъ множество сочиненій, которыя, не принадлежа къ этой категоріи, могутъ содѣлаться вредными орудіями въ рукахъ человѣка полуобразованнаго, такъ точно, какъ какой нибудь химическій аппаратъ можетъ поранить и даже изувѣчить того, кто не умѣетъ имъ владѣть по недостатку надлежащихъ свѣдѣній. Но каковы же должны быть послѣдствія въ тѣхъ случаяхъ, когда напримѣръ человѣкъ, чувствуя влеченіе къ философскимъ предметамъ, и не имѣя основательныхъ познаній въ сей наукѣ, примется для удовлетворенія этой жажды, читать Фейербаха или Штрауса? или если тотъ, кто падокъ на статейки политическаго содержанія, и равнымъ образомъ лишенъ нужныхъ познаній, обратится положимъ къ полярной звѣздѣ и составитъ себѣ понятіе о гражданскомъ обществѣ по статьѣ „что такое государство?“ Но вотъ еще обстоятельство, на которое не мѣшаетъ обратить вниманіе; это нѣкоторая противорѣчащая пытливость ума, который склоненъ познать именно то, что ему запрещено. Положимъ, напримѣръ, что начальство какого ни-

будь учебнаго заведенія запретитъ чтеніе такого, либо другого предмета, признаннаго опаснымъ; будьте увѣрены, что такое запрещеніе послужитъ достаточнымъ поводомъ къ тому, чтобы воспитанники, не исключая и самыхъ нерадивыхъ, старались пріобрѣсти и прочитать такія сочиненія, которыя относятся до предмета, исключеннаго изъ учебной программы. А кто поручится въ томъ, что книги, которыя попадутся имъ въ руки не заключаютъ въ себѣ дѣйствительно опасныхъ понятій, требующихъ поясненій и опроверженій свѣдущаго человѣка? Тоже самое явленіе встрѣчается и въ другихъ случаяхъ. Я помню, напримѣръ, что когда разнесся слухъ о намѣреніи правительства изъять изъ продажи всеобщую исторію профессора Лоренца, то сочиненіе это было раскуплено на расхватъ; тоже повторилось съ стихотвореніями Некрасова и съ безчисленнымъ множествомъ другихъ книгъ, даже съ общепонятною механикою Писаревскаго, о которой говорено въ одной изъ выносокъ Iй части сего труда. Замѣчательно, что подобнаго рода пытливость свойственна преимущественно людямъ полуобразованнымъ, которые за неимѣніемъ прочной научной основы, сознавая, быть можетъ этотъ недостатокъ, и опасаясь отстать отъ уровня современнаго просвѣщенія обращаются особенно охотно къ сочиненіямъ запрещеннымъ, въ томъ предположеніи, что эти сочиненія, будучи преслѣдуемы цензурою по несогласію мнѣній въ нихъ выраженныхъ съ общепринятыми началами, заключаютъ въ себѣ послѣднее выраженіе истины какъ бы еще не понятой; къ этому примѣшивается

иногда пустое тщеславіе блеснуть свѣдѣніями и мыслями еще мало распространившимися, и выдать себя за представителей прогресса; а иногда присоединяется къ сему столь же пустое желаніе доискаться какого нибудь обвинительнаго доказательства противъ дѣйствій правительства. По всѣмъ этимъ причинамъ люди сего десятка читаютъ съ большою жадностію подобнаго рода сочиненія, которыя, удовлетворяя минутной ихъ любознательности, не требуютъ съ ихъ стороны большихъ усилій. Понятно, что при этой, можно сказать ребяческой, пытливости и при недостаткѣ твердаго основательнаго образованія, человѣкъ становится особенно склоненъ и воспріимчивъ къ усвоенію вредныхъ ученій, которыя онъ принимаетъ на вѣру, и которыя, давая ему ложное направленіе пускаются имъ въ ходъ и заражаютъ другихъ столь же не твердыхъ и мало образованныхъ людей. — Но развѣ человѣкъ науки, человѣкъ хорошо образованный не подверженъ той же пытливости, тѣмъ же соблазнамъ? развѣ онъ несклоненъ заразиться вредными ученіями? и если нѣтъ, то по какой именно причинѣ? вотъ вопросы, которые весьма естественно могутъ быть возбуждены моими соображеніями на счетъ вредныхъ послѣдствій полуобразованія. По моимъ понятіямъ, основаннымъ какъ на сущности дѣла, такъ и на многихъ примѣрахъ, тотъ, кто изучилъ науку во всемъ ея объёмѣ не можетъ столь легко увлечься лжемудрствованіями во первыхъ уже потому, что надежный запасъ познаній, которыми онъ обладаетъ, служитъ ему вѣрнымъ мѣриломъ при разборѣ мнѣній въ сущности превратныхъ,

но искусно прикрытыхъ личиною правды; съ другой стороны онъ въ состояніи скорѣе понять и оцѣнить настоящій смыслъ такихъ сужденій и пополнить недостающіе въ нихъ пробѣлы, допускаемые иногда съ намѣреніемъ для искаженія истины и для прикрытія лжи. Кромѣ того человѣкъ основательно образованный не столь легко прельстится блескомъ краснорѣчиво и остроумно выраженной, но на самомъ дѣлѣ вздорной мысли, пріобрѣтя нѣкоторый навыкъ въ наукообразной повѣркѣ мнѣній, и зная какъ часто сужденіе которое съ перваго взгляда кажется справедливымъ, не выдерживаетъ при ближайшемъ его разсмотрѣніи строгой критики. Наконецъ слѣдуетъ замѣтить, что человѣкъ науки бываетъ обыкновенно чуждъ тѣхъ побужденій, которыя такъ часто служатъ для людей полуобразованныхъ исключительнымъ поводомъ къ ознакомленію съ запрещенными сочиненіями. Если онъ и читаетъ такія книги, то не столько для удовлетворенія дѣтскаго любопытства или для того, чтобы наверстать однимъ смѣлымъ и опаснымъ скачкомъ недостатокъ настоящаго знанія, сколько для того, чтобы, слѣдя за ходомъ современныхъ идей, имѣть въ виду истинные и ложные выводы, и дополнять такимъ образомъ постепенно познанія уже пріобрѣтенныя на учебномъ поприщѣ и переработанныя, въ горнилѣ науки, въ твердыя, непоколебимыя убѣжденія Вотъ причины, которыя удостовѣряютъ меня въ томъ, что усилія правительства остановить распространеніе познаній политическихъ и философскихъ путемъ науки если не вредны, то безполезны. Выше изложенныя причины составляютъ, въ общемъ

вопросѣ о значеніи сихъ наукъ въ системѣ университетскаго образованія одну отрицательную его сторону, которая состоитъ именно въ томъ, что исключеніе сихъ наукъ изъ университетской программы, или же ограниченіе ихъ объёма не въ состояніи предотвратить зло, составляющее предметъ опасеній правительства. Впослѣдствіи я постараюсь объяснить положительную необходимость обстоятельнаго преподаванія наукъ нравственнаго и политическаго содержанія, но для сего считаю нужнымъ коснуться одного обстоятельства, о которомъ упомянуто было вскользъ въ 1й части сего труда, а именно о дилетантизмѣ нашей полуобразованной братіи.

Въ нашемъ общественномъ быту существуютъ еще довольно невѣжественныя и противорѣчивыя понятія на счетъ пользы, доставляемой изученіемъ наукъ вообще и на счетъ относительнаго значенія наукъ въ частности. Не говоря о тѣхъ, которые сами получили хорошее образованіе и цѣнятъ его вполнѣ, есть много людей съ познаніями болѣе или менѣе ограниченными, которые тѣмъ не менѣе постигаютъ какъ бы инстинктивно важность и необходимость основательнаго изученія наукъ. За тѣмъ остается значительная масса людей, которые либо во все не понимаютъ дѣла, либо понимаютъ его очень мало. Людей этихъ можно раздѣлить на два стана. Одни, — обскуранты, — отвергаютъ на отрѣзъ все то, что сколько нибудь противорѣчитъ ихъ собственному опыту и выходитъ изъ колеи обычной ихъ дѣятельности; по ихъ мнѣнію всё, что написано въ книгахъ по какой угодно отрасли познаній,

— чистѣйшій вздоръ и къ дѣлу не ведетъ. Рѣдкое исключеніе составляютъ, быть можетъ, двѣ, три книги, которыя по особенному случаю имѣли счастіе втереться въ ихъ довѣріе. Съ этими господами и говорить не стоитъ, — это значило бы толочь воду: contra negantem principia non est disputandum, кто не признаетъ основныхъ правилъ, съ тѣмъ споръ не возможенъ. Впрочемъ число этихъ упрямыхъ приверженцевъ рутины уменьшается, такъ сказать, съ каждымъ днемъ, потому ли, что видя безполезность своихъ усилій отстоять, противъ современнаго движенія мысли, свое исключительное пристрастіе къ навыку, они обрекаютъ себя совершенному молчанію и дѣлаются незамѣтными, или же потому, что пристаютъ по немногу къ господствующему въ настоящее время стремленію впередъ. Другой станъ образуютъ тѣ господа средней руки въ дѣлѣ образованія, которые не прочь поговорить и о просвѣщеніи, и о прогрессѣ, и о разныхъ улучшеніяхъ, и говорятъ обо всѣхъ этихъ предметахъ весьма охотно и даже много, но мнѣнія ихъ не переступаютъ черту тѣхъ свѣдѣній, которыя они вычитали въ какихъ нибудь легенькихъ статеечкахъ и тѣхъ понятій, которыя они сами себѣ составили въ слѣдствіи сего чтенія. Это тѣ самыя господа, которые съ особенною жадностію читаютъ запрещенныя брошюрки и любятъ, какъ говорятъ Французы, faire de l'esprit à bon marché. Они мечтаютъ, что за исключеніемъ наукъ точныхъ, всѣ остальныя могутъ быть достаточно изчерпаны и извѣданы безъ посѣщенія университетскихъ лекцій, а „лёжа на диванѣ въ своемъ кабинетѣ“, какъ

выразился одинъ мнѣ извѣстный человѣкъ. Вотъ этихъ-то господъ я и называю дилетантами. Предпочтеніе или нѣкоторое уваженіе, оказываемое наукамъ точнымъ объясняется тѣмъ, что эти науки болѣе удовлетворяютъ потребностямъ матеріальнаго направленія, которое въ нашъ вѣкъ признается весьма многими за стремленіе къ высшему благу; съ другой же стороны математическая опредѣлительность сего рода познаній служитъ осязательно-безспорнымъ доказательствомъ тому, что познанія эти не могутъ быть пріобрѣтены иначе, какъ въ слѣдствіе основательнаго изученія. Впрочемъ настоящія дилетанты не затрудняются отважно произносить свои сужденія и въ области наукъ точныхъ; если напримѣръ, имъ случится хоть сколько нибудь ознакомиться съ какимъ нибудь механическимъ производствомъ, то имъ кажется уже что они понимаютъ дѣло — какъ слѣдуетъ, и что научное образованіе не есть необходимое въ сихъ случаяхъ условіе. Но когда рѣчь коснется вопросовъ нравственнаго и политическаго содержанія, тутъ всякій дилетантъ считаетъ себя въ правѣ потолковать либо потому, что признаетъ себя достаточно свѣдущимъ, либо потому, что предметы эти, по его понятіямъ, вполнѣ доступны. Дѣйствительно, нельзя не сознаться, что эти вопросы болѣе или менѣе доступны для каждаго потому именно, что они близко касаются общественнаго и частнаго быта, и что кромѣ того предметы сего рода наполняютъ фоліанты газетъ, періодическихъ журналовъ и безчисленнаго множества всякого рода книгъ. Слѣдовательно весьма понятно и естественно, что подобные вопросы

возбуждаютъ толки и сужденія какъ свѣдущихъ, такъ и не свѣдущихъ людей; и до тѣхъ поръ, пока эти сужденія остаются въ предѣлахъ благоразумія и не оскорбляютъ достоинство науки, они не только извинительны, но и въ порядкѣ вещей. Но вотъ, что по моему мнѣнію, непростительно; когда господа дилетанты въ слѣдствіе надмѣнной самонадѣянности въ знаніи, основанномъ на чтеніи однихъ газетъ и тощихъ, но кудревато написанныхъ статеекъ, позволяютъ себѣ судить и рядить обо всемъ безъ малѣйшей запинки, и когда при этомъ выражается неуваженіе къ наукѣ, доходящее до отрицанія необходимости ея изученія. Вотъ эти-то люди и составляютъ разрядъ настоящихъ дилетантовъ. Они душевно не-навидятъ все, что носитъ названіе теоріи и науки, потому что по ихъ словамъ все это пустой, ученый педантизмъ, или сухая матерія; тогда какъ настоящая причина этой ненависти заключается въ томъ, что слова наука и теорія имѣютъ въ ихъ сознаніи значеніе memento mori, напоминающее имъ ихъ собственное невѣжество, сопряженное съ непреодолимою лѣнью заняться этими предметами основательно. Дилетанты полагаютъ, что ихъ сужденія ближе подходятъ къ истинѣ, ибо по ихъ словамъ сужденія эти заключаютъ въ себѣ практическій взглядъ, почерпнуты изъ самой дѣйствительности; а того они и не подозрѣваютъ, что мечтательныя фантасмагоріи ими создаваемыя, которыя они отстаиваютъ съ настойчивостію тоже теоріи, но теоріи ошибочныя, превратныя, несбыточныя. Крича противъ науки, называя её безполезною роскошью, врагомъ практической жизни и т. д. они

не понимаютъ, или недаютъ себѣ труда понять, что ежели въ общемъ розвитіи государственнаго и гражданскаго быта дѣйствительно обнаруживается успѣхъ, то успѣхъ этотъ есть послѣдствіе тѣхъ ученыхъ трудовъ, которые они преслѣдуютъ, и что ежели бы вся умственная дѣятельность органичивалась возгласами подобныхъ имъ людей, то не далеко ушло бы просвѣщеніе. Желательно было бы, чтобы число дилетантовъ сего разряда изъ большинства обратилось въ меньшинство той общественной массы, которая дѣйствительно должна принадлежать, или же считаетъ себя принадлежащею къ числу образованныхъ людей. Оно было бы желательно потому, что дилетанты, о которыхъ идетъ рѣчь, если и не опасны сами по себѣ, то во всякомъ случаѣ вредны по своему примѣру, ибо они поддерживаютъ и распространяютъ верхоглядничаніе, легкомысліе въ сужденіяхъ и нѣкотораго рода презрѣніе къ наукѣ, на которую они смотрятъ какъ бы чрезъ плечо, и, затворяя съ надмѣнною самоувѣренностію себѣ самимъ путь къ истинному просвѣщенію, хотѣли бы его затворить и для другихъ. Но полно говорить о дилетантизмѣ, поговоримъ о дѣлѣ.

Обращаюсь къ положительной необходимости преподаванія наукъ нравственно — политическихъ въ возможно обширномъ объёмѣ; но прежде всего слѣдуетъ опредѣлить яснѣе, что разумѣется здѣсь подъ науками нравственно-политическими, названіемъ довольно не точнымъ, и употребленнымъ мною, въ своемъ мѣстѣ, собственно для краткости, для того, чтобы не прерывать нити разсужденій выраженіями хотя болѣе близкими, но не столь сжа-

тыми. Теперь же, имѣя въ виду разсмотрѣть значеніе сихъ наукъ въ общемъ составѣ университетскаго курса, я долженъ указать на нихъ съ бо̀льшею обстоятельностію, для избѣжанія всякаго недоразумѣнія. Подъ нравственно-политическими предметами разумѣется здѣсь совокупность наукъ, имѣющихъ задачею познаніе условій государственной, правительственной и общественной жизни, какъ то: разсмотрѣніе элементовъ государственнаго быта, изученіе различныхъ отраслей административной дѣятельности, познаніе законовъ опредѣляющихъ положенія гражданъ къ государству и между собою, изысканіе способовъ служащихъ къ обезпеченію и развитію нравственнаго и матеріальнаго благосостоянія подданныхъ, и наконецъ опредѣленіе внѣшнихъ отношеній государства къ другимъ державамъ.*) Словомъ я разумѣю всѣ тѣ науки, которыя, принадлежа къ области Законовѣдѣнія (Rechtswissenschaft) и государствовѣдѣнія (Staatswissenschaft), составляютъ предметъ изученія обоихъ разрядовъ юридическаго факультета — разряда наукъ собственно юридическихъ, — и, такъ называемыхъ камеральныхъ.**) — Выражая мнѣніе на счетъ необходимости обстоятельнаго изученія сихъ наукъ, я имѣю при этомъ въ виду преимущественную важность сихъ предметовъ въ системѣ современнаго

---

*) Если опредѣленіе, мною сдѣланное и не со всѣмъ вѣрно, то утѣшаю себя мыслію, что всякое опредѣленіе испытываетъ болѣе или менѣе туже участь: omnis definitio . . . periculosa.

**) Сколько мнѣ извѣстно, юридическіе факультеты нашихъ университетовъ именовались прежде факультетами нравственно — политическихъ наукъ.

университетскаго образованія. Смотря на этотъ вопросъ съ нравственной точки зрѣнія, нельзя не согласиться, что распространеніе юридическихъ познаній имѣетъ большое вліяніе на развитіе понятій объ обязанностяхъ гражданина и о его положеніи въ гражданскомъ обществѣ. Чѣмъ коренныя понятія, лежащія въ основѣ гражданскаго союза яснѣе опредѣлены въ сознаніи народа, чѣмъ свѣдѣнія фактическія, служащія внѣшнимъ выраженіемъ тѣхъ понятій болѣе извѣстны, тѣмъ прочнѣе и положительнѣе должны быть взаимныя отношенія членовъ гражданскаго общества, тѣмъ производительнѣе самая матеріальная ихъ дѣятельность, и, слѣдовательно, общее благосостояніе всего государства. Съ другой стороны, можно сказать утвердительно, что изо всѣхъ предметовъ высшаго образованія, науки юридическаго факультета имѣютъ самую бо́льшую примѣняемость въ общественномъ быту. Объемля тѣ многостороннія явленія матеріальнаго и нравственнаго существованія народа, которыя составляютъ предметъ ежедневныхъ отношеній согражданъ между собою и опредѣляютъ цѣль общественной дѣятельности, науки эти касаются самыхъ существенныхъ сторонъ государственной и гражданской жизни, не исключая и преобладающаго въ настоящее время вопроса развитія матеріальныхъ силъ народа, — вопроса, составляющаго исключительный предметъ занятій камеральнаго отдѣленія. Относительное значеніе каждаго отдѣльнаго разряда наукъ къ общей системѣ образованія въ данное время, соразмѣряется степенью общественнаго требованія въ познаніяхъ такого или другого рода.

Это явленіе, подтверждаемое ежедневнымъ опытомъ, получающее потому самому смыслъ постояннаго правила, объясняетъ отчасти почему въ нашихъ университетахъ, за исключеніемъ впрочемъ медицинскаго факультета, самое большое число студентовъ посвящаетъ себя изученію юридическихъ и камеральныхъ наукъ. Но положимъ, что примѣръ русскаго юношества не можетъ еще служить въ семъ случаѣ достаточнымъ доказательствомъ непреложности сего правила, такъ какъ въ Россіи преимущественная цѣль высшаго образованія состояла до сихъ поръ въ служебной дѣятельности. По этому обращаюсь къ другому примѣру. Въ Пруссіи на 100 судебныхъ мѣстъ представляется 257 кандидатовъ, а на 100 административныхъ 185 кандидатовъ, окончившихъ полный университетскій курсъ (есть, гдѣ выбрать людей). Не взирая на это, число студентовъ по юридическому факультету ни сколько не уменьшается и во-все не признается чрезмѣрно великимъ потому именно, что, кромѣ служебнаго поприща, познанія пріобрѣтаемыя въ юридическихъ и камеральныхъ наукахъ встрѣчаютъ обширную примѣняемость во многихъ отрасляхъ общественной дѣятельности и частной жизни.*) Но если принять во вниманіе, что мы ощущаемъ въ настоящее время, болѣе чѣмъ когда либо, настоятельную надобность въ людяхъ не только достойныхъ въ нравственномъ отношеніи, но и вполнѣ образованныхъ для многоразличныхъ занятій по гражданской службѣ, то изученіе предметовъ юри-

*) Statistik des Preussischen Staats. Berlin 1845. S. 253.

дическаго факультета, имѣющаго преимущественною цѣлію приготовленіе молодыхъ людей къ служебному поприщу, должно не сомнѣнно пріобрѣсти въ глазахъ нашихъ особенно важное значеніе. Вникая въ значеніе университетскаго образованія въ Россіи со стороны пользы, которую отъ него ожидать должно въ отношеніи къ требованіямъ государственнаго управленія, я нахожу, что сравнительность съ иностранными державами, приготовленіе людей къ служебному поприщу у насъ тѣмъ важнѣе, чѣмъ служебная наша дѣятельность въ настоящемъ ея смыслѣ, т. е. по существу, а не по формѣ, сложнѣе, обширнѣе и труднѣе. Въ иностранныхъ державахъ, гдѣ самое пространство и народонаселеніе не въ примѣръ органичеснѣе, гдѣ элементы гражданственности и народнаго быта приведены въ извѣстность, подготовлены, очищены, какъ облупленное яичько, тамъ дѣло государственнаго управленія требуетъ меньшаго изученія или, по крайней мѣрѣ, меньшихъ усилій. У насъ же начала народнаго быта и мѣстныя условія во сто кратъ разнообразнѣе многосложнѣе, и къ тому же, представляютъ въ себѣ большею частію, грубые матеріалы, весьма мало еще извѣданные путемъ опыта, и столь же мало разработанные и очищенные наукою. На такой же низкой и, можно сказать, первобытной степени развитія находятся у насъ коренныя понятія о правахъ и обязанностяхъ, (*suum cuique,* das Mein und Dein), понятія, составляющія духовную основу гражданской жизни, и обусловливающія правомѣрныя отношенія сочленовъ государственнаго союза. Изъ сего слѣдуетъ, что

какъ по близкому непосредственному отношенію упомянутаго разряда наукъ къ существеннѣйшимъ отраслямъ гражданской службы, такъ и по вліятельному воздѣйствію понятій нравственно-юридическихъ на современное состояніе нашего общества, и наконецъ, по обширной примѣняемости сего рода познаній къ общественному и частному быту, — предметы законовѣдѣнія и государствовѣдѣнія, которые сливаются въ общемъ, родовомъ отдѣлѣ наукъ юридическаго факультета, имѣютъ какъ бы преимущественное значеніе въ области современнаго университетскаго образованія, и должны быть изучаемы въ возможно обширномъ объёмѣ, а не стѣсняемы и преслѣдуемы излишнею строгостію. Впрочемъ при теперешнемъ направленіи нашего правительственнаго духа, при мощномъ движеніи къ успѣху, обнаруживающемся по всѣмъ отраслямъ государственнаго управленія, можно, мнѣ кажется, надѣяться, что въ этомъ, какъ и во многихъ другихъ отношеніяхъ, мы далеко уйдемъ впередъ, вѣрнѣйшимъ предзнаменованіемъ сего успѣха служитъ верховное покровительство наукамъ, оказываемое возлюбленнымъ нашимъ МОНАРХОМЪ.

Выразивъ окончательно мои мысли на счетъ важнаго значенія наукъ юридическаго факультета перехожу къ необходимости болѣе обширнаго преподаванія философіи, которая сколько мнѣ извѣстно, сжата у насъ въ самые тѣсные предѣлы. Въ статьѣ о гимназіяхъ замѣчено мною, что основные законы мышленія и главныя понятія о свойствахъ человѣческаго духа, составляющіе сущность формальной части логики и эмпирической психологіи,

содѣйствуютъ къ развитію умственныхъ способностей въ той степени которая соотвѣтствуетъ цѣли и требованіямъ курса гимназическаго. Мнѣ остается замѣтить что въ области наукъ университетскаго курса философское образованіе составляетъ не отъемлемое условіе, conditio sine ~~non~~ qua non, для яснаго уразумѣнія предметовъ, коихъ основныя понятія коренятся на почвѣ философскихъ началъ. Такъ напримѣръ понятія о правахъ и обязанностяхъ, какъ въ общемъ ихъ значеніи, такъ и въ примѣненіи ихъ къ союзу семейному, къ собственности, владѣнію, договору и т. д. словомъ ко всѣмъ ихъ видоизмѣненіямъ въ сферѣ гражданскаго, уголовнаго и государственнаго права; равнымъ образомъ педагогія и всѣ вообще науки нравственнаго содержанія, имѣютъ основою начала чисто философскія, такъ что безъ пріуготовительныхъ философскихъ понятій, входящихъ въ составъ гимназическаго курса и безъ совмѣстнаго изученія философіи въ дальнѣйшемъ ея развитіи, всѣ вышеизложенные предметы, и именно въ существенныхъ ихъ основахъ, будутъ имѣть значеніе лишь призрачныхъ представленій, а не съ сознаніемъ усвоенныхъ идей. Тамъ, гдѣ рѣчь идетъ объ общихъ началахъ, тамъ разумѣются понятія, а понятія составляютъ достояніе логики. Слѣдовательно для уразумѣнія понятій надо быть свѣдущимъ въ наукѣ, которая объясняетъ ихъ свойство, развитіе и движеніе. Наконецъ есть предметы, которые безъ нѣкотораго философскаго образованія совершенно тёмны и загадочны какъ напримѣръ исторія философіи права, составляющая довольно громадный

отдѣлъ энциклопедіи законовѣдѣнія, и мнѣ случалось слышать отзывы профессоровъ, которые жаловались на затрудненія, встрѣчаемыя ими при истолкованіи разныхъ ученій о правѣ молодымъ людямъ, лишеннымъ самонужнѣйшихъ понятій для уразумѣнія сего предмета. Безъ философіи и исторіи нѣтъ раціональной критики, а безъ критическаго изученія науки нѣтъ настоящаго академическаго образованія. Было время, и время это еще не столь отдалено, когда излишество философскихъ изслѣдованій возбудило справедливую недовѣрчивость къ пользѣ и практической примѣняемости философскихъ началъ въ области наукъ юридическихъ. Это былъ одинъ изъ тѣхъ крайнихъ переворотовъ, которые, стремясь пересилить какое нибудь исключительное направленіе умовъ, ведутъ къ началамъ совершенно противоположнымъ, и этимъ противуборствомъ способствуютъ къ уясненію истины. Я разумѣю борьбу, воздвигнутую философскою школою законовѣдѣнія противъ школы исторической. Тогда какъ историческая школа ограничивалась въ своихъ изслѣдованіяхъ преданіями источниковъ, одними внѣшними проявленіями права, школа философская подчиняла эти наружныя видоизмѣнія закона общимъ началамъ понятія о правѣ въ разныхъ моментахъ его діалектическаго саморазвитія. Въ направленіи обѣихъ школъ обнаруживалась односторонность, которая объясняется настойчивымъ преслѣдованіемъ мысли обратившейся въ нѣкоторое упрямство изъ желанія обличить, во что бы ни стало, ошибочность противнаго мнѣнія. Это столкновеніе двухъ противуположныхъ началъ повело къ обоюдному, благоразум-

ному ихъ примиренію въ новѣйшемъ истолкованіи права, истолкованіи, которое, признавая всю неотрицаемую важность явленій фактическихъ, принадлежащихъ къ области исторіи, старается притомъ вывести изъ хода и развитія сихъ явленій понятія имъ именно присущія, а не насильно перенесенныя изъ сферы отвлеченнаго мышленія, и искусственно пріуроченныя къ мѣстнымъ и временнымъ видоизмѣненіямъ права положительнаго.*)

Обращаюсь въ вопросу, который издавна составляетъ предметъ нѣкотораго упрёка, возводимаго противъ университетскаго курса юридическихъ наукъ, — упрёка, состоящаго въ томъ, что университетское образованіе, имѣя преимущественно въ виду, теоретическое изученіе науки упускаетъ изъ виду практическую ея примѣняемость. Для того, чтобы обсудить надлежащимъ образомъ достоинства сего мнѣнія надлежитъ прежде всего вникнуть въ значеніе теоріи и практики. По этому считаю нужнымъ сдѣлать нѣкоторое отступленіе, которое впрочемъ должно пополнить мой взглядъ на университетское образованіе. Теорія есть духовное, созерцательное совокупленіе правилъ и положеній, извлеченныхъ изъ опыта, и служащихъ основою извѣстнаго ученія. Практика есть приложеніе таковыхъ правилъ къ дѣлу, и дальнѣйшее изысканіе путемъ опыта законовъ еще предполагаемыхъ. Теорія пользуясь плодами мно-

*) Эти не многія соображенія, органичиваясь указаніемъ на необходимость философскихъ познаній для студента юридическаго факультета, далеко не исчерпываютъ важнаго значенія философскихъ наукъ въ общей сферѣ университетскаго образованія.

голѣтнихъ опытовъ, подвергаетъ ихъ критическому разбору, выводитъ изъ нихъ постоянныя свойства даннаго предмета, извлекаетъ изъ нихъ извѣстный результатъ, и выражаетъ собою понятіе общности. Практика же, примѣняя выводы теоріи къ отдѣльнымъ случаямъ, повѣряетъ степень достовѣрности сихъ выводовъ на основаніи явленій, встрѣчающихся на поприщѣ ея дѣятельности, и носитъ въ себѣ характеръ частности. Сколь ни различны кажутся по первому взгляду сіи два понятія, на самомъ же дѣлѣ оказывается, что они составляютъ двѣ половины одного цѣлаго, — два полукруга, которые при соединеніи сливаются въ одинъ кругъ; одно понятіе предполагаетъ существованіе другаго, и это обоюдное сродство затрудняетъ всякую попытку строгаго ихъ разграниченія. Взаимное сочетаніе сихъ двухъ началъ объясняется внутреннимъ, діалектическимъ процессомъ, которое совершаетъ мышленіе на томъ и другомъ пути познаванія. Теорія, предлагая извѣстныя правила, соображаетъ ихъ примѣняемость, долженствующую оправдать ея положенія и тѣмъ самымъ проявляетъ стремленіе къ практикѣ. Практика же, дѣйствуя эмпирически, старается распознать сквозь оболочку матеріальности внутреннія сокровенныя начала, которыя могли бы руководить дальнѣйшіе ея опыты, и, въ свою очередь обнаруживаетъ, хотя бы и безсознательно, влеченіе къ теоріи. Изъ сего слѣдуетъ, что ни теорія, ни практика отдѣльно взятыя недолжны и не могутъ имѣть права на первенство, но одно совокупленіе того и другаго способа познаванія составляетъ ту благоразумную средину, гдѣ характеръ

общаго закона отражается въ явленіи частномъ, и частное явленіе, въ свою очередь, вноситъ въ законъ общій свою долю вліянія. „Замѣчательно," говоритъ профессоръ Бабстъ, „что люди наиболѣе вопіющіе противъ теоріи, въ сущности самые неумолимые теоретики. Промышленникъ, цѣлые годы занимающійся однимъ дѣломъ, выводитъ себѣ изъ собственныхъ наблюденій извѣстную теорію, человѣкъ государственный, посвятившій свою жизнь одной отрасли государственнаго управленія, создаетъ себѣ извѣстныя правила, которымъ слѣдуетъ, и становится теоретикомъ. Слѣдовательно нѣтъ ничего неосновательнѣе фразы, что то, что хорошо въ теоріи, негодится въ практикѣ. Практики сами себѣ противорѣчатъ. Здѣсь одинъ выходъ или теорія вѣрна, и, слѣдовательно, она вѣрна, и въ примѣненіи и должна оказать благодѣтельные результаты, или она ложна, и тогда ложь ея непремѣнно окажется на практикѣ. На дѣлѣ оказывается, что практика — это освященная давностію теорія, и что всякая борьба между практикой и теоріей есть ни болѣе, ни менѣе какъ борьба старыхъ убѣжденій съ новыми понятіями, выработанными наукою и временемъ.*)

Вышеизложенныя соображенія ведутъ къ слѣдующимъ заключеніямъ: первое что въ строгомъ, философскомъ смыслѣ, ни теорія, ни практика отдѣльно взятыя, не должны и не могутъ имѣть права на первенство, но только единство,

---

*) О нѣкоторыхъ условіяхъ, способствующихъ умноженію народнаго капитала. Казань 1856 г.

того и другаго способа познаванія являетъ въ себѣ полное понятіе знанія совершеннаго. Сознаніе въ непреложности сей истины должно служить предметомъ задушевнаго, святаго убѣжденія всякаго молодаго человѣка, готовящагося къ практической дѣятельности путемъ научнаго образованія; такое убѣжденіе спасетъ его отъ односторонности и содѣлаетъ плодотворными какъ ученыя его занятія, такъ и опытное ихъ примѣненіе. Второе заключеніе есть то, что въ дѣлѣ научнаго изученія, образованіе теоретическое должно предшествовать образованію практическому; ибо теорія, объясняя основныя понятія науки, развивая ихъ въ систематической послѣдовательности, знакомитъ съ существенными свойствами предмета, обнаруживаетъ внутренній организмъ его составныхъ частей и взаимныя ихъ отношенія, и есть слѣдовательно кратчайшій путь для пріобрѣтенія познаній, имѣющихъ быть развитыми и примѣненными на поприщѣ практической дѣятельности. „Опытъ и жизнь,“ говоритъ Шеллингъ, „воспитываютъ человѣка медленно и съ значительною потерею времени и силъ. Тому, кто посвящаетъ себя наукѣ, даровано счастіе предвосхищать опытъ и узнавать тотчасъ, непосредственно и въ самомъ существѣ то, что напослѣдокъ есть, быть можетъ, единственный результатъ самой дѣятельной, самой богатой опытами жизни.“

Возвращаюсь къ первоначальному вопросу; въ какой мѣрѣ основательны упрёки относительно недостатка практическаго направленія наукъ юридическихъ, и по скольку требованія изъ сего проистекающія совмѣстны съ условіями университет-

скаго образованія. Въ нѣкоторомъ отношеніи подобные упрёки неосновательны въ томъ именно смыслѣ, что университетское поприще, имѣя преимущественною цѣлію научное образованіе, не можетъ жертвовать временемъ, предназначеннымъ на изученіе предметовъ входящихъ въ программу академическаго курса, для того, чтобы заниматься собственно практическими упражненіями. Не взирая на то, есть конечно, возможность согласовать ученыя занятія съ практическою стороною науки, но въ нѣкоторой лишь степени и при извѣстныхъ условіяхъ. Подъ этимъ я разумѣю слѣдующее. Практическія упражненія въ законовѣдѣніи могутъ быть двоякаго рода. Одни состоятъ въ поясненіи правилъ разнообразными примѣрами, которые приводятся въ видѣ юридическихъ проблемъ и имѣютъ цѣлію пріучить умъ къ соображенію правила въ его примѣняемости, и къ обсужденію даннаго случая на основаніи извѣстныхъ правилъ. Другаго рода упражненія заключаются въ самостоятельныхъ занятіяхъ исключительно посвящаемыхъ юридической практикѣ. Желательно было бы, чтобъ преподаваніе положительнаго права было подкрѣпляемо и обогащаемо сколько возможно не только простыми примѣрами, но и болѣе или менѣе замѣчательными юридическими проблеммами; ибо, кромѣ упомянутой пользы, этотъ способъ представляетъ еще и ту выгоду, что впечатлѣваетъ въ памяти многія мелочныя подробности законоположеній и, что важнѣе еще, упражняетъ сужденіе въ рѣшеніи сложныхъ юридическихъ задачь, представляющихъ столкновеніе нѣсколькихъ вопросовъ въ одномъ судебномъ

случаѣ. Но исполненіе сего требованія возможно въ такомъ только случаѣ, ежели по числу годичныхъ лекцій, опредѣленныхъ на преподаваніе извѣстной науки или извѣстнаго ея отдѣла, профессоръ можетъ, не стѣсняясь въ обрѣзъ — ограниченнымъ временемъ, — какъ это бываетъ весьма часто, — окончить безъ торопливости изложеніе годичнаго курса. Самостоятельныя же занятія въ юридической практикѣ должны быть предпринимаемы не прежде, какъ по совершенномъ окончаніи полнаго курса. Иначе практиканты, не ознакомившись вполнѣ съ теоретическими правилами, и не пріобрѣтя твердыхъ познаній, будутъ дѣйствовать въ большинствѣ случаевъ машинально, подобно тѣмъ рутинистамъ, которые занимаются этимъ дѣломъ по навыку, безъ предварительнаго наукообразнаго приготовленія; а между тѣмъ эти преждевременныя и потому самому почти безполезныя занятія прерываютъ общій ходъ наукъ, отнимая значительное время, которое должно быть употреблено на прохожденіе курса, опредѣленнаго для университетскаго образованія.*) Въ юридическихъ факультетахъ многихъ иностранныхъ университетовъ существуютъ практическія лекціи или бесѣды (collegia practica) для упражненія студентовъ въ дѣлопроизводствѣ, и въ обсужденіи данныхъ случаевъ. Подобнаго рода упражненія учреждены были и въ московскомъ университетѣ

*) Тоже мнѣніе выражаетъ знаменитый Цахаріэ, котораго никто, конечно, не можетъ упрекнуть въ одностороннемъ пристрастіи къ теоріи. Ср. книгу изданную послѣ смерти автора его сыномъ: Biographischer und juristischer Nachlass von Dr. Karl Salomo Zachariä von Lingenthal. Stuttgart und Tübingen. 1843. S. 38.

профессоромъ Сандуновымъ. Въ настоящее время существуютъ самостоятельныя каѳедры по уголовному и гражданскому судопроизводству въ училищѣ правовѣдѣнія. Способъ преподаванія судебной практики въ семъ заведеніи состоитъ: 1. въ изложеніи законовъ судопроизводства; и 2. въ практическихъ упражненіяхъ приготовленія дѣлъ къ докладу и самаго ихъ рѣшненія, т. е. въ извлеченіи изъ подлиннаго производства сущности дѣла, въ пріисканіи законовъ къ нему относящихся, въ составленіи судебнаго приговора. — Независимо отъ траты времени, съ которою сопряжено изученіе судебной практики въ учебномъ заведеніи, гдѣ академическій курсъ, ограниченъ тремя годами и къ тому еще перемѣшанъ съ науками гимназическими, я нахожу, что этотъ способъ преподаванія судопроизводства невполнѣ соотвѣтствуетъ ожидаемой цѣли потому, что число дѣлъ поручаемыхъ молодымъ людямъ для обсужденія, весьма ничтожно въ сравненіи съ множествомъ юридическихъ случаевъ, могущихъ встрѣтиться на службѣ. Настоящая цѣль юридической практики, какъ и всякой другой, состоитъ не столько въ изученіи нѣсколькихъ отдѣльныхъ вопросовъ, сколько въ пріобрѣтеніи навыка разрѣшать, на основаніи существующихъ правилъ, случаи рѣдко встрѣчающіеся или во-все непредвидѣнные. Этотъ навыкъ пріобрѣтается частымъ упражненіемъ, и сличеніемъ случаевъ тождественныхъ. По этому преподаваніе практическаго судопроизводства доставило бы несравненно бо́льшую пользу, если бы вмѣсто формальнаго доклада дѣлъ, преподаватели предлагали во время лекціи нѣсколько затрудни-

тельныхъ случаевъ для словеснаго разрѣшенія. Особенно обильный источникъ для упражненія ума въ разрѣшеніи юридическихъ задачь представляетъ Римское право. Къ числу многихъ другихъ достоинствъ сего образцоваго законодательства принадлежитъ и то, что будучи разработано подъ непосредственнымъ вліяніемъ опыта, правовѣдами, которые соединяли философское образованіе съ отмѣнно — практическимъ взглядомъ, — Римское право являетъ на каждомъ шагу сочетаніе строгой послѣдовательности началъ теоретическихъ съ практическою ихъ примѣняемостію къ даннымъ случаямъ. „Въ ученіи Римскихъ юристовъ," говоритъ Савиньи, „теорія ихъ разработана до самой непосредственной примѣняемости, а практика постоянно облагорожена научною обработкою. Въ каждомъ основномъ положеніи, видите вы удобство его примѣненія; въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ отражается правило его опредѣляющее; и въ этой легкости, съ которою Римскіе юристы переходятъ отъ общаго къ частному и отъ частнаго къ общему, познается ихъ неоспоримое мастерство."*) Вотъ одна изъ причинъ, почему изученіе Римскаго права занимаетъ, и будетъ всегда занимать, почетное мѣсто въ программѣ юридическаго курса. У насъ практическій способъ преподаванія Римскаго права весьма мало извѣстенъ; по этому нѣтъ ничего удивительнаго если эта наука не принесла еще въ Россіи желаемой пользы.**) — По

---

*) Dr. Fr. C. v. Savigny. — Vom Beruf unserer Zeit für Gesetzgebung und Rechtswissenschaft. Heidelberg. 1828. S. 30.

**) Примѣчаніе 1. — Весьма любопытныя указанія на

скольку мнѣ извѣстно распредѣленіе юридическаго курса наукъ въ нашихъ университетахъ, я не полагаю, чтобы упражненія въ судебной практикѣ, въ смыслѣ самостоятельныхъ занятій, были совмѣстны съ четырехгодичнымъ срокомъ, опредѣленнымъ для университетскаго образованія. Въ противномъ случаѣ можно было бы легко впасть въ туже ошибку, которая отличаетъ несоразмѣрную съ силами и временемъ программу наукъ училища правовѣдѣнія, гдѣ, какъ уже сказано выше, при трехгодичномъ академическомъ курсѣ введена судебная практика, начинающаяся со IIго класса, и отнимающая въ I классѣ одинадцать часовъ въ недѣлю! почти по два часа въ день; много ли же остается времени

счетъ упражеиій въ судебной практикѣ, примѣнительно къ Русскому праву, заключаетъ въ себѣ сочиненіе покойнаго профессора Мейера подъ заглавіемъ: о значеніи практики въ системѣ современнаго юридическаго преподаванія. Мейеръ, скончавшійся за 2 года тому назадъ, принадлежалъ къ числу тѣхъ замѣчательныхъ и неутомимыхъ тружениковъ на поприщѣ законовѣдѣнія, которые, не довольствуясь учеными изслѣдованіями, занимаются опытнымъ приложеніемъ своихъ познаній изъ любви къ предмету и изъ безкорыстнаго желанія быть полезнымъ своему ближнему.

Примѣчаніе 2. По Римскому праву, въ числѣ многихъ другихъ сочиненій, поясняющихъ примѣрами смыслъ различныхъ законоположеній, существуетъ сочиненіе Гёпфнера подъ заглавіемъ: Theoretisch-practischer Commentar über die Heineccischen Institutionen von Dr. L. J. Fr. Höpfner. Frankfurt a. M. 1798. Это сочиненіе, впрочемъ весьма устарѣлое, можетъ служить образцомъ, относительно ясности истолкованія законовъ, мѣткимъ и чрезвычайно нагляднымъ указаніемъ приведенныхъ на сей конецъ юридическихъ случаевъ.

на изученіе тѣхъ предметовъ, безъ прочнаго знанія коихъ судебная практика обращается въ грубое ремесло подъячаго (Gesetzkrämer). —

Къ этимъ немногимъ соображеніямъ относительно важнѣйшихъ вопросовъ современнаго университетскаго образованія, мнѣ остается присовокупить нѣсколько словъ на счетъ высшихъ ученыхъ степеней магистра и доктора. Достиженіе сихъ степеней должно мнѣ кажется, быть всевозможно поощряемо со стороны правительства, заботливо пекущагося о распространеніи просвѣщенія.*) Первая и самая очевидная выгода могущая отъ сего произойти, состоитъ въ томъ, что люди, обладающіе болѣе обширными, познаніями въ спеціальныхъ отрасляхъ наукъ, могутъ содѣйствовать къ преуспѣянію тѣхъ частей государственнаго управленія и общественной жизни, которымъ соотвѣтствуютъ свѣдѣнія ими пріобрѣтенныя. Спеціальность вѣдѣнія, и, соотвѣтствующая сей спеціальности, доля сотрудничества въ общественной дѣятельности, есть одна изъ тѣхъ мощныхъ пружинъ которыя сообщаютъ всѣмъ элементамъ государственной и народной жизни сильное поступательное движеніе. Значеніе спеціалиста въ этомъ смыслѣ давно уже понято во всѣхъ образованныхъ государствахъ. Поощряемое и правительствомъ и общественнымъ мнѣніемъ, это раціональное раздѣленіе труда принесло и ежедневно приноситъ

---

*) Однимъ изъ недавнихъ примѣровъ поощренія ученой дѣятельности, могутъ служить преимущества, дарованныя года за два передъ симъ, оффицерамъ, изучающимъ высшія военныя науки.

обильные полоды; и тамъ, гдѣ это начало получило обширное примѣненіе къ общественной жизни, тамъ рѣдній, какъ говорится, не на своемъ мѣстѣ, рѣдній не занимается своимъ дѣломъ, — отъ этого и общее дѣло идетъ успѣшно. Другая существенно-важная польза, происходящая отъ окончательнаго изученія наукъ съ цѣлію пріобрѣтенія высшихъ ученыхъ степеней, заключается въ томъ, что продолжительный и систематически направленный умственный трудъ упрочиваетъ положительное настроеніе духа. Чѣмъ продолжительнѣе занимается молодой человѣкъ науками, тѣмъ сильнѣе развивается въ немъ охота къ пріобрѣтенію познаній вообще, какъ путемъ теоріи, такъ и практическимъ изученіемъ. Такое стремленіе есть вѣрное ручательство въ томъ, что сѣмена образованія не заглохнутъ, а процвѣтутъ и принесутъ обильные плоды; и если, при этомъ, пора молодости, и свойственное ей расположеніе къ свѣтскимъ удовольствіямъ отвлекутъ человѣка отъ духовной дѣятельности, то во всякомъ случаѣ не на долго, и никакъ не на всегда. Словомъ многостороннія выгоды, доставляемыя продолжительнымъ, и до нѣкотораго совершенства доведеннымъ изученіемъ одной отрасли наукъ, столь очевидны, что врядъ ли онѣ могутъ подлежать малѣйшему сомнѣнію.

Въ общемъ составѣ органовъ народнаго просвѣщенія, въ Россіи существующихъ, наши университеты соотвѣтствуютъ безспорно болѣе всего своему назначенію. Успѣхъ этотъ я приписываю преимущественно двумъ обстоятельствамъ: во 1 просвѣщенному содѣйствію нашихъ профессоровъ; и во 2,

посвященію четырехгодичнаго курса на исключительное изученіе одной спеціальной отрасли наукъ. Но это удовлетворительное состояніе не есть причина, чтобы не желать лучшаго, когда такое улучшеніе можетъ быть достигнуто безъ особеннаго затрудненія, и обѣщаетъ прочный результатъ. Предъидущія соображенія заключаютъ въ себѣ нѣкоторые намёки на счетъ тѣхъ предметовъ, на которые должно быть обращено, по моему мнѣнію, преимущественное вниманіе. За тѣмъ, независимо отъ условій учебнаго курса, было бы мнѣ кажется, необходимо установить болѣе поздній по возрасту срокъ для вступленія на университетское поприщѣ по слѣдующимъ причинамъ! При разсчетѣ времени, предназначеннаго на прохожденіе гимназическаго курса, я пришелъ къ тому заключенію, что для болѣе прочнаго изученія наукъ, слѣдовало бы посвятить имъ не 7, а 8 лѣтъ. Но, предположивъ даже 7 лѣтній срокъ для гимназическаго курса, и допустивъ, что гимназистъ начинаетъ ученіе съ 10ти лѣтняго возраста, все же пріемный возрастъ для вступленія въ увиверситетъ долженъ быть 17ти, а не 16ти лѣтній. Съ другой стороны свойство наукъ университетскаго курса, способъ ихъ преподаванія и степень изученія, требуютъ извѣстную зрѣлость ума рѣдко совмѣстную съ юношескимъ 16ти лѣтнимъ возрастомъ; а наука преждевременно изучаемая, по недостатку должной воспріимчивости въ соотвѣтственномъ развитіи умственныхъ способностей, не имѣетъ для учащагося настоящаго значенія, скоро изглаживается и остается безплодною. По этому то я и считалъ бы полезнымъ не допу-

скать къ поступленію въ университетъ молодыхъ людей, не достигшихъ восемьнадцати лѣтъ, какъ возраста, сопровождаемаго тою степенью развитія умственныхъ силъ, которая ближе удовлетворяетъ условіямъ призванія къ высшему образованію. Кромѣ того позднее поступленіе на университетское поприщѣ должно предупредить многіе изъ тѣхъ безпорядковъ, о которыхъ говорено выше,*) и которые бываютъ послѣдствіемъ несоразмѣрности степени, получаемаго въ университетѣ образованія, съ юношескимъ возрастомъ нынѣшнихъ нашихъ студентовъ. Наконецъ послѣдняя причина, заставляющая желать предполагаемую здѣсь мѣру, заключается въ необходимости обуздать свойственную нашимъ молодымъ людямъ торопливость въ окончаніи учебнаго поприща.

---

3. Отношеніе учебнаго поприща къ служебной дѣятельности.

Обозрѣвъ существенныя условія университетскаго образованія, перехожу, къ послѣднему предмету и окончательной цѣли моихъ замѣчаній: я разумѣю отношеніе учебнаго поприща къ служебной дѣятельности. Но предварительно изложенія моего мнѣнія по сему предмету, считаю нужнымъ коснуться вновь установленныхъ правилъ о срокахъ чинопроизводства, по нѣкоторой связи сего закона

*) Стр. 413 и 414

съ предстоящимъ вопросомъ. Правительство наше, обративъ вниманіе на то обстоятельство, что существовавшія до сихъ поръ служебныя преимущества для лицъ, получавшихъ образованіе въ одномъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній, служили какъ бы искуственною приманкою къ наукѣ, признало нужнымъ уничтожить прежнее производство въ чины по сокращеннымъ сронамъ, и установить одинаковые сроки для всѣхъ чиновниковъ съ 14го до 5го класса, независимо отъ степени образованія служащаго. Другая, болѣе косвенная причина, подавшая поводъ къ уравненію сроковъ чинопроизводства заключалась, если не ошибаюсь въ томъ, чтобы отклонить всякій ропотъ со стороны тѣхъ чиновниковъ, которые, принадлежа къ низшимъ по воспитанію разрядамъ, не имѣли права на ускоренное производство, а между тѣмъ признаваемы были въ иныхъ случаяхъ не менѣе достойными повышенія. Нельзя не согласиться, что мысль, руководившая утвержденіе сей мѣры, обнаруживаетъ всю просвѣщенную заботливость правительства на счетъ распространенія истиннаго образованія и установленія возможно правомѣрныхъ отношеній между служащими; но врядъ ли эта благая цѣль можетъ быть достигнута однимъ этимъ путемъ. Быть можетъ я ошибаюсь, и дай Богъ чтобы предположенія мои были ошибочны, — но мнѣ кажется, что при нынѣшнемъ порядкѣ вещей, означенная мѣра подастъ поводъ многимъ молодымъ людямъ миновать университетское образованіе которое столь нужно для Россіи, особенно въ настоящее время. Предположеніе мое основано на весьма простомъ и есте-

ственномъ разсчетѣ. Тотъ, кто поступаетъ въ университетъ, долженъ посвятить ученію лишніе 4 года; тогда, какъ полученіе степени кандидата, дающей право на 10й классъ, подлежитъ еще сомнѣнію, особенно для лѣнтяевъ. А пробыть въ университетѣ 4 года для того, чтобы получить 12й классъ, если можно достигнуть того же преимущества и въ теченіи того же срока, не посѣщая университетскихъ лекцій, не стоитъ ни тѣхъ лишеній, ни тѣхъ трудовъ, съ которыми сопряжено университетское образованіе. Вотъ примѣрныя соображенія, которыя по всѣмъ вѣроятіямъ могутъ представиться молодымъ людямъ оканчивающимъ курсъ въ гимназіяхъ, а быть можетъ, и многимъ другимъ, не получившимъ даже гимназическаго образованія. Слѣдовательно, вновь установленный порядокъ не представляетъ, мнѣ кажется, достаточнаго ручательства ни относительно прочности изученія наукъ, ни относительно стремленія къ высшему образованію. Съ другой стороны упомянутая мѣра увеличиваетъ еще въ бо́льшей степени прежде существовавшія затрудненія на счетъ назначенія вполнѣ способныхъ чиновниковъ къ высшимъ должностямъ, такъ какъ занятіе должностей зависитъ у насъ отъ чина, а установленныя нынѣ сроки чинопроизводства, оказываются продолженными именно для тѣхъ лицъ, которыя по относительно-лучшему образованію заслуживаютъ, въ большинствѣ случаевъ, подобныя поощренія и могутъ, по всѣмъ вѣроятіямъ принести сравнительно-бо́льшую пользу службѣ, которой они себя посвящаютъ. Положимъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ, когда и заслуги чиновника, и самые слу-

жебные интерессы того потребуютъ, упомянутыя правила не будутъ строго наблюдаемы; что, либо повышеніе въ чинахъ будетъ допускаемо по сокращеннымъ срокамъ, либо тѣ, которые не имѣютъ узаконенныхъ чиновъ для занятія извѣстныхъ должностей будутъ назначаемы къ ихъ исправленію. Все же подобные случаи будутъ составлять исключенія, и исключенія хотя справедливыя въ сущности, но тѣмъ не менѣе незаконныя, какъ все то, что заключаетъ въ себѣ отступленіе отъ установленныхъ правилъ. И кромѣ того, если такого рода изъятія будутъ допускаемы, то они могутъ подать поводъ къ неограниченному произволу начальниковъ, которые по личнымъ ли своимъ убѣжденіямъ въ достоинствѣ подчиненнаго, — убѣжденіямъ, которыя могутъ быть ошибочны, или, что еще хуже, по особенному покровительству къ чиновнику обратятъ правило въ исключеніе. Причины эти, вмѣстѣ взятыя, возбуждаютъ довольно основательное сомнѣніе на счетъ возможности достиженія пользы, ожидаемой отъ вновь установленныхъ правилъ о чинопроизводствѣ.

Возвращаюсь къ первоначальному вопросу, состоящему въ опредѣленіи отношенія учебнаго поприща къ служебной дѣятельности. Приразсмотрѣніи сего вопроса представляются слѣдующія существенно важныя соображенія. Лица, желающія посвятить себя служебной дѣятельности, должны заключать въ себѣ тѣ нравственныя и умственныя свойства, которыя въ бо́льшей или мѐньшей мѣрѣ соотвѣтствуютъ требованіямъ службы. Такъ какъ отъ степени образованія и воспитанія лицъ, готовящихся

къ службѣ зависитъ во многомъ успѣшный ходъ управленія и польза всего государства, то попеченіе о приготовленіи людей къ служебному поприщу принадлежитъ исключительно самому правительству и составляетъ предметъ дѣятельности органовъ народнаго просвѣщенія. Съ другой стороны, самостоятельность отдѣльныхъ вѣдомствъ, и еще болѣе необходимость обезпеченія служебныхъ интересовъ каждаго изъ нихъ, требуютъ, чтобы опредѣленіе на службу не находилось въ непосредственной зависимости отъ учебнаго поприща, ибо одни успѣхи въ наукахъ не могутъ еще служить достаточнымъ ручательствомъ въ годности человѣка къ такимъ или другимъ служебнымъ занятіямъ. Изъ сего проистекаетъ третье условіе: каждое вѣдомство можетъ и должно подвергать предварительному испытанію тѣхъ лицъ, которыя изъявляютъ желаніе поступить на службу; дабы само начальство подлежащаго вѣдомства имѣло возможность удостовѣриться соотвѣтствуютъ ли дѣйствительно познанія и способности такихъ лицъ тому роду занятій, которымъ они себя предназначаютъ. И такъ, прочное и достаточно надежное образованіе ума и нравственности, нѣкоторая независимость условій для поступленія на службу отъ предшествовавшаго ей учебнаго поприща, и, наконецъ, предварительное испытаніе подлежащимъ вѣдомствомъ способностей того, который желаетъ посвятить себя служебнымъ занятіямъ, — вотъ въ чемъ заключаются коренныя начала, которыя, примиряя и согласуя всѣ требованія и недоразумѣнія, представляютъ сверхъ того возможно-вѣрныя ручательства въ успѣхѣ сего

важнаго дѣла. Независимо отъ общихъ условій образованія, о которомъ говоренно было выше, означенная цѣль можетъ быть достигнута установленіемъ пріемнаго на службу испытанія, существующаго во многихъ иностранныхъ державахъ, и называемаго государственнымъ или служебнымъ экзаменомъ (Staatsprüfung, *examen pro praxi.*) Между этимъ испытаніемъ и выпускнымъ экзаменомъ изъ учебнаго заведенія, существуетъ значительная разница. Сей послѣдній служитъ повѣркою познаній пріобрѣтенныхъ въ учебномъ заведеніи и имѣетъ значеніе, какъ бы частнаго въ томъ удостовѣренія для начальства самаго заведенія; тогда какъ служебное испытаніе, коему подвергаются лица, желающія поступить на службу по такому или другому вѣдомству, имѣетъ цѣлію прямое засвидѣтельствованіе передъ начальствомъ подлежащаго вѣдомства о степени познаній и способностей соискателей по отношенію къ извѣстному роду служебныхъ занятій, и носитъ характеръ испытанія оффиціальнаго.*)

*) Предметъ этотъ занимаетъ меня съ давнихъ поръ; но къ величайшему моему сожалѣнію, и не взирая на всѣ мои усилія, я лишенъ былъ возможности собрать обстоятельныя на этотъ счетъ свѣдѣнія. Особенно интересовало бы меня подробное знаніе правилъ, существующихъ по сему предмету въ Пруссіи, гдѣ эта часть, какъ и все, что имѣетъ соотношеніе съ общественнымъ образованіемъ, доведена до совершенства. По этому я принужденъ довольствоваться скудными свѣдѣніями, заимствованными мною изъ разныхъ отдѣльныхъ источниковъ. Что дѣлать, не я одинъ испытываю подобную участь. А сказать правду тяжело бываетъ, когда для объясненія какого нибудь недоразумѣнія приходится рыться въ десяткахъ книгъ, и часто попустому.

Условія соблюдаемыя при допущеніи къ подобнымъ испытаніямъ заключаются во первыхъ въ томъ, чтобы со дня окончанія учебнаго курса лицемъ, желающимъ поступить на дѣйствительную службу, миновался узаконенный срокъ, — по крайней мѣрѣ двухлѣтній, предоставляемый на практическое изученіе занятій, до будущаго поприща относящихся, и на приготовленіе къ предстоящему испытанію.*) По истеченіи такого срока и по надлежащемъ приготовленіи къ экзамену, ищущій опредѣленія на службу представляетъ при прошеніи въ вѣдомство будущаго своего служенія, выданные ему изъ учебнаго заведенія аттестаты объ успѣхахъ въ пройденныхъ наукахъ, и засвидѣтельствованіе о его нравственности (testimonium morum.**) Въ большинствѣ случаевъ прохожденіе университетскаго поприща и засвидѣтельствованіе въ томъ факультетскихъ профессоровъ поставляется въ непремѣнное

---

*) Во Франціи, время, употребляемое на приготовленіе къ должности адвоката, называется le stage.

**) Правило это не соблюдается въ тѣхъ только государствахъ, гдѣ предварительное прохожденіе учебнаго курса въ одномъ изъ заведеній правительствомъ учрежденныхъ, несоставляетъ непремѣннаго условія для опредѣленія на службу. Такъ, напримѣръ, въ Бельгіи существуетъ слѣдующій законъ: toute personne peut se présenter aux examens et obtenir des grades sans destinction du temps, du lieu ou de la manière, dont elle a fait ses études. Основное начало сего постановленія заключается въ совершенной свободѣ образованія и приготовленія къ службѣ. Противорѣча кореннымъ понятіямъ о государственномъ благоустойствѣ, это начало не можетъ быть принято въ соображеніе. Ср. Stahl. — Die Philosophie des Rechts. II. Band. 1. Abtheilung. S. 494 u. f. f.

условіе доступа къ служебному испытанію;*) а иногда требуется, чтобы ходатайствующій о полученіи извѣстнаго мѣста, имѣлъ одну изъ ученыхъ степеней. Такъ въ Бельгіи занятіе должности адвоката предполагаетъ предварительное пріобрѣтеніе степени доктора, или по крайней мѣрѣ лиценціата. Самое испытаніе на службу бываетъ двоякаго рода -- теоретическое и практическое. Предметы, по коимъ экзаменуется проситель суть тѣ, которые находятся въ прямой связи съ родомъ служебныхъ занятій подлежащаго вѣдомства, и потому они соотвѣтствуютъ, нѣкоторымъ образомъ, отдѣльнымъ отраслямъ наукъ, требуемыхъ для достиженія степени магистра. Значитъ, программа испытаній измѣняется, смотря потому предназначаетъ ли себя будущее должностное лице судебному вѣдомству, или внутренней администраціи, или управленію государственными финансами, или дипломатической части.**) Испытанія эти производятся въ присут-

*) Въ Прусскихъ и другихъ Германскихъ университетахъ полный курсъ наукъ каждаго факультета раздѣляется на три семестра; но эти семестры не равняются годичнымъ курсамъ, а соотвѣтствуютъ извѣстному отдѣлу предметовъ, составляющихъ треть всего курса, который и называется triennium academicum.

**) Въ Австріи требуется испытаніе по всѣмъ предметамъ юридическихъ и камеральныхъ наукъ для занятія безразлично всѣхъ такъ называемыхъ Conceptsposten. Мѣра эта оказывается совершенно безполезною по огромному числу предметовъ (числомъ 26), входящихъ въ программу испытанія. Die Beamten- und Besoldungsfrage. Wien 1857. Въ Пруссіи же установлены по сему предмету особенныя программы, смотря по различію должностей. См. Handbuch der administrativen Justiz-Verwaltung in Preussen von W. Goder. Berlin 1855.

ствіи членовъ подлежащаго вѣдомства и университетскихъ профессоровъ; кажется, что въ Пруссіи эти присутствія составляютъ три должностныя лица и три профессора. Въ Бельгіи существуютъ на сей конецъ особенныя коммиссіи, состоящія изъ семи присяжныхъ членовъ, изъ коихъ два члена назначаются палатою депутатовъ, два сенатомъ и три прочими вѣдомствами. При испытаніи познаній и практическихъ свѣдѣній наблюдается, обыкновенно, довольно строгая оцѣнка. Такъ, напримѣръ, въ Саксоніи изъ пяти степеней, служащихъ для опредѣленія достоинства, три первыя, которыя соотвѣтствуютъ примѣрно слѣдующимъ выраженіямъ превосходно, отлично хорошо, очень хорошо, — даютъ право на вступленіе въ службу.*) Сколь ни скудны собранныя здѣсь указанія на счетъ служебныхъ испытаній, тѣмъ не менѣе они достаточны для объясненія главныхъ основаній сего учрежденія, которыя состоятъ въ слѣдующемъ: 1. Опредѣленіе на государственную службу зависитъ отъ предварительнаго испытанія, которое именуется служебнымъ экзаменомъ. 2. Для полученія доступа къ служебному экзамену требуется предъявленіе засвидѣтельствованія одного изъ учебныхъ заведеній, правительствомъ учрежденныхъ, относительно степени познаній и нравственности лица, желающаго поступить на службу. 3. Не можетъ быть допущенъ къ служебному испытанію тотъ, для кого не миновалъ установленный на сей конецъ срокъ со

*) См. Umriss der Justizverfassung im Königreiche Sachsen, von Treitschke und Schubert. Leipzig, 1829.

дня окончанія учебнаго курса. 4. Служебный экзаменъ состоитъ въ удостовѣреніи на счетъ теоретическихъ познаній и практическихъ свѣдѣній соискателей по той части, служенію коей они себя предназначаютъ. 5. Испытаніе это происходитъ въ присутствіи представителей подлежащаго вѣдомства, или мѣста. 6. При этомъ экзаменѣ могутъ присутствовать и посторонніе лица.*) Вотъ въ чемъ заключаются существенныя условія служебнаго испытанія. Разрѣшеніе остальныхъ вопросовъ какъ то: опредѣленіе тѣхъ именно должностей, для занятія коихъ требуется такого рода испытаніе? въ какихъ случаяхъ предварительное прохожденіе университетскаго курса должно быть обязательно? будутъ ли ученыя степени магистра и доктора составлять необходимое требованіе для занятія особенно важныхъ должностей, или нѣтъ? разрѣшеніе всѣхъ этихъ и подобныхъ симъ вопросовъ, имѣющихъ въ общемъ дѣлѣ значеніе случайное, второстепенное, не можетъ, по моему мнѣнію, представить значительнаго затрудненія. Опредѣленіе таковыхъ частностей зависитъ, разумѣется, отъ совокупнаго соглашенія отдѣльныхъ вѣдомствъ, коимъ ближе извѣстна относительная важность должностей, къ дѣятельности каждаго изъ нихъ относящихся, и соотвѣтственныя сему служебныя требованія, которыя должны быть приняты за мѣрило при установленіи подробныхъ правилъ.

*) Правило это существуетъ въ Саксоніи, и вѣроятно во многихъ другихъ государствахъ. Соблюденіе сего правила необходимо для отклоненія всякаго подозрѣнія на счетъ пристрастія или же нерасположенія экзаменаторовъ къ экзаменуемому.

Проникнутый убѣжденіемъ въ огромной пользѣ, которую доставило бы Россіи введеніе означенной мѣры, я до того свыкнулся съ этою мыслію, что предомною, какъ будто уже обрисовывается примѣненіе сего начала къ нашему служебному быту; и я никакъ не полагаю, чтобы осуществленіе этой мѣры было дѣломъ невозможнымъ. Не спорю; здѣсь, какъ и во всякомъ нововведеніи затрудненія неизбѣжны, но въ настоящемъ случаѣ они отнюдь не неотвратимы. Къ тому же намъ нѣтъ причины отказываться отъ переобразованія, обѣщающаго полезный исходъ, потому только, что оно представляетъ у насъ явленіе небывалое, и сопряжено съ нѣкоторыми трудностями. Вопросъ объ освобожденіи крестьянъ кажется потруднѣе, однако правительство приступило къ его разрѣшенію, ибо убѣдилось въ необходимости прекращенія крѣпостнаго состоянія. Что касается до относительной трудности, то, говоря примѣрно, я считаю устройство училищъ для народнаго образованія дѣломъ, представляющимъ несравненно болѣе затрудненій, чѣмъ мѣра, о которой идетъ рѣчь. Если, допустивъ замѣчаніе такого рода, что исполненіе мысли о служебныхъ экзаменахъ встрѣтитъ у насъ препятствія въ ограниченномъ числѣ университетовъ и профессоровъ, коихъ участіе здѣсь необходимо, и въ недостаткѣ образованныхъ людей между должностными лицами, то и эти обстоятельства не составляютъ еще преградъ непреодолимыхъ. Положимъ, что на первый случай подобныя испытанія учреждены будутъ въ главныхъ центрахъ управленія и приняты будутъ за непремѣнное условіе для

занятія болѣе важныхъ должностей главныхъ вѣдомствъ и хотя нѣкоторыхъ мѣстъ въ составѣ губернскихъ учрежденій, то все-же число людей вполнѣ приготовленныхъ къ службѣ будетъ съ каждымъ годомъ увеличиваться. Но важнѣйшій результатъ будетъ состоять въ принятіи самаго основнаго начала сего учрежденія, которое послужитъ прочнымъ руководствомъ на будущее время и принесетъ несомнѣнную пользу въ постепенно возрастающей прогрессіи. Здѣсь, главное условіе заключается въ убѣжденіи ясномъ, сознательномъ, что это дѣло полезное, необходимое; а что дѣло это дѣйствительно полезно и необходимо въ томъ, кажется, сомнѣваться нельзя. Во первыхъ правительство достигнетъ цѣль, которую оно уже имѣло въ виду: поставить служебныя преимущества въ возможно независимое отношеніе къ учебному курсу; а между тѣмъ независимость эта не будетъ сопряжена съ ущербомъ на счетъ образованія. Напротивъ, мѣра эта обнаружитъ на самомъ дѣлѣ настоящую цѣль науки и покажетъ необходимость согласованія теоріи съ практикою. Повторяю при этомъ случаѣ однажды уже высказанное и твердое мое убѣжденіе, что занятія наукою, продолжаемыя въ зрѣломъ возрастѣ и доведенныя до знанія прочнаго, основательнаго, внушаютъ истинную любовь ко всякому умственному труду и становятся плодотворными. Съ другой стороны, эта мѣра возбудитъ благородное соревнованіе и въ тѣхъ, которые не вполнѣ сочувствуютъ наукѣ, но которые тѣмъ не менѣе не захотятъ слишкомъ далеко отставать отъ передовыхъ людей совершеннаго образованія.

А государственное управленіе пріобрѣтетъ служителей вполнѣ просвѣщенныхъ и достойныхъ своего назначенія. Вмѣсто 20ти лѣтнихъ недоучившихся и не вполнѣ приготовленныхъ къ служебной дѣятельности чиновниковъ, — на службу будутъ поступать люди прочно образованные, достаточно опытные, совершенно зрѣлые, и обладающіе дѣльнымъ, основательнымъ настроеніемъ ума. Словомъ предполагаемая мѣра, въ совокупности съ тѣми, которыя составили предметъ предъидущихъ соображеній, представляетъ наиболѣе вѣрное обезпеченіе въ томъ, что усилія правительства на счетъ улучшенія личнаго состава служащихъ, увѣнчаны будутъ надежнымъ успѣхомъ. *)

---

*) Если время и другія обстоятельства, отъ меня не зависящія, дозволятъ мнѣ заняться подробнымъ изслѣдованіемъ сего вопроса, то я постараюсь развить въ особой статьѣ ближайшія соображенія на счетъ условій вступленія въ гражданскую службу съ указаніемъ на отношенія таковыхъ условій къ существующему въ Россіи порядку чинопроизводства. Во всякомъ случаѣ, и особенно въ томъ смыслѣ, что предметъ этотъ составляетъ въ нынѣшнемъ моемъ трудѣ лишь часть цѣлой системы бѣгло очерченной, я полагаю, что существенныя стороны означеннаго вопроса достаточно опредѣлены. Повторяю еще разъ: главное условіе успѣха, котораго правительство наше достигнуть желаетъ, заключается все-таки въ водвореніи и упроченіи раціональнаго образованія. А пока еще мы эту цѣль достигнемъ пройдетъ не мало времени, въ продолженіи коего возможно будетъ изыскать способы примѣненія къ особенностямъ нашей службы тѣхъ началъ, которыя здѣсь обозначены въ существенномъ ихъ значеніи, и которыя конечно представляютъ всѣ ручательства въ пользу сего дѣла.

Общій сводъ замѣчаній на счетъ народнаго образованія въ Россіи.

Окончивъ изложеніе самыхъ существенныхъ замѣчаній представившихся мнѣ при разсмотрѣніи вопроса о народномъ образованіи, считаю нужнымъ повторить все выше сказанное въ возможно сжатомъ очеркѣ, съ краткимъ обозначеніемъ тѣхъ обстоятельствъ, которыя составили главнѣйшій предметъ моихъ изслѣдованій. Соображенія, помѣщенныя въ предидущемъ отдѣлѣ, относятся: во 1хъ къ несовершенствамъ существующей въ Россіи системы народнаго просвѣщенія, во 2хъ къ цѣли, которую надлежитъ имѣть въ виду для устраненія сихъ несовершенствъ; и въ 3хъ къ мѣрамъ, посредствомъ коихъ цѣль эта можетъ быть достигнута. Общій сводъ всѣхъ таковыхъ замѣчаній можетъ быть представленъ въ слѣдующихъ заключительныхъ выводахъ

1. Несовершенства существующей въ Россіи системы народнаго просвѣщенія заключаются во первыхъ въ недостаточномъ распространеніи средствъ къ образованію, — средствъ, несоотвѣтствующихъ ни общему итогу народонаселенія, ни относительному требованію разныхъ государственныхъ сословій. Далѣе къ несовершенствамъ же сего рода надо отнести искуственность въ направленіи духовнаго развитія, которое выражается въ недостаткѣ раціональнаго воспитанія, имѣющаго первоначальною цѣлію вспомоществованіе естественному и своеобразному проявленію духовной дѣя-

тельности. Наконецъ третье несовершенство состоитъ въ непрочности самого способа обученія, — непрочности, порождающей поверхностность и шаткость въ пріобрѣтеніи многостороннихъ познаній на скорую руку. Первыя, или лучше сказать, прямыя и слѣдствія такого неудовлетворительнаго порядка вещей заключаются въ томъ, что низшіе слои общества, къ коимъ принадлежатъ десятки милліоновъ нашихъ соотечественниковъ, коснѣютъ въ какомъ-то полудикомъ невѣжествѣ, тогда какъ тѣ, на которыхъ распространяются лучи просвѣщенія, либо образованы непрочно, либо же образованіе ими получаемое не соотвѣтствуетъ настоящему ихъ назначенію. Затѣмъ, по отношенію къ общественной и государственной жизни, можно сказать утвердительно, что недостатокъ образованія составляетъ въ Россіи одну изъ причинъ неудовлетворительнаго состоянія домашняго быта народа и производительной его дѣятельности. Недостатку же образованія слѣдуетъ приписать главнымъ образомъ отсутствіе въ народномъ сознаніи коренныхъ понятій о религіи, о правахъ и обязанностяхъ гражданина, о личномъ достоинствѣ человѣка, — понятій, свойственныхъ народамъ образованнымъ, и почти несуществующихъ въ Россіи. Наконецъ отъ недостатка же образованія происходитъ несостоятельность значительнаго большинства лицъ, принимающихъ участіе въ государственномъ управленіи и въ общественныхъ дѣлахъ. Все это, вмѣстѣ взятое, приводитъ меня къ тому заключенію, что улучшеніе нашего гражданскаго и народнаго быта должно быть начато путемъ образованія, безъ ко-

тораго всѣ прочія мѣры, не исключая и самого уничтоженія крѣпостнаго состоянія, останутся если и несовершенно безполезны, то и не вполнѣ плодотворны.

2. Изъ сего слѣдуетъ, что цѣль нашего народнаго просвѣщенія въ настоящее время должна состоять: въ соразмѣрномъ распространеніи образованія между всѣми государственными сословіями; въ установленіи началъ, могущихъ содѣйствовать естественному саморазвитію духовныхъ силъ; въ замѣненіи поверхностности и шаткости изученія, — прочностію и основательностію образованія.

3. Мѣры, могущія повести къ достиженію предположенной цѣли должны состоять: а) по отношенію къ образованію собственно народному, въ открытіи народныхъ училищъ сельскихъ и городскихъ, въ которыхъ бы преподаваніе грамотѣ соединено было съ практическимъ обученіемъ какого нибудь ремесла или промысла, примѣнительно къ бытовымъ условіямъ и мѣстнымъ требованіямъ края. Съ предположеніемъ объ учрежденіи такихъ училищъ неразрывно сопряжена мысль объ улучшеніи нравственности сельскаго духовенства и объ основаніи народныхъ педагогическихъ семинарій, т. е. такихъ учебныхъ заведеній, которыя имѣли бы предметомъ приготовленіе людей для занятія учительскихъ мѣстъ въ разсадникахъ народнаго образованія. Съ тѣмъ вмѣстѣ должны быть основаны такъ называемыя реальныя училища, могущія удовлетворить современнымъ требованіямъ промышленнаго развитія и открыть новое поприще дѣятельности огромной массѣ народона-

селенія, къ среднимъ слоямъ общества принадлежащей. Кромѣ того реальныя училища послужатъ второю степенью образованія для людей обученныхъ уже грамотѣ, и желающихъ пріобрѣсти дальнѣйшія познанія въ области наукъ точныхъ. Въ учрежденіи этихъ трехъ органовъ просвѣщенія, — въ училищахъ первоначальныхъ, реальныхъ и педагогическихъ саминаріяхъ, и въ улучшеніи нравственнаго быта сельскихъ священниковъ, заключается весь вопросъ образованія собственно народнаго.*) б) По отношенію же къ высшему или ученому образованію (противопоставляемому народному), мѣры правительства должны быть направлены прежде всего къ упроченію образованія общечеловѣческаго, которое, какъ объясняетъ самое его наименованіе, заключается въ томъ, что оно содѣйствуетъ стройному развитію познавательныхъ силъ, и снабжаетъ человѣка тѣмъ умственнымъ капиталомъ который облегчая пріобрѣтеніе дальнѣйшихъ познаній, и не противорѣча природному расположенію, доставляетъ человѣку возможность ступить твердою ногою на любое поприщѣ въ ту именно пору жизни, когда оканчивается возрастъ юношества и настаетъ переходъ къ мужеству, а съ тѣмъ вмѣстѣ опредѣляется окончательно и самое расположеніе къ такому или другому роду занятій. Основательно составленный и основательно пройденный гимназическій курсъ есть какъ бы надежный фундаментъ, на которомъ твердо зиждется всякая умственная дѣятельность, и безъ

---

*) Ближайшія соображенія на счетъ способовъ учрежденія народныхъ училищъ объяснены въ своемъ мѣстѣ.

котораго образованіе университетское, будучи лишено надлежащей основы, существовать неможетъ. Вотъ почему, при учрежденіи реальныхъ училищъ, въ которыхъ мы нуждаемся равнымъ образомъ, надо опасаться двухъ крайностей, могущихъ нанести ущербъ гимназическому образованію: эти крайности состоятъ либо въ совершенномъ переобразованіи всѣхъ гимназій въ училища реальныя, либо въ безразличномъ смѣшеніи курсовъ сихъ учебныхъ заведеній въ одно энциклопедическое цѣлое. Наконецъ, образованіе университетское заслуживаетъ особеннаго вниманія правительства, стремящагося къ успѣху, такъ какъ отъ распространенія спеціальныхъ познаній въ высшихъ наукахъ зависитъ и самое улучшеніе важнѣйшихъ отраслей государственнаго управленія и общественной дѣятельности. По этому, чѣмъ болѣе подобныя познанія распространены, чѣмъ полнѣе сфера вѣдѣнія, ими обнимаемая, — тѣмъ обширнѣе должно быть благотворное ихъ вліяніе въ гражданской жизни, тѣмъ надежнѣе, тѣмъ вѣрнѣе успѣхъ, обусловливаемый ихъ распространеніемъ. Эти самыя причины заставляютъ желать, чтобы достиженіе ученыхъ степеней, пріобрѣтеніе коихъ предполагаетъ окончательныя познанія въ отдѣльныхъ отрасляхъ наукъ, и сопряжено съ огромными трудами со стороны соискателей, было сколь возможно поощряемо, и въ видахъ непосредственной пользы отъ сего происходящей, и съ цѣлію верховнаго покровительства наукамъ. Наконецъ, что касается отношенія учебнаго поприща къ служебной дѣятельности, то единственно надежная мѣра, могущая удовлетворить

всѣмъ требованіямъ и условіямъ государственной пользы, частныхъ выгодъ и самой справедливости, — есть испытаніе на службу.

Вотъ въ какомъ видѣ представляется передо мною современное состояніе народнаго просвѣщенія въ Россіи и тѣ переобразованія, которыя по моему мнѣнію необходимы для улучшенія сей важной отрасли государственнаго управленія гдѣ одна сторона вопроса вяжется съ другою въ неразрывномъ порядкѣ и послѣдовательности. Это тѣсное соотношеніе частей цѣлаго между собою, это близкое сродство, сдерживающее ихъ во взаимномъ согласіи, убѣждаетъ меня въ томъ, что одно всестороннее разсмотрѣніе сего жизненаго вопроса можетъ повести къ желаемымъ улучшеніямъ нашего гражданскаго и народнаго быта, и что, по этому, частныя мѣры врозь установляемыя по отдѣльнымъ случаямъ, безъ внутренней, предварительно обдуманной связи съ цѣлымъ вопросомъ, соотвѣтствуютъ средствамъ временно облегчающимъ зло, но не поражающимъ его въ самомъ его корнѣ.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Настоящій трудъ предпринятъ былъ съ троякою цѣлію свести въ возможно крупные итоги всѣ частные и, какъ бы, разрозненные недостатки, отъ которыхъ страждетъ государственный и общественный бытъ Россіи; дойти до коренныхъ причинъ таковыхъ неустройствъ, и представить хотя приблизительно общіе, заключительные выводы. Мысли и убѣжденія изложенныя мною по симъ предметамъ, могутъ быть выражены въ слѣдующемъ перечневомъ обзорѣ. Существеннѣйшія несовершенства, служащія главными источниками всѣхъ нашихъ неустройствъ и безпорядковъ относятся, какъ я разумѣю, къ недостаткамъ органическимъ, духовнымъ и нравственнымъ. Къ первымъ принадлежатъ: многосложность администраціи, чрезмѣрная зависимость органовъ правительственной власти во взаимныхъ ихъ сношеніяхъ и запутанность обрядовъ дѣлопроизводства. Вторые заключаются въ отсутствіи единства и мѐтода въ дѣлѣ управленія отдѣльными частями. Наконецъ третьи состоятъ

въ недостаткѣ благонадежныхъ и способныхъ людей. Несовершенства органическія наносятъ ущербъ успѣшному теченію дѣлопроизводства, и причиняютъ значительную трату времени на мелочныя требованія, тогда какъ упускаются изъ виду предметы существенной важности. Несовершенства духовныя лишаютъ ходъ дѣлъ высшаго управленія того порядка въ распредѣленіи громадныхъ трудовъ и въ обсужденіи главнѣйшихъ Государственныхъ вопросовъ, который можетъ быть названъ душею правительственнаго организма, ибо даетъ ему жизнь, движеніе и смыслъ. Наконецъ несовершенства нравственныя составляютъ причину недостатка вѣрныхъ блюстителей закона, и просвѣщенныхъ дѣятелей какъ на поприщѣ государственнаго управленія, такъ и въ самой общественной жизни. Изъ этихъ трехъ несовершенствъ, послѣднее заслуживаетъ, мнѣ кажется, предпочтительной заботливости и вниманія правительства: по общности всюду ощущаемаго недостатка въ людяхъ достойныхъ и способныхъ; по происходящей отъ сего необходимости установленія мѣръ, которыя должны не только улучшить нравственный бытъ нашего современнаго общества, но и содѣйствовать развитію матеріальнаго благосостоянія всего государства; по неотлагательной надобности въ установленіи таковыхъ мѣръ и по обширности ихъ предначертаній; по продолжительности времени, потребнаго для приведенія сихъ предначертаній въ должное исполненіе; и, наконецъ, по отдаленности срока, въ который можно будетъ воспользоваться плодами предполагаемыхъ въ семъ случаѣ улучшеній. Разумѣя подъ упомя-

нутыми мѣрами общественное образованіе, и вникая въ значеніе сего важнаго государственнаго вопроса, я пришелъ къ тому заключенію, что одно всестороннее разсмотрѣніе сего предмета, и соотвѣтственное сему распространеніе благотворныхъ дѣйствій просвѣщенія на всѣ слои общества, сообразно различнымъ требованіямъ народнаго и гражданскаго быта, могутъ повести къ желаемой цѣли прочнаго улучшенія. . . .

Съ тѣхъ поръ, какъ начато изложеніе этихъ записокъ, прошло много мѣсяцевъ, въ продолженіи коихъ я испыталъ всевозможныя остановки, препятствія и неудачи отрывавшія меня на долгое время отъ сего занятія, и неминуемо составляющія горькую участь всякого частстнаго труженика, лишеннаго и нужныхъ свѣдѣній, которыхъ нѣтъ подъ рукою, и столь же необходимаго досуга. Но я не жалѣю объ этихъ невольныхъ проволочкахъ: онѣ сблизили окончаніе сего труда съ нѣкоторыми весьма важными переобразованіями по разнымъ отраслямъ государственнаго управленія, — переобразованіями, открывшими Россіи путь къ успѣху, и обѣщающими ей цвѣтущую будущность. Носится слухъ, что министерство народнаго просвѣщенія занимается составленіемъ проэкта, который долженъ измѣнить во многомъ систему существовавшаго до селѣ образованія. Дай Богъ, чтобы это полезное предпріятіе увѣнчано было полнымъ успѣхомъ. Постигая всю важность мѣръ къ сей отрасли государственной администраціи относящихся въ общемъ вопросѣ улучшенія гражданскаго быта, я пламенно сочувствую благимъ намѣреніямъ

правительства. Въ искренности моихъ чувствъ служитъ доказательствомъ настоящій трудъ, начатый подъ впечатлѣніями грустными, и оканчиваемый при радостномъ блескѣ зари предвѣстницы истиннаго просвѣщенія, — зари, заблестѣвшей на нашемъ родномъ востокѣ по манію Державной воли: да будетъ свѣтъ... Мнѣ остается пожалѣть, что я самъ уже не воспользуюсь плодами сего новаго образованія; — что упущено въ лѣта первой молодости, то не вернешь.

Высказавъ мою думу подъ внушеніемъ Божественныхъ словъ: Жатва многа, дѣлателей же мало, — обращаюсь съ усердною мольбою къ Господину жатвы: Яко да изведетъ дѣлатели на жатву Свою!

Лейпцигъ,
въ типографіи Густава Бера.

Leipzig,
Druck von Gustav Bär.

ОПЕЧАТКИ.

Стран.	3	напечатано	Стро.	3	рода читай ряда.
,,	3	,,	,,	25	видоизмѣняютъ — видоизмѣняются.
,,	3	,,	,,	28	Венценосцу — Вѣнценосцу.
,,	4	,,	,,	7	Зоконодателя — Законодателя.
,,	4	,,		Nota	Procem. — Procœm.
,,	5	,,	,,	10	изслѣдованія — изслѣдованіе.
,,	8	,,	,,	12	возможености — возможности.
,,	8	,,	,,	20	Токой — Такой.
,,	11	,,	,,	20	труженникамъ — труженикамъ.
,,	14	,,	,,	33	властолюбія — властолюбіе.
,,	15	,,	,,	16	Безпрерывные — Безпрерывныя.
,,	16	,,	,,	32	вносммыя — вносимые.

JN 6547 .N4 1858 C.1
Duma russkago grazhdanina /
Stanford University Libraries
3 6105 034 089 792

DATE DUE			

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6004